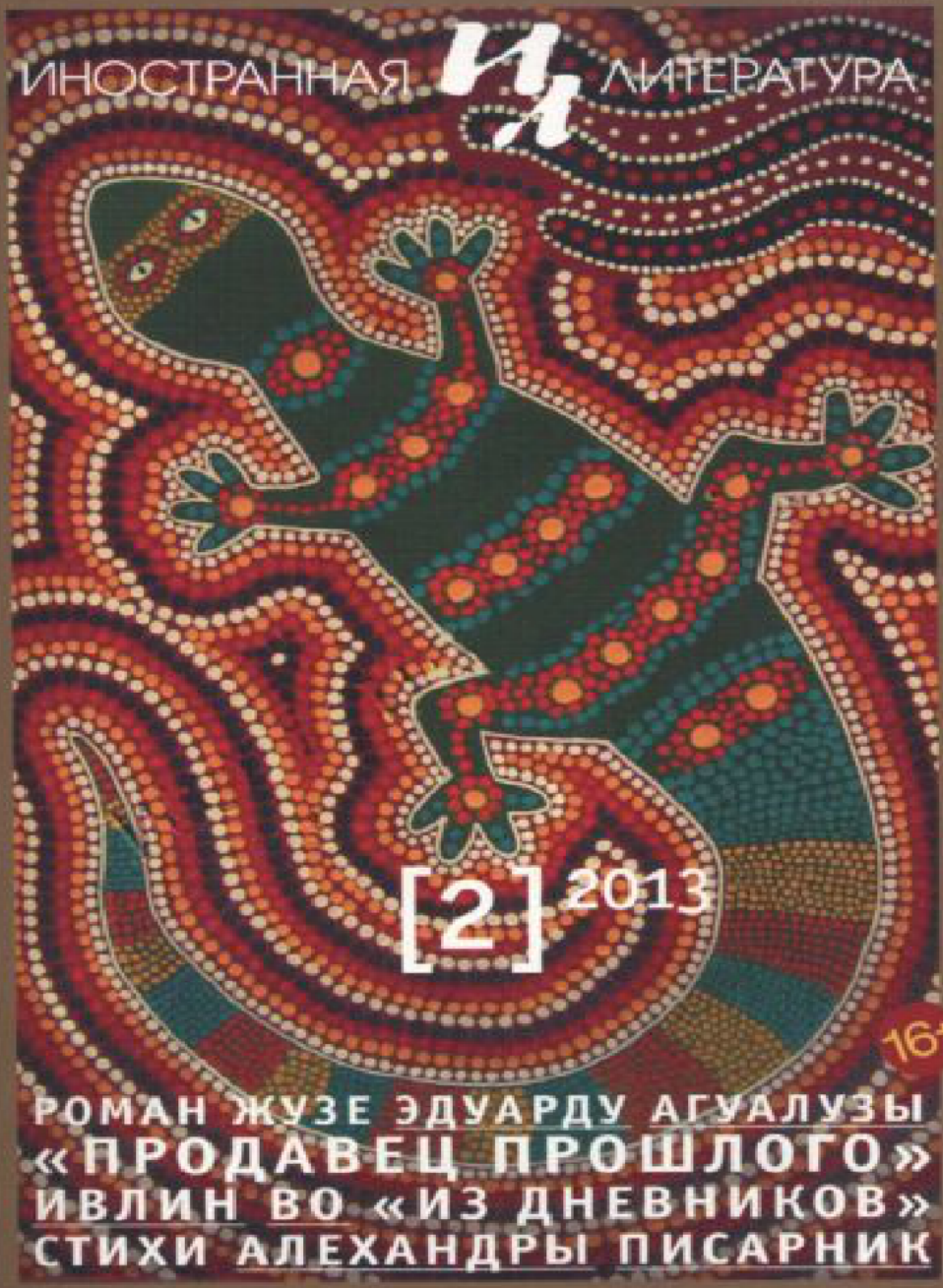
ISSN 0320-8545

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА



[2] 2013

16+

РОМАН ЖУЗЕ ЭДУАРДУ АГУАЛУЗЫ
«ПРОДАВЕЦ ПРОШЛОГО»
ИВЛИН ВО «ИЗ ДНЕВНИКОВ»
СТИХИ АЛЕХАНДРЫ ПИСАРНИК

Основан в 1955 году

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Февральский номер «ИЛ» открывают дневники классика английской литературы XX века Ивлина Во (1903–1966). *«Начинает Во вести дневник,* — пишет во вступительной статье переводчик Александр Ливергант, — *…с младших классов школы, и ведет его… порой со значительными перерывами почти до самой смерти. Мы же приводим фрагменты из его „Дневников“ до начала Второй мировой войны».* Вероятно, читатели, знакомые со складом ума и слогом Ивлина Во, узнают льва по когтям и в беглых дневниковых записях:*«…валлийцы настолько хорошо воспитаны, что на вопрос: „Эта дорога на Лльянддулас?“ — всегда отвечают утвердительно»*; или:*«У леди Н. густая борода, лысая собака, пьяный муж и педераст сын…»* — знакомый по художественным произведениям И. Во трагикомический бедлам. А некоторые досужие разговоры, взятые автором на карандаш, заставляют лишний раз подивиться неизбывному людскому легкомыслию: 1 ноября 1939 года: *«Говорят: „В прошлую войну генералы усвоили урок, поэтому массовой резни не будет“…»*

- Ивлин Во. Из дневников. 20 — 30-е годы
  - Вступительная статья. Портрет сатирика в молодые годы
  - Школа Хит-Шаунт[1]
  - Лансинг-колледж
  - Двадцатые годы[68]
  - Тридцатые годы
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15

- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59

- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103

- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147

- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191

- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235

- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253

Ивлин Во. Из дневников. 20 — 30-е годы

Вступительная статья. Портрет сатирика в молодые годы

По аналогии с жанром «роман в письмах», эту публикацию можно было бы назвать «романом-дневником». Романом, в центре которого — если воспользоваться названием знаменитой книги Джеймса Джойстика — портрет художника в молодые годы. Художника — в буквальном смысле, а не только в переносном: с детства Ивлин Во отлично рисовал, одно время собирался стать художником, всю жизнь интересовался живописью и архитектурой, хорошо и в том, и в другом разбирался. «Молодые годы» охватывают первые тридцать шесть лет жизни писателя: начинает Во вести дневник очень рано — с младших классов школы, и ведет его — порой со значительными, бывает, многолетними перерывами — всю жизнь, почти до самой смерти. Мы же приводим фрагменты из его «Дневников» до сентября 1939 года — до начала Второй мировой войны, в которой он, к слову сказать, активно и в разном качестве участвовал.

Дневник — это всегда портрет в интерьере. Бывает, интерьер — окружение, эпоха — оттесняет портрет на второй план: дневник Л. К. Чуковской, братьев Гонкуров. У Ивлина Во окружение и особенно эпоха не составляют портрету конкуренции. Окружение между тем играет в «Дневниках» немаловажную роль. Многие из окружения писателя переселяются со страниц его дневниковых записей на страницы его же книг: читавшие Ивлина Во узнают в близких школьных и оксфордских друзьях писателя, в светских приятелях, собутыльниках, подругах, коллегах по перу, случайных знакомых и литературных, театральных и политических знаменитостях прототипы его сатирических персонажей. А вот эпоха просматривается с трудом: об исторических событиях первых сорока лет XX века — Первой мировой войне, Общенациональной стачке 1921 года, итало-абиссинском вооруженном конфликте — говорится вскользь, между делом. Нет в «Дневниках» ни слова о русской революции, об экономическом кризисе 30-х, почти ничего о приходе Гитлера к власти.

Кто же смотрит на нас с портрета? Человек, безусловно, одаренный, но по-человечески не слишком привлекательный. Сноб: всегда кичился добрыми отношениями с аристократическими семьями. Как и полагается сатирику, мизантроп: «…худшей школы, чем Хит-Маунт, нет во всей Англии», «Чудовищно скучно», «Сегодня совершенно пустой

день», «Нынешнее Рождество — сплошное разочарование», «Чувствую себя глубоко подавленным и несчастным», «Неделя получилась хуже некуда». Сибарит, гурман, эгоист. Обидчив, раздражителен, капризен, пренебрежителен, страдает резкими перепадами настроения. Хорошо разбирается в литературе и живописи и ничуть не хуже — в людях, большинство из которых, прямо скажем, не жалует. Да и собой доволен бывает редко — свои сочинения, впрочем, обычно хвалит. При этом инфантилен, очень любит строить планы на будущее, давать себе «крепкий», но редко выполняемый зарок: «С сегодняшнего дня бросаю пить», «На Пасху перестаю принимать снотворное», «Со следующего месяца начинаю писать иначе». С людьми сходится плохо (правда, если сходится, то надолго), не близок ни с родителями, ни — тем более — с братом, раздражать его будут даже собственные дети.

Типичный англичанин, Во даже школьником не склонен откровенничать, неукоснительно, по-британски блюдет законы самоконтроля и сдержанности: известное дело, «дом англичанина — его крепость». Его внутренний мир скрыт за миром внешним. Чувства, эмоциональный и философский настрой, взгляды на политику, литературу, религию, да и все то, что принято называть «личной жизнью», «творческой лабораторией», в его дневниках, как правило, — за семью печатями: «Все по-настоящему важное лучше, думаю, хранить в памяти». В отличие от героя тургеневского «Дневника лишнего человека», герой «Дневников» Во редко «вдается в умозрение». Не доверяет дневнику, например, такое важное решение, как перемена конфессии, — нигде ни слова о том, что привело его в католичество, что для него значило «верить» и как он понимал свою личность в свете требований, предъявляемых католичеством к верующему. Из всех чувств, заботливо припрятанных от читателя (а возможно, и от самого себя), исключение составляет разве что чувство юмора — нередко «черного». Вот им-то автор «Мерзкой плоти» и «Пригоршни праха» «делиться» готов всегда.

В этом — ироническом — отношении к себе и к миру (к миру — больше, к себе — меньше) и заключается, как кажется, главное достоинство «Дневников» Ивлина Во.

По «Дневникам» далеко не всегда узн***а***ешь его творческую манеру. Но сатирик Ивлин Во в своих «Дневниках» узнаваем. Читая убористые, суховатые записи, нередко похожие на деловой отчет, на пометы для памяти, на краткую сводку, будь то описание студенческих кутежей, или унылых будней школьного учителя, или странствий в джунглях Гвианы, читатель может проследить, как формируется сатирический метод писателя. Увидит наброски, «заготовки» к коллизиям его романов.

Обнаружит в жизни автора дневников, в жизни «золотой» столичной молодежи абсурдно-безысходные ситуации, из которых сотканы сюжеты ранних книг Во. Узнает то, что лучше всего передается английским словом «vortex» (водоворот, хаос) и что является отличительной чертой и жизни молодого неприкаянного Во, и поэтики его ранних книг, населенных, вслед за «Дневниками» 20—30-х годов, «сумеречными людьми», как назвал свой первый роман современник и приятель Во, другой известный британский сатирик Энтони Пауэлл.

Александр Ливергант.

Школа Хит-Шаунт[1]

Сентябрь 1911 года[2]

Моя история

Меня зовут Ивлин Во я хажу в школу Хит-Маунт я в пятом класе наш класный рукавадитель мистер Стеббинг.

Мы все нинавидим мистера Купера, нашево матиматика. Сегодня сетьмой день зимнево семестра, а мой читвертый. Сегодня васкрисенье паэтаму я ни в школе. По васкрисеням у нас всекда на завтрак сасиски. Я сматрю как Люси их жарит у сырых ужасно смишной вит. Папа исдатель, он ходит в Чепмен-энд-Холл место ужасно скучьнае. Я собераюсь в церкофь. Алек[3] мой старший брат только што поехал в Шерборн. Дуит сильный ветер. Боюсь что кагда пойду в церкофь меня здует. Но меня не здуло.

18 августа 1914 года

Путешествие

Ехали под мостами, охранявшимися часовыми в будках, пока не добрались до Рединга, а там часовых не было ни одного.

Бат

Поездка бы удалась, если бы не пьяный в нашем купе: он обменивался с сыном какими-то непонятными знаками. Вышли из поезда и пошли в римские бани, где отлично провели время. Экскурсовод, который водил нас по городу, оказался большим ослом, мы с папой[4] за ним не ходили, решили, что будем лучше смотреть в путеводитель, чем на этого болвана.

1914, зимний семестр

Школьные мучения

Пришел к выводу, что худшей школы, чем Хит-Маунт, нет во всей Англии.

Сегодня было три урока латыни — страшное дело. Мистер Хинклифф с каждым днем все гаже. И с каждым днем нос у него все длиннее и длиннее. Весь первый урок обхаживал несчастного Спенсера — не повезло ему: он у Хинклиффа в любимчиках.

1915

Брайтон

Первое полугодие наконец позади, и мы (вдвоем с мамой) отправились в Брайтон. Вечером пошли в церковь. <…> Перекрестился и преклонил колени перед алтарем только я один.

Цеппелины

Часов в одиннадцать вечера меня разбудил Алек. Сказал, что прилетели цеппелины. Спускаемся вниз и видим: констебль носится по улице с криком «Выключить свет!» Цеппелины, оказывается, прямо у нас над головой. Услышали разрывы двух бомб, а потом забили пушки на Парламент-Хилл, и цеппы в клубах дыма убрались восвояси — убивать других детей.

1916, весенний семестр

Мы с Хупером шли домой, и тут какой-то парень лет десяти кричит нам: «Чего пялитесь, желторотые?» Погнались за ним, а навстречу, как водится, его старший брат. «Что, — говорит, — давно не получали?» Я ответил: «Давно», мы бросились друг на друга, в ход пускали и руки, и ноги, но победителем вышел я.

1916, летний семестр

Водяная Крыса

Довели Кэмерона до белого каления — ни одного учителя так не доводили. В лицо называем его Водяной Крысой и елозим по партам. Один раз до того разъелозились, что он не выдержал и спрашивает: «Откуда такой скрип?» — «А вы, — говорит ему Браун, — сядьте, сами увидите (услышите), как они скрипят». Потом Нобел нашел тряпку и подбросил ее на учительский стол. Умора.

Понедельник, 14 августа 1916 года

Утром мы с мамой ходили по магазинам, она купила себе шляпку, а я, после долгих поисков, — блокнот и до самого обеда рисовал в нем нехорошие картинки. Перед обедом выкупались, вода оказалась холодней обычного, и волны; поплескался вволю. После обеда купался опять, вернулся голодный как волк, а к чаю всего-то крошечный кусочек хлеба с маслом, да пирожок с мой

мизинец. Зато ужин превзошел все ожидания…

Лансинг-колледж

Лансинг-колледж[5], вторник, 23 сентября 1919 года

Алек как-то сказал, что живет в «непроницаемом» мире. И был прав. Меня же словно выбросило в совершенно иной мир, у меня теперь совершенно другие друзья, другой образ жизни. Домашний уют куда-то подевался — но, по правде сказать, без него я не скучаю.

Воскресенье, 28 сентября 1919 года

Вместе со всеми ходил на вторую службу. Скучно. Единственная отрада — смотреть, как падают в обморок ученики младших классов. После церкви все собрались в столовой на несъедобный воскресный завтрак. Это первое воскресенье, поэтому воскресного урока нет. На воскресное письмо тратить время нет смысла: из-за забастовки железнодорожных работников все равно дойдет вряд ли. Некоторые, воспользовавшись забастовкой, не пишут вообще. Потом пошли в библиотеку, где вывешен список тех, кому книги выдают на вынос. Мне не хватило одного балла, Апторп в список включен, и Саутвелл, а я, хоть и шел следом, в него не вошел. Обидно: отдал бы всё, чтобы войти. Что ни возьми, я во всем оказываюсь за бортом, причем в самый последний момент: сначала в сборную колледжа не попал, теперь в этот список. И когда умру, мне тоже не хватит всего одного балла, чтобы попасть на небеса, и золотые врата захлопнутся перед самым моим носом. <…>

Пятница, 10 октября 1919 года

Сегодня утром вырвал из тетради и уничтожил первую часть этого дневника, где писал про каникулы. Там было мало чего занятного, зато очень много такого, что для чужих глаз не предназначалось, — опасно и при этом не смешно. Поэтому оставил самую малость, только про колледж. На следующих каникулах надо будет вести себя осмотрительней, думать, что можно писать, а чего нельзя. <…>

Сегодня отец вернул эссе Молсона и отозвался о нем весьма одобрительно. Он вообще постоянно подчеркивает, что наше

поколение лучше, чем его. Интересно, среди нас действительно появятся великие люди или, наоборот, — сплошные посредственности? Мы и в самом деле, судя по всему, развиты не по летам — но добрый ли это знак, еще вопрос.

Четверг, 16 октября 1919 года

<…> Какое же мы все-таки удивительное поколение! В предыдущем никто до девятнадцати лет ни о чем не думал и уж во всяком случае — о книгах и картинах. Но только время покажет, чего мы действительно стоим.

Пятница, 17 октября 1919 года

«Несносна жизнь, как выслушанный дважды, в унылый сон вгоняющий рассказ»[6].

Сегодня совершенно пустой день. Не пришло ни одного письма, не произошло ничего интересного. Мне разрешили не присутствовать на утренней и вечерней линейке, и я весь день читал Марло и Конан Дойла, а в перерывах просматривал книги Гордона. Нашел у него красивое издание «Одиссеи» — иным, впрочем, оно бы показалось слишком вычурным. Получил почтовым переводом 16 шиллингов 6 пенсов и отправил деньги в книжный магазин Дента за «Геро и Леандра»[7]. Читал ее в библиотечном дешевом издании — типичная елизаветинская поэма.

Мое эссе о сказках понравилось — получил 27 из 30. Вот только правописание мое по-прежнему хромает: три или четыре раза написал «воображение» с тремя «о» и двумя «н». Завтра День Всех Святых, и почти все на этот день колледж покидают — будет поэтому так же скучно, как сегодня.

Понедельник, 20 октября 1919 года

Еще раз побывал на выставке гравюр. Утро ничем не примечательно. Во второй половине дня очередная тренировка, пришлось стоять на воротах и отбивать мячи. Ненавижу «Младших»[8]. «Геро и Леандра» до сих пор нет; надеюсь, письмо с деньгами не затерялось. Вышел приказ: за обедом есть свою собственную еду запрещается. А это значит, что кормиться теперь придется одним хлебом — это единственная съедобная пища,

которой здесь в достатке.

Воскресенье, 26 октября 1919 года

День, лишенный каких бы то ни было событий. Некий Темпл[9] (соображает он вроде бы неплохо) приехал читать проповедь, рассуждал, непонятно с какой целью, о социализме, чем вызвал раздражение у наших чистоплюев.

Среда, 5 ноября 1919 года

Вчера вечером Фулфорд, Молсон, Кэрью[10] и я пошли к Дику[11] и допоздна просидели у него в комнате у камина, обсуждая Общество. Договорились, что в Обществе будет три направления: политическое, литературное и художественное. От музыкального, ввиду ревности Брентера[12], решено было отказаться. На сегодняшний день Молсон с помощью Кэрью взялся возглавить направление политическое, Фулфорд — литературное, а я — художественное. Наша задача призвать в свои ряды достойных. Что же до названия Общества, то остановились в конце концов на «Дилетантах». Хочется надеяться, что наша затея будет иметь успех. Есть несколько тем, на которые я бы хотел сделать сообщения: «Тенденции в современном искусстве», «Фиаско прерафаэлитов», «Лимерик как самая совершенная форма поэтической выразительности». Если меня выберут президентом или секретарем, то первая художественная дискуссия, которую я попытаюсь организовать, будет на тему: «В этом колледже бытует мнение, что возрождение готики в прошлом веке может быть оправдано строительством школьных зданий». В защиту этого тезиса выступит И. Дж. Картер, против — я. Сегодня мне уже удалось собрать небольшую группу, которой на первое время, думаю, будет достаточно. В первых двух-трех дискуссиях примут участие только Барнсли, Картер и я, но в самом скором времени, надеюсь, присоединятся и остальные.

Пятница, 7 ноября 1919 года

К нам присоединилось еще несколько новообращенных. Очень трудно отбиться от учеников, которые ни бельмеса не смыслят. На днях в Общество [«Дилетантов». — А. Л.] хотел вступить парень, чей любимый художник — Лэндсир[13].

Ленивец Вудард[14] до сих пор не проверил наши работы. Поторопился бы. Не терпится узнать, что этот обыватель думает о моем эссе.

Понедельник, 10 ноября 1919 года

Сегодня эти гнусные «Младшие», прямо скажем, не ударили лицом в грязь. В отличие от нас. Обыграли нас 10: 2, я играл плохо, о чем свидетельствует счет, но защита еще хуже — лучше б они вообще не играли. Разделали нас под орех. После горячего душа (мылись в директорской — вода шла, как обычно, холодная) нам полегчало. В конце концов, спорт — это еще не все в жизни, есть же и «Дилетанты», и многое другое. <…>

Вторник, 11 ноября 1919 года

Сегодня утром в учебном манеже Хилл поинтересовался, не хочу ли я принять участие в дебатах. Чем польстил. Думаю предложить тему: «В этом колледже считается, что переселение душ — самое разумное решение проблемы человеческого бессмертия». Разумеется, это не так, но кое-какие аргументы в пользу этого у меня имеются. <…>

Сегодня в 11 утра нам сообщили о предложении короля отметить прошлый год двухминутным молчанием[15]. По-моему, идея отвратительная: ханжеский вздор и сентиментальность. Если вы лишились сыновей и отцов, то вспоминать их следует всегда, ходите ли вы по зеленой траве парков или по залитой огнями Шафтсбери-авеню, — а не всего две минуты в годовщину постыдного дня общенациональной истерики. В прошлом году никто не вспоминал об убитых — к чему вспоминать сейчас?

Вторник, 2 декабря 1919 года

<…> Если когда-нибудь мне удастся нарисовать что-нибудь по-настоящему стоящее, я соберу все свои предыдущие работы и распрекрасно сожгу их на огромном, веселом костре. А если потом нарисую еще лучше, то сожгу и то, что до этого считал стоящим. Мысль эта не нова. Кажется, она принадлежит О. Генри. (И почему все пишут его имя не О. Генри, а О'Генри?). Господи, сегодня вечером у меня все мысли путаются. Да и работы больше, чем обычно. Настроение — хуже некуда. «На небе и земле —

извечное мученье…»[16] Откуда эта цитата? «Шропширский парень»? Бессвязно, ничем не лучше Уэллса. Черт, какую же чушь я несу!

Вторник, 16 декабря 1919 года

Последнее вечернее занятие в этом году! Жду каникул, как никогда раньше. Что может быть лучше рождественских праздников! Осталось всего два дня, благодарение Господу. <…>

По-моему, если хочешь, чтобы работа получалась на совесть, посвятить ей надо всю жизнь. И так — во всем. Для дилетантов на свете места нет.

Хэмпстед, пятница, 19 декабря 1919 года

Встал в шесть утра и на такси в Брайтон. Из окна машины поприветствовали Хоув. В ожидании поезда скучать не пришлось, сели в пуллмановский вагон и в 9.30 были на Виктории, где позавтракал — съел невообразимо много. Лондон неописуемо хорош. Как всегда. Поехали домой и после обеда рыскали по шкафам — искали, что бы надеть. <…> После ужина отец с выражением прочел[17] мне первые две главы своей автобиографии[18]. Ужасно жалко, что получается она у него такой куцей. Очень сентиментально, но здорово. Хочется надеяться, что эти каникулы порадуют. Прошлогодние были самыми в моей жизни лучшими. Война тогда только кончилась, Алек вернулся, и деньги текли сквозь пальцы, как в 1913-м. Сегодня получили несколько приглашений на ужин — но немного.

Воскресенье, 20 декабря 1919 года

Сегодня утром ходил на выставку Матисса в галерею на Лестер-сквер. Был разочарован. Не могу ничего с собой поделать: его грубые, дурно нарисованные вещи меня не вдохновляют. То ли дело Шеррингем[19] — вот его выставка отличная, не жалею, что пошел. Цвет и форму он чувствует безукоризненно. <…>

Четверг, 25 декабря 1919 года

Нынешнее Рождество — сплошное разочарование. Утром, правда, ходили к великолепной службе в церковь Святого Иуды[20], слушали «Messe Solenelle»[21]. На этом, собственно, праздник кончился… Рождество не удалось. Рождественские праздники, как и дни рождения, с каждым годом становятся все скучнее. Скоро Рождество станет попросту днем закрытых магазинов.

Суббота, 27 декабря 1919 года

После обеда мы с Филом отправились в «Валгаллу» на Thé dansant[22]. Было весело, отличный джаз, thé, правда, был не слишком хорош, но пить можно. Сначала с танцами у нас не ладилось, но потом, попривыкнув друг к другу, стали двигаться в такт. Смотреть, как танцуют танго, — сплошное удовольствие. Вот бы самому научиться. По-прежнему смущаюсь — ничего не могу с собой поделать.

Среда, 31 декабря 1919 года

Утром долго гулял, а потом танцевал в Ист-Хит-Лодж на новогоднем празднике. Танцевал от души. Коротко стриженная девица Маклири танцует средне, зато собой хороша, очень даже.

Четверг, 22 января 1920 года

После обеда ходил с мамой в кино на довольно унылый фильм. Вернувшись, переоделись, раньше обычного поужинали и отправились в Сент-Джеймс[23] на «Юлия Цезаря» в постановке Эйнли[24]. Великолепный спектакль. Последние две сцены играли, пожалуй, в чересчур быстром темпе, но все остальное — превосходно. Сцена перед палаткой Брута[25] — выше всяких похвал. Каска появляется очень часто — при чтении его роль казалась мне менее значительной. Строки, касающиеся характера Антония, равно как и сцена, где Октавий рассуждает о Лепиде, в спектакле отсутствуют, что, с моей точки зрения, — вольность.

Понедельник, 2 февраля 1920 года

<…> Во второй половине дня отправился — пренебрегая всеми условностями — на долгую прогулку с Молсоном. Большую часть пути говорили о религии. По-моему, двум шестнадцатилетним парням обсуждать подобные вопросы нелепо, но спор получился ужасно интересным, к тому же, когда облекаешь мысли в слова, мозги здорово прочищаются. До того как мне пришлось отстаивать свою точку зрения, я и подумать не мог, что я такой индивидуалист. До чего же бессознательно формируются наши убеждения! Прелесть споров в том, что узнаёшь не взгляды других, а свои собственные.

Суббота, 14 февраля 1920 года

Сегодня после обеда опять ездил к Кризу[26] — продемонстрировать плоды своей усидчивости. Пронять его, однако, не удалось — разругал меня в пух и прах. Таков вообще его метод: сначала поощрит, а стоит чего-то добиться, хоть немного поверить в себя, — и не преминет указать тебе на многочисленные огрехи. Это обескураживает и немного расхолаживает, но я-то знаю: теперь у меня получается лучше, чем раньше, я многому научился. Разговаривали долго, он раскритиковал мой вкус, сказать же что-либо в ответ на его едкие и справедливые замечания мне было нечего. А впрочем, он был, как всегда, мил — вот только работы мои ему не нравятся. Говорили об искусстве. Хочу попробовать сделать набросок открывающегося из его окна вида — но задача эта мне едва ли под силу.

Среда, 18 февраля 1920 года

Сегодняшнюю службу директор назвал «монотонной, бессвязной, мрачной». Сидевшему рядом со мной Нэтрессу в чувстве юмора не откажешь. Вошел в часовню, уселся и громко, чтобы все слышали, изрек: «Не дождетесь, чтобы я играл в ваши игры!» Сказал и лениво откинулся на спинку скамьи. <…>

Понедельник, 15 марта 1920 года

В воскресенье вечером дорисовал карикатуру на Паттока и продал ее Саутвеллу за четыре пирожка с кремом и четыре почтовых марки по полпенни. Карикатура имела огромный успех,

никоим образом не соответствующий своему предмету, расхваливала ее вся школа, в том числе даже Роксберг[27]. Если мои карикатуры будут столь же популярны и впредь, то надо перестать тратить время на каллиграфию и заняться карикатурой всерьез. Буду, по крайней мере, сыт.

Воскресенье, 21 марта 1920 года

«Дилетанты» активизируются. Сегодня мы собирались трижды. Утром состоялась до крайности бестолковая дискуссия политиков, после обеда — неплохая встреча интересующихся искусством, а после службы встречались — и очень успешно — литераторы. На встрече любителей искусства Барнсли прочел свое сочинение под названием «Аполлониада», его он якобы «обнаружил» в библиотеке колледжа. Этот псевдоперевод представляет собой, на что я сразу же обратил внимание, тонкую сатиру на нас, но касается она и всех остальных Дилетантов. Просто поразительно, какие же Дилетанты тупицы, все до одного. Не в бровь, а в глаз. На литературном же сборище Кэрью прочел отличное эссе «Характер Гамлета». Поскольку с пьесой знакомы только мы с ним, дискуссия вылилась в спор между нами, но удовольствие я получил огромное.

Четверг, 8 апреля 1920 года

Во второй половине дня отправился в кафе «Будьте как дома». <…> Обаятельный еврейский умник прочел эссе «Ситуэллизм[28] и поэтический застой» — статью довольно глубокую и бойко, по-журналистски написанную.

Вторник, 20 апреля 1920 года

<…> Обнаружили магазинчик с вывеской «Старые мастера». К раме одной из картин приколото объявление: «Если до конца недели у меня не будет 100 фунтов, эту картину увезут в Америку. Будет обидно, если эта страна лишится такого великолепного портрета, но Guadeamus dum iuvenes sumus[29]. Мне сейчас двадцать лет». Какая прелесть!

Суббота, 24 апреля 1920 года

Очень веселый пикник в Стратфорде у Буллидзов. Взяли с собой все для рисования, но, вместо того чтобы рисовать, отправились смотреть дом с привидениями. Вечером ужинал с тетей Трисси[30] у Буллидзов. Ужин был превосходный, но после ужина допустил одну из самых своих постыдных faux pas[31]. Мадемуазель сидела в стороне и с напряженным видом вслушивалась в наш разговор, пытаясь заучить английские идиомы. Я же, совершенно про нее позабыв, принялся рассуждать о том, какая опасность для всей Европы исходит от французов. Как вспомню, так холодный пот прошибает.

Четверг, 29 апреля 1920 года

Утром долго гулял с Буллидзами. <…> Вернулись рано: у тети Конни была назначена политическая сходка. Тетя Трисси возглавляет здешних консерваторов, и они с сестрой в перерыве между прениями распивают чай с местными жителями, чтобы заручиться на выборах их голосами. На вопрос, будет ли она голосовать за консерваторов, одна старуха-крестьянка ответила: «Да, мисс, пожалуй что буду. Соседка моя — лейбористка, а ее куры всю мою зелень выклевали». Вот, если вдуматься, от чего зависят министры и министерства. Это и есть настоящая демократия.

Среда, 5 мая 1920 года

С окончанием каникул кончается и тетрадь, в которой веду дневник. Последние страницы своего скупого повествования растягивать не буду; подобно «Жану Кристофу»[32], дневник — та книга, что не кончается никогда. Следующий семестр обещает быть решающим: мы получаем аттестат, а от него зависит очень многое. <…>

Суббота, 8 мая 1920 года

Когда ехал к Кризу, лил дождь, а когда возвращался, ярко светило солнце. <…> В этот раз Криз превзошел самого себя. Чудесно провел у него время. Мои «Розы» он понял досконально; восхищался ими и их же ругал. Предлагает написать двойной портрет язычества: неземной красоты златокудрый Аполлон, трогательно не готовый к мелочности жизни, и — по контрасту с

ним — устрашающий лик похоти и распутства. Получится ли? Пили чай из чашек без ручек «Краун Дарби». Потом вновь отправились бродить по холмам, отчего на сердце стало вдруг легко. Что ни говори, а с эстетическим удовольствием физическое не сравнится. Если Лансинг и запомнится, так только благодаря Кризу.

Пятница, 21 мая 1920 года

<…> Чувствую себя глубоко подавленным и несчастным. Криза не будет целый месяц, а он здесь — мой единственный друг. Впервые за три года соскучился по дому. <…>. Понимаю, как мало все это значит — и в то же время как ужасно много. Все мы плывем по воле волн; цели, которые мы перед собой ставили, давно позабыты. Мы все, в сущности, живем ради каникул и этим вполне счастливы. Однако бывают дни, подобные сегодняшнему, когда мы настолько физически и морально истощены, что не можем не задумываться. А ведь «…только мысль — дорога в ад прямая»[33].

Пятница, 28 мая 1920 года

<…> Читаю «Нового Макиавелли»[34] — нравится мне куда меньше, чем ожидал. Герберт Уэллс помешан на сексе. Сначала от этой одержимости испытываешь шок, потом она начинает действовать на нервы. Равно как и его хладнокровный самоанализ. Завтра, слава Богу, — в Личпоул.

Четверг, 10 июня 1920 года

Завтра наша сборная играет в крикет со сборной Тонбриджа[35]. Нелепое благоговение школы похуже перед школой получше — отвратительно! Среди прочего, нам предписано в субботу утром в присутствии тонбриджцев усердно распевать гимны в часовне. Снобизм — вещь здоровая, но всему же есть предел.

Суббота, 12 июня 1920 года

Мы все либо пишем, либо рисуем наши жизни. Одни рисуют

ее карандашами, вяло и робко, карандаш то и дело ломается, и приходится брать другой или же стирать нарисованное, отчего на бумаге остаются грязные пятна. Иные рисуют тушью — твердой, уверенной рукой; их работа часто никуда не годится, нередко выглядит нелепо, смехотворно, но всегда закончена и целенаправленна. Третьи пишут в цвете, краски — яркие, богатые — кладут мощными, размашистыми мазками. У большинства композиция беспорядочная, случайная, главная тема теряется, растворяется в ненужных и бессмысленных деталях. Картина в целом представляет собой запутанный и бессвязный лабиринт. Но у немногих избранных композиция выстроена и продумана до мелочей. В ней нет ничего лишнего. Все самые незаметные изгибы причудливой конструкции составляют единое целое, «работают» на главную тему, в такой картине слабых мест нет.

Вторник, 15 июня — суббота 19 июня 1920 года

Любя себя, человек создал Бога по своему образу и подобию. Он счел себя безупречным существом — и придумал идеального гения, который мог бы его создать. Он обнаружил, что слаб, — и придумал идеального гения, чьей мощи он мог бы вверить себя и сказать: «Господь — на небесах, и с миром, стало быть, все в порядке». Вот какая мысль посетила меня на днях. <…>

Хотелось бы написать оду «О бессмертии». Могло бы получиться забавно, но я с искушением справлюсь.

Пятница, 25 июня 1920 года

Окончание инспекции «вселяет оптимизм». Было жарко, утро тянулось бесконечно, скоблили полы, пахло «Брассо»[36]. В заключение лорд Хорн произнес речь — олицетворение всего того, что отличает «старую школу». Приятный старикан, настолько искренний, что трудно удержаться от дешевого цинизма. Его речь воспринималась как пародия Алека. Он говорил о значении дисциплины и боевого духа, о мощи ведущих политиков, которыми могут стать лишь те, кто родился истинным джентльменом и учился в закрытой школе. Сообщил нам, что из нас готовят офицеров, напомнил о наших обязательствах перед государством в связи с нехваткой после войны мужского населения. А также о том, чем чревато нынешнее положение в мире и что в любую минуту нас могут призвать сражаться с турками, или с индийцами, или с шинфейнерами[37], или с

большевиками, или с валлийскими шахтерами. Речь и впрямь получилась отличной и, в общем, верной — и это притом, что все его идеалы умерли вместе с Пальмерстоном и Дизраэли[38]. Невозможно было не восхищаться его словами о том, что от нас потребуется куда больше, чем от его поколения. Ведь они любят рассуждать о том, что в молодости им приходилось делать намного больше, чем нам.

Четверг, 1 июля 1920 года

Дождь — никаких спортивных соревнований. Отправился в библиотеку с благородным намерением как следует поработать, однако подшивка старых «Панчей» благополучно эти намерения развеяла. <…>

Пятница, 13 августа 1920 года

Утром — к моему портному. Костюм превосходен. Лучшего не сшили бы и за 18 гиней в Сэвил-Роу[39]. После раннего обеда ходили с мамой в театр: из последних рядов партера смотрели «Мошенничество»[40] в театре «Сент-Мартин». Места, впрочем, оказались очень хорошие. Впервые вижу такую жуткую пьесу и такую превосходную игру актеров. За ужином отец обронил остроумное замечание. Пока мы ели, наш щенок тоскливо выл в ванной, и отец сказал: «Он несчастлив и хочет нам об этом сообщить. Ну чем не писатель!»

Вторник, 24 августа 1920 года

После обеда мама, Марджори, Барбара[41] и я отправились на фильм по «Крошке Доррит». Очень плохо. В кино Диккенс какой-то неузнаваемо нелепый. Откуда только берутся трясущиеся старики и неисправимые дурни? Да и сценарий тоже совершенно несообразен и безвкусен.

Понедельник, 6 сентября 1920 года

<…> Какая, в сущности, пустая вещь этот дневник! Ведь я почти не записываю в нем что-то стоящее. Все по-настоящему важное лучше, думаю, хранить в памяти; дневник же в основном

состоит из «Магазины — утром, кинематограф — днем». Надо постараться сделать его более…[42]. Но это небезопасно.

Вторник, 19 октября — понедельник 25 октября 1920 года

Дел никаких. Во вторник вечером собиралось наше Общество чтения современных пьес. Читали «Кандиду»[43], время провели превосходно. Решил на каникулах начать писать свой первый роман. Общий план уже намечен: один брат изучает противоречивый характер другого. Мне и в голову не могло прийти, каких трудов потребует роман. Подсчитал, сколько времени уйдет на каждую главу.

Вторник, 26 октября — понедельник, 1 ноября 1920 года

На дневник времени не остается. Все силы трачу на роман — продвигается, в общем, неплохо.

<…> Домой приехал в прошлую пятницу. Наконец-то семья начинает проявлять интерес к моему роману. Алек относится к нему не без ревности, мама боится, что прославлюсь я слишком рано. Отцу нравится. Я же тем временем корплю над ним целыми днями, пытаюсь придать ему хоть какую-то форму. Пока же, по-моему, роман — не более чем набор довольно забавных разговоров. И все же мне кажется, он не плох, не сомневаюсь, что удастся его напечатать. Но сил, черт возьми, уходит масса. <…>

Понедельник, 24 января 1921 года

Привычку вести дневник бросить ничего не стоит[44]. В прошлом семестре, когда я сел за роман и дневником почти не занимался, охота его вести пропала, на прошедших же каникулах решил его и вовсе забросить. Незаконченная тетрадь осталась лежать дома в бюро — записи вялые, необязательные. Но теперь, вновь окунувшись в затхлую атмосферу Лансинга со всеми его взлетами и падениями, стоит, пожалуй, вернуться к дневнику опять.

Вторник, 1 февраля 1921 года

Вечером состоялась встреча Шекспировского общества.

Присутствовали в основном аристократы; не считая меня, особ незнатного происхождения было всего двое. Читали по ролям «Лира» — и очень недурно. Миссис Б. блеснула великолепной формой. Действие всех трагедий после реплик вроде «Не дайте мне сойти с ума, о боги»[45] развивается безысходней некуда. После чтения пили чай с пирожными.

Суббота, 5 февраля 1921 года

Футбольный матч в целом прошел «очень славно»[46]. Перед игрой мы все ужасно волновались, болтались по колледжу небольшими трясущимися группками и, чтобы не унывать, рассказывали друг другу похабные анекдоты. Игра с первых же минут пошла очень быстро. Меня, как бывает, когда снится, что со всех ног бежишь за поездом, вдруг охватила какая-то вялость. Должно быть, перетренировался. Играл плохо, то и дело упускал мяч. Проиграли 2:1. Хейл, Стретфилд и Бутби играли хорошо. После матча съели с Мэлловеном по огромному бутерброду, напились чаю и весь вечер без дела провалялись (не вдвоем же) в постели.

Пятница, 11 февраля 1921 года

Чем больше я узнаю Лансинг, тем больше убеждаюсь, что наше поколение — то есть все те, чей возраст колеблется между возрастом Фулфорда и моим, — поколение исключительное. Надо будет как-нибудь попробовать разобраться, чем эта исключительность объясняется. Думаю, во многом — войной; впрочем, последнее время меня не покидает страх, что из колледжа мы уйдем бесследно. Боюсь, что «система», как назвал бы порядки в Лансинге Криз, сильней, чем мы. Дилетантизм, который всех нас отличает прежде всего, с нашим уходом наверняка исчезнет, но вот озорство, наша сильнейшая черта, передастся тем, кто придет после нас. <…>

Вторник, 15 марта 1921 года

Конфирмация — нет ничего абсурднее. Никогда раньше не замечал, какая в этом церковном ритуале таится угроза. Несколько маленьких, перепуганных детей, разодетых, как на рисунках Дюлака[47], в окружении угрюмых и грозных

наставников и настоятелей дают клятвы, которые никогда в жизни не сдержат. Хотя бы этот ужас меня здесь миновал[48]. Выиграл забег на четверть мили.

Суббота, 26 марта 1921 года

Бег с препятствиями. Пришел третьим с конца. <…>

Суббота, 2 апреля 1921 года

Пишу в 10.55 У себя в комнате, прежде чем засесть за поэму. Хочу попробовать научиться работать по ночам. Во-первых, это распаляет воображение, во-вторых, это единственное время, когда в колледже воцаряется полная тишина. Думаю, что научусь, ведь ночь для работы лучше дня. Пишу уже вторую ночь подряд. Прошлой ночью продержался полтора часа. Сегодня надеюсь поработать столько же, а во вторник — еще дольше. Завтра кучу в «Опере нищих». Сегодняшний и вчерашний дни ничем не примечательны. Вчера после обеда ходили с Бобби на отличный спектакль в «Столл»[49]. Мне Бобби ужасно нравится, хотя он тугодум и болван. Сегодня ходил в Гильдию святого Августина на лекцию отца о женщинах Диккенса. Лекция хорошая, но отец неисправим — рисуется, как обычно.

Когда идешь по центру Лондона, вдруг охватывает желание пуститься бежать со всех ног. Точно так же и меня, ни с того ни с сего, охватило непреодолимое желание писать прозу. Часа два в раздумьях грыз перо — и не засну, пока что-нибудь не надумаю. Выражать мысль спенсеровой строфой все равно, что писать картину на обрывках бумаги, а потом приставлять один обрывок к другому, как будто это паззл.

Ничего не получается. Сочинил всего-то полдюжины стихов, и почти все — полная чушь. Рифмую бог знает как.

Воскресенье, 10 апреля 1921 года

Похоже, что договоренность с забастовщиками[50] может все-таки быть достигнута. Они, вероятней всего, увидели, что вся страна против них, и испугались.

Накропал еще пару строф в своей конкурсной поэме. Никакого удовольствия от нее не получаю.

Понедельник, 18 апреля 1921 года

Опять пишу ночью. На эссе убил никак не меньше двух часов. Выбрал тему «Деньги», мне есть что сказать на этот счет, но получается неважно — отсыревший фейерверк. <…> Пора спать — холод собачий.

Суббота, 23 апреля 1921 года

Неделя получилась хуже некуда. Сегодня вечером удалось, слава Богу, отделаться от родственников и пойти потанцевать. Отец все каникулы вел себя чудовищно глупо. Поразительно: чем больше я узнаю отца, тем больше ценю мать. Мне кажется, я нахожу в нем все новые и новые черты и сознаю, что мама-то знает о них давным-давно. Удивительная она женщина.

Вчера вечером ходили на «Бульдога Драммонда»[51]. Был во второй раз — но понравилось не меньше, чем в первый.

Понедельник, 13 июня 1921 года

Как я и ожидал, премия «Скарлин» досталась мне. Жаль Сэнгера — он не занял даже второго места. Как бы то ни было, три фунта не помешают. И эссе, и поэму хочется, однако, завершить.

Пьеса[52] пишется недурно, но не так хорошо, как бы хотелось, — спектакль ведь уже совсем скоро. В субботу вечером мы с Гордоном распечатали приглашения, и я перед сном их разослал. Приходят ответы, приглашения приняли все, кроме Вударда. По-моему, он меня недолюбливает.

Мейнелл прислал мне предложение ее напечатать. Я ответил, что распродать экземпляры не смогу, но за предложение очень ему благодарен. Он показал пьесу Сквайру, который может пристроить ее в «Меркьюри». О таком я не мог даже мечтать. Тем не менее из дружеских чувств он бы это сделал, вот только боюсь, что такой, как он, мастер пародии, начнет с того, что изучит ее досконально.

Всего за несколько недель я перестал быть христианином (тоже мне, сенсация!); за последние два семестра я превратился в атеиста во всем, кроме мужества признаться в этом самому себе. Я уверен, это ненадолго, и не слишком по этому поводу тревожусь — вот только с Лонджем мы разошлись. Не мог себе этого представить. Знай я, что этим кончится, поверил бы во все

что угодно, ведь он — один из тех, ради кого стоит здесь находиться. <…>

Воскресенье, 26 июня 1921 года

В настоящее время, что бы я ни делал, я говорю: «Через три года я полностью утрачу к этому интерес», но ведь в конечном счете наступит время, когда окажется, что делать я в состоянии чуть меньше, заглядывать вперед — чуть хуже. Тогда мышцы станут дряблыми, зрение затуманится, мозг ослабеет. Я утрачу хватку, мне станет труднее концентрироваться, чувства и память утратят былую остроту. А между тем всегда с победным видом говорят, что душа — средоточие нашей личности — останется, несмотря ни на что, неизменной. Боже правый! Я не требую от жизни многого, если я что и требую, то лишь от себя самого, — но тут я считаю свое требование законным. Когда Ты заберешь у меня мои тело и мозг — забери и все остальное. Не дай моей душе жить, когда все, ради чего она существует, исчезнет. Пусть она ослабеет вместе с телом и пусть с моей смертью умрет и она.

Пьеса [«Обращение». — А. Л.] имела в понедельник огромный успех. Ученики приняли ее на ура, куда лучше, чем наставники; наговорили много теплых слов. <…>

Вторник, 19 июля 1921 года

<…> Много думаю о самоубийстве. У меня перед родителями определенные обязательства; не будь у меня родителей, я бы и в самом деле убил себя. «Тот жил хорошо, кто умер, когда пожелал». Прошлой ночью я просидел до часа у окна, сочиняя прощальные письма.

Вот что я написал Кэрью: «Мой дорогой Кэрью, прости, что моя биография получилась недлинной, можешь, впрочем, если хочешь, напечатать ее целиком и даже что-то присочинить. Что бы там ни случилось, присяжные, надеюсь, не вынесут вердикт „в состоянии умопомрачения“. Высшее проявление тщеславия у живых — воображать, что человек безумен, если он по собственному опыту приходит к мысли, что самое лучшее — не родиться на свет. В настоящее время я нормальнее, чем когда бы то ни было. Возможно, я немного взволнован, как бывает, когда собираешься встретиться с новыми друзьями, зато сейчас я все вижу яснее, чем раньше. Когда умираешь молодым, уносишь в могилу мозги, не затуманенные возрастом. Конкретной причины

лишить себя жизни у меня нет. Вовсе не страх потерять родных побуждает меня совершить этот шаг. Речь скорее идет о страхе потерпеть неудачу. Я знаю, кое-что во мне заложено, но я ужасно боюсь, что эти задатки уйдут в песок. Пойми, самоубийство — это ведь на самом деле трусость. Уверен, если у меня есть дар, он себя окажет; если же нет — какой смысл жить. Nox est perpetua una dormienda[53]. Не вешай носа. Ивлин».

А вот что — Лонджу; «Понимаю, Джон, моя мягкотелость тебе не по нутру. Верно, веду я себя не по-христиански. Ты здесь единственный человек, который значил для меня чертовски много. Передам от тебя Господу привет, если Его увижу, но мне почему-то сдается, что, если Он твой Бог, Он и без того уже все о тебе знает, а если мой — Ему безразлично. Еще увидимся в лоне Авраамовом. Не сомневаюсь, ты первым проникнешь сквозь вечный мрак, дабы каплей влаги увлажнить мой пересохший язык. Привет. Ивлин Во».

Увы, вкус меня явно подводит.

Всемогущество абсурдно. Невозможно быть всемогущим, не будучи всеведущим, а ведь всеведение ограничивает всемогущество. То есть, если знаешь, что произойдет, сделать ничего не сможешь, кроме самого очевидного. Знание контролирует действие и ограничивает возможности. Но, как сказал Добсон, в действиях человека, если он всемогущ, логика напрочь отсутствует. <…>

Воскресенье, 24 июля 1921 года

<…> В этом семестре мне действительно сопутствует успех, однако и неудачи подстерегают на каждом шагу. Все, чего я добиваюсь, ко мне приходит второсортным, утратившим товарный вид. Лондж и Хейл, единственные мои соученики, которых я люблю больше себя самого, предложили мне третьестепенную дружбу с массой несуразностей и недоговоренностей. В качестве старосты я потерпел полное фиаско. Я не оправдал доверие Форда — и умыл руки; я то и дело изменял самому себе. Я трудился в поте лица, а отметки в аттестате стоят весьма посредственные. Я вел нездоровую жизнь. Я сделал многое, за что мне теперь стыдно. Вел себя мелочно, глупо, гнусно. В прошлом семестре я был всем недоволен и вел себя по-большевистски[54] — обычная история. В прошлом семестре я подчинил себе всю «скамью»[55]. И распустил соучеников. Когда же нарушения дисциплины перешли все границы, я вмешался; кончилось же все постыдной капитуляцией

руководства. Когда семестр начался, на моей стороне было всё — я же вел себя бестолково и безынициативно; ко мне относились с симпатией, но без уважения. Я оказался в тени Форда и «небожителей».

В этом семестре Форд и «небожители» покидают колледж. В сентябре все будет совсем по-другому. А пока придется держать себя в узде. Моя цель — Оксфорд и Париж. Работать буду с утра до ночи, получу стипендию, хочу основать порядочный дискуссионный клуб и отличный журнал, который должен понравиться благонравным старшекурсникам. Перспектива — хуже не бывает; уж лучше жариться в преисподней.

Хэмпстед, воскресенье, 7 августа 1921 года

<…> Утром — в Национальную галерею. По-моему, Лонджу понравилось. Мы с Барбарой сделали очередное открытие; леди и джентльмен в чем-то вроде колесницы. Типичный английский восемнадцатый век — прелесть! Перекусили в «Грейвзе»: мус из лососины, безе и кофе со льдом, и отправились в Блумсбери смотреть греческую скульптуру. Оттуда на Ливерпуль-стрит[56] проводить Лонджа. Потом — в кино, а после ужина в «Куинз»[57] на Шоу. Великолепно. Сначала показали чудесную неприличную сценку из Шницлера[58], а потом «Смуглую леди сонетов» и «Разоблачение Бланко Поснета»[59]. Всё выше всяких похвал. Шоу в своем роде недосягаем. (Замечание тривиальное. Прошу будущего редактора это замечание при публикации выбросить.)

Сегодня утром — в церковь, где думал о богохульном видении Страшного суда, о чем еще напишу. После обеда с Барбарой — к Баррету. Надо снова садиться за историю[60]. Или я получу стипендию, или буду проклят. Или — и то и другое.

Понедельник, 22 августа 1921 года

<…> Отец, мама, я и миссис Марстон ходили в «Столл» на новый фильм Чарли Чаплина «Малыш». Остался, по правде сказать, разочарован. Слишком броско и сентиментально. Больше всего Чаплин мне понравился в привычной роли эдакого сорванца — как в его старых фильмах. Сцена, где он дерется кирпичом, смешней некуда…

Среда, 24 августа 1921 года

<…> Занимались с утра до вечера. В воскресенье во второй половине дня поехали в Кентербери. Город понравился, а вот собор разочаровал. Авторитет епископа оставляет желать лучшего. В собор нас не пустили, заявив, что идет служба. Мы вернулись через полчаса; собор был закрыт — служба кончилась. Дважды выкупались и несколько раз обошли окрестные деревни. В следующее воскресенье побывали на чудесной службе в церкви Святого Николая. Осмотрели старую церковь и увидели поблизости коттедж со смешной маленькой пристройкой. Прочли объявление на двери:

Господне благословение хлеба в II. Проповедь Евангелия по субботам в 6 вечера. Посетителям всегда рады.

Молсон тут же решил, что надо пойти. Мы немного опоздали и вошли в уютную комнатку с низким потолком, стульями с красной выцветшей обивкой и Священным Писанием на столе. За столом, вместе с проповедником, сидело человек десять. Они по очереди читали какой-то отвратный гимн, а потом хором его распевали. Никогда не слышал, чтобы пели подобным образом, да еще так громко; Господь — их Господь — наделил собравшихся совершенно уникальной способностью не слышать самих себя. Затем один из них прочел молитву:

«Отец наш, спасибо Тебе за все, что Ты делаешь для нас, за то, что не обходишь нас своей милостью. Благодарим Тебя за то, что Ты объединил нас, и мы молимся за всех, кто, как и мы, собрался сегодня вместе. И за то, что Ты прислал сына своего Иисуса спасти нас…» — и в том же духе еще минут десять. А потом снова запели гимн, который, как и в первый раз, сначала хором прочли. Молсон покатывался со смеху, я же сдерживался изо всех сил. Потом они прочли главу из Библии, после чего принялись обсуждать каждый стих в отдельности. Наиболее вдумчивыми показались мне два главных человека: некий мистер Коул и пастор. На то, чтобы мыслить последовательно, остальные были явно неспособны. Молсон счел возможным вступить с ними в спор и отпустил какое-то дурацкое замечание, над которым они надолго задумались. По счастью, он рассмеялся, и вопросов больше не последовало. Потом они запели опять. Когда молитва подошла к концу, пастор подошел и заговорил с нами. Сразу видно, к посетителям они не привыкли. <…>

Лансинг, суббота, 17 сентября 1921 года

В пятницу собрался было ехать к Фулфорду, но в результате лихорадочного обмена телеграммами поездка отложилась, и

вместо Бэри мы с отцом отправились в «Столл». Посмотрели два на редкость удачных фильма — даром что английских. В Бэри же — на следующий день.

Семейство Фулфорда состоит из четырех человек. Каноника — добродушного, обходительного дурака. Миссис Фулфорд — добропорядочной, старомодной женщины, от чьих способностей к игре в бридж впору было на стену лезть; доверять женщине в бридже не менее опасно, чем в любви. Брата, показавшегося мне большим чудаком. И хорошенькой, хрупкой, робкой сестренки по имени Моника. Я приехал с расчетом в нее влюбиться — но Бог миловал. Живут они неподалеку от Бэри в чудесном старом доме приходского священника; часть дома строилась при Эдуарде I, часть при Генрихе V, во всем же остальном здание георгианское. Внутри сплошные лестницы. В первый день ощущалась нехватка воды: три из четырех имевшихся в наличии колодца высохли, а четвертый работал всего несколько минут в день. Кормили отменно. По вечерам, кроме воскресенья, играли в бридж. Воскресенье соблюдалось в полном согласии с традицией. Ощущалась традиция во всем: жители деревни играли на зеленых лужайках в «кольцо» со Страстной пятницы до сбора урожая. Каждый вечер, примерно в половине десятого, в гостиную вместе с кофе вносили будильник для слуг, вручали его канонику, и тот торжественно его заводил, после чего возвращал служанке. У служанок были необычные имена вроде Бэсси и Рейчел. Единственный недостаток трогательного домашнего уклада: в их доме нельзя было не чувствовать себя существом чужеродным. Все разговоры за столом касались исключительно местных новостей, и слушать их было нестерпимо скучно. <…>

Воскресенье, 16 октября 1921 года

<…> Сегодня послал отцу кое-какие официальные бумаги, чтобы обсудить создавшуюся ситуацию. Дал ему знать, что уже одна мысль о том, чтобы задержаться в Лансинге еще на семестр, внушает мне ужас и что если я не получу стипендии, то готов ехать учиться в Оксфорд за минимальную плату. Попросил у него также разрешения найти в Лондоне работу с Рождества до экзаменов.

Этот семестр мне ненавистен — как ненавистен самому себе я. Удивительно, что Лонджу еще хватает терпения меня переносить. От бесконечного сидения за учебниками нервы у меня расшатались окончательно. Веду себя, как последний хам, — в чем отдаю себе отчет. И деру нос — в соответствии с тем

положением, какое занимаю в колледже; хуже всего то, что проникся официальным духом. Если же все мои старания пойдут насмарку и стипендии мне не дадут — возненавижу себя окончательно.

Сам толком не знаю, чего хочу. Знаю одно: при создавшемся положении здесь мне больше делать нечего. Уж лучше, как Фулфорд или Нэтресс, идти учителем в начальную школу.

Для всех, кому все до смерти надоело, мы с Кэрью создаем Клуб мертвецов. Президентом клуба буду я.

Среда,19 октября 1921 года

Я помилован. Вчера вечером получил ответ от отца. Сочувствует и согласен, чтобы я ушел в этом семестре и либо ехал прямо в Оксфорд, либо во Францию. Настроение заметно поднялось. Но чтобы заработать стипендию, трудиться придется до умопомрачения. Оценить свои шансы я совершенно не в состоянии. Чувствую только, что, если стипендию получу, буду абсолютно счастлив; если нет — глубоко несчастен. Логики в этом рассуждении явно маловато.

Клуб мертвецов процветает. Решили, что члены клуба будут носить в петлице черную шелковую ленточку. <…> Во что превратился мой почерк! Последние несколько дней совершенно бессмысленны. Вчерашнее заседание Шекспировского общества — скучней некуда. Уходить — самое время. Не уйду — окончательно замкнусь в себе или, чего доброго, влюблюсь черт знает в кого.

Воскресенье, 30 октября 1921 года

Еще один беспросветный день. Довольно славный новый пастор — ножки тоненькие и кривые. Распеваем в духе церковного гимна: «Сколь же прекрасны ноги твои, о проповедник Святого Евангелия!» <…>

Пятница, 11 ноября 1921 года

Пребываю в тоске — как обычно. Вчера какая-то мелкая сошка из Оксфорда вернула мое заявление: неправильно, дескать, составлено, к тому же от кандидатов на стипендию по истории

требуется знание двух языков. Будем надеяться, что это не более чем сатанинская секретарская шутка. В противном случае сдавать на стипендию — пустое дело: французский язык — в том виде, в каком он у меня сейчас, — постыдный фарс, не более того. <…> Отец отказывается обсуждать мои планы на ближайшие полгода. Жизнь меж тем скучна и невыразительна.

Сегодня утром состоялось двухминутное молчание в память о погибших за родину. Во второй половине дня будет торжественная линейка. Здесь я зря трачу время — на этот счет у меня ни малейших сомнений. Интереса к истории у меня по-прежнему никакого. Академическая карьера не для меня. Не уверен даже, что мне так уж нужен Оксфорд. Но ничего не попишешь — обратного пути нет.

Понедельник, 21 ноября 1921 года

<…> На днях произошел забавный случай, лишний раз подтвердивший, какая у меня в колледже репутация. Ректор отозвал меня из зала, чтобы расспросить о моих премиях и узнать, написал ли я некролог памяти Перси Бейтса[61]. Лондж поинтересовался, что случилось, и я ответил, что меня выгоняют за аморалку. Он, естественно, не поверил, однако не преминул сообщить об этом Дэвису, и тот, приняв сказанное за чистую монету, сообщил о случившемся не только старшеклассникам, но и вообще всему колледжу. «Я, если честно, нисколько не удивился, ожидал, что нечто подобное рано или поздно произойдет». В результате, последние несколько дней ко мне то и дело подходят соученики со словами сочувствия: «Да, не повезло, старик. И с кем же ты спутался?» Многие поверили, Кэрью в том числе. Мне-то, разумеется, наплевать, просто забавно, ведь жизнь я здесь веду поистине праведную, если не считать, конечно, разговоров. А впрочем, я давно заметил: тот, кто избегает дурных слов, способен на дурные дела.

Среда, 23 ноября 1921 года

Через три недели, если только я не провалился, мне станут известны результаты экзаменов на стипендию.

Из нашей жизни, мне кажется, ушло главное — дружба. Никто, по-моему, не заводит больше настоящих друзей — об увлечениях я не говорю. Если дружба и сохраняется, то единственно в нашей памяти.

Сегодня вечером — стоя, как всегда, на коврике перед камином — Кэрью излил мне душу. Теперь я понимаю: с моей стороны было ошибкой пытаться переделать своих друзей под себя.

Вторник, 6 декабря 1921 года

Сегодня утром в 9.30 сдавал общий экзамен. Мне он понравился — как, впрочем, и всем остальным. Всего сдающих собралось человек пятьдесят-шестьдесят: все как один — разбойники с большой дороги, но разбойники-интеллектуалы. Я отвечал на четыре вопроса. Первый — моя любимая биография. Я выбрал «Бердслея» Артура Саймонса[62] и написал вроде бы неплохо, во всяком случае, довольно живо. Затем, сильно рискуя, ответил на вопрос: «Внес ли XIX век свой оригинальный вклад в живопись и архитектуру?» Исписал страниц пять — в общем, остался собой доволен. Затем последовал каверзный вопрос о Таците — является ли он самым «актуальным» античным автором, а также вопрос о том, «существуют ли темы, совершенно не пригодные для поэзии». На последний вопрос ответ я дал довольно расплывчатый, вылившийся в панегирик Руперту Бруку[63]. В целом же, думаю, впечатление я произвел благоприятное.

С переводом с листа Ливия я справился, но не более того — впрочем, это ведь еще только предварительный экзамен. Сегодня вечером переводим с французского — и тоже с листа. Вот где будет комедия! А завтра начнется самое серьезное: английская история и эссе.

Лансинг, суббота, 10 декабря 1921 года

Прошлая неделя выдалась самой в моей жизни счастливой. Как я сдал экзамен, мне, правда, пока неизвестно. Не буду удивлен, если я получил положительный балл, или огорчен, если провалился. Французский текст я переводил лучше, чем ожидал, а английскую историю ответил и вовсе неплохо. Мне попались английская Реформация и младший Питт[64]. Хуже всего получилось эссе — тяжеловесное, многословное, претенциозное. Viva[65] сдал превосходно. Гоняли меня по сельскому хозяйству XVIII века, но при этом были со мной очень обходительны, я же, по-моему, — умен. <…>

Четверг, 15 декабря 1921 года

Сегодня утром, спустившись к завтраку, обнаружил на столе два письма из Оксфорда. Одно — официальное, где сообщалось, что я получил Хартфордскую стипендию[66] в сто фунтов. Другое — частное, в котором содержалось поздравление от проректора[67]. Нельзя сказать, чтобы оно меня очень уж порадовало. Сей милый человек писал, что стипендии я удостоен главным образом за умение хорошо писать по-английски и что общий экзамен и английскую историю я сдал лучше всех, а европейскую — хуже всех.

Очень унылый день тут же превратился в самый радужный. Все меня от души поздравляли. Брент-Смит написал мне письмо. Лучше всего то, что теперь я могу уйти с чистой совестью. Сто фунтов на земле не валяются. <…>

Один из самых трогательных комплиментов сделала мне миссис Невилл-Смит, с которой я ни разу раньше не разговаривал. Мы встретились вечером на лестнице. «Поздравляю вас со стипендией, Во. Теперь вы можете, я полагаю, немножко расслабиться. И все остальные — тоже». <…>

Двадцатые годы[68]

Хэмпстед, суббота, 21 июня 1924 года

В двенадцать ночи, если память мне не изменяет, оказался в комнате бедного Майкла Лерой-Болье в Бейллиоле[69]. Большую часть вечера он провел в слезах — его до смерти напугал Питер, разбив у него на глазах тарелку. Народу набилось столько, что дышать было нечем. После двенадцати остались только выпускники Бейллиола — мертвецки пьяные. Пирса Синотта уложили в постель, и около часа ночи Бенуа и Патрик Балфур спустили меня на веревке из комнаты Ричарда. Выбрался через туалеты в Нью-Куод, что не могло не сказаться на состоянии моего костюма, и проспал несколько часов.

После безумного утра, чехарды бутылочных этикеток и таксомоторов, в 1.45 очутились в вагоне-ресторане[70], за соседним столиком — бедный Брайен Хауард[71]. Ничего съедобного, кроме хлеба с сыром, не нашлось, зато выпили шерри, шампанского, много чего еще покрепче, выкурили по сигаре — и вышли на Паддингтонском вокзале с твердым ощущением, что перекусили отлично.

Родители в прекрасной форме. Отец с увлечением рассказывает, где они побывали во Франции; обнаружил непристойность на гобелене в Байё, отчего пришел в восторг.

Понедельник, 23 июня 1924 года

<…> Заказал себе новую трость — главное событие первой половины дня. Хотелось по возможности приобрести похожую на старую, но другой такой красавицы не нашлось, да и неприлично было бы ходить с точно такой же. Та, которую я выбрал, — тоже из английского дуба, но полегче и подлиннее. На набалдашнике маленькая золотая пластинка размером с шиллинг с выбитыми на ней моими именем и гербом. Будет, думаю, иметь успех. Дома меня ждала телеграмма от Аластера[72]: звал поужинать в «Превитали». Отменно поели и отправились, заходя по пути в пабы, на набережную, а потом тем же путем обратно в «Кафе Ройял». <…>

Четверг, 26 июня 1924 года

Ничего, сколько помню, не делал.

Воскресенье, 29 июня 1924 года

Ходили с Аластером в эмигрантскую церковь на Бэкингем-Пэлес-роуд. Русская служба понравилась необычайно. Священники скрывались в маленькой комнатке и изредка появлялись в окнах и дверях, точно кукушка в часах. Им принесли огромное блюдо сдобных булок и привели целый выводок маленьких детей. Все это время хор, тоже где-то припрятанный, распевал что-то заунывное. Длилась служба бесконечно долго. В одиннадцать, когда мы пришли, она уже была в самом разгаре, а в 12.30, когда уходили, конца еще не было видно. Собравшиеся — в основном изгнанные из России великие князья и странного вида жалкие женщины, якобы любовницы императора, — молились с большим чувством. Мне запомнился бедный старик в изношенной офицерской шинели. <…>

Понедельник, 30 июня 1924 года

Убили с Аластером уйму времени на магазины, пошли к архитекторам[73], где были с нами очень милы. Обедали в «Превитали», взяли в долг 1 фунт у Чепмен-энд-Холла[74], а во второй половине дня нас занесло на Выставку империи в Уэмбли[75]. Отправились во Дворец искусств, где сначала погрузились в нескончаемый кошмар колониальной живописи, но потом, выбравшись из него, попали в залы, обставленные прелестной старинной мебелью. Зал 40-х годов прошлого века обставляли преподаватели Аластера. Лучшим же, по-моему, был зал Уильяма Морриса[76]. Разглядывал скульптуру — и всем сердцем хотел стать скульптором, потом ювелирные украшения — и хотел стать ювелиром, а потом всякого рода нелепые вещицы, выставленные во Дворце промышленности, — и ужасно захотелось посвятить жизнь изготовлению подобных вещиц.

А потом произошла удивительная вещь. Примерно в 6.30 мы выпили, после чего отправились в индийский театр. Полюбовавшись на редкость беспомощными тибетскими танцорами и каким-то бородатым, который показал несколько самых незамысловатых фокусов, из тех, что способен показать на детском празднике любой говорящий на кокни фокусник-

любитель в маскарадном костюме. Из шатра вышли крайне разочарованными. И только обнаружив, что уже восемь и мы оба опоздали, каждый на свой званый ужин, убедились в недюжинных магических способностях смуглого человека с бородой. По счастью, когда я явился к Болдхэду, все уже крепко набрались. Выпив все, что еще оставалось, я очень скоро почувствовал, что не отстаю от остальных, чему не мог не порадоваться. <…>

Суббота, 5 июля 1924 года

Ходил на утренний спектакль «Святой Иоанны»[77]. Вконец обеднев, вынужден был подниматься на галерку, где сначала простоял в длинной очереди, а потом сидел на местах, неудобней которых не бывает на всем белом свете. Пьеса, впрочем, очень хороша, а костюмы — куда лучше тех, на какие всегда был способен Рикеттс. <…>

Воскресенье, 6 июля 1924 года

Встали поздно и отправились в Вестминстер на проповедь Ронни Нокса[78]. Собор заполнен был до отказа, и пришлось стоять в боковом пределе. Проповедь очень забавна. Обедал tête-à-tête с Гвен Оттер; принесла с собой сборник неизвестных мне статей Уайльда: его предисловие к стихам Реннелла Родда и переписку с Уистлером[79]. «Вульгарность, мой дорогой Джеймс, начинается дома и закончиться должна там же». <…>

Помчался домой переодеться — и в «Корт»[80]. Пьеса Ричарда Хьюза[81] чудовищна. Оттуда — на вечеринку к миссис Джеффри Уинтворт, где пришлось спектакль расхваливать. А оттуда — к Элзе в ночной клуб[82], где Эрнест Милтон играл в пьесе Пиранделло «Человек с цветком на губе». Великолепно — не то, что жалкое бормотание в «Корте». Был Г. Дж. Уэллс; искусственное дерево, упавшее со сцены ему на голову, чуть было не лишило его жизни.

Понедельник, 7 июля 1924 года

Пробудившись, обнаружил, что нахожусь на Эрлз-тэррес[83] и что 6.30 утра. Пришлось вновь влезать в вечерний костюм и тащиться понурым утром домой в Голдерс-Грин. Умылся, переоделся — и к дантисту: обращается со мной безжалостно.

Пятница, 11 июля 1924 года

<…> Утром явился Крис и рассказал отличную историю. Слушалось дело о мужеложестве, и, усомнившись в справедливости своего решения, судья Филмор решил проконсультироваться у Беркенхеда[84]. «Простите, милорд, не могли бы вы сказать мне… Сколько, по-вашему, следует дать мужчине, который позволил себя… поиметь?» — «От 30 шиллингов до 2 фунтов — сколько найдется в кармане». <…>

Хэмпстед, понедельник, 1 сентября 1924 года

Почти весь день вел дневник. После обеда — в кино. Дал себе зарок — не ходить в кинематограф на что попало.

Воскресенье, 7 сентября 1924 года

По-прежнему тружусь над «Храмом»[85]. Подозреваю, что закончен роман так и не будет.

Вторник, 9 сентября 1924 года

В доме появилась некая Эмма Рейбен, единокровная сестра матери, отчего жизнь сразу же сделалась совершенно невыносимой. Не могу ни писать, ни думать, ни есть — так ее ненавижу.

Вчера из-за настойчивости матери подвергся тяжкому и унизительному испытанию — был сфотографирован. В офисе на Нью-Бонд-стрит под вывеской «Свейн» предлагалось сфотографироваться бесплатно. Худшей фотографической конторы не сыскать, думаю, во всем Лондоне. Сначала пришлось полчаса ждать в приемной с гигантскими снимками королевской семьи по стенам. Затем меня завели в студию, где отталкивающего вида человечек из кожи вон лез, чтобы быть со мной поласковей, а двое его подчиненных устанавливали тем временем свою дьявольскую аппаратуру. Ни минуты не сомневаюсь, что фотография получится устрашающей. <…>

Пятница, 19 сентября 1924 года

Сегодня начинаю новую жизнь: бедность, целомудрие, послушание. Мать покупает собаку.

Воскресенье, 21 сентября 1924 года

Материнский пудель и в самом деле обворожителен. Он в центре внимания всей семьи. Сегодня утром вместе с родителями причастился в церкви Святого Олбана. Перед началом церемонии отец суетился и то и дело рыгал.

Последние два дня работал над книгой. Едва ли она очень уж хороша.

Понедельник, 22 сентября 1924 года

Сегодня первый раз ходил в Хитерли. Географию всей школы я пока еще не изучил, но побывал в двух студиях, конторе и коридоре, где вешают пальто и шляпы. В отличие от Слейда[86], атмосфера здесь куда менее официальная, что отрадно. По стенам обеих студий развешены скелеты, картины и доспехи. Мне вручили альбом с папиросной бумагой и (к моему удивлению) карандаш BBB и отправили в студию на первом этаже рисовать худого, абсолютно голого, если не считать сумки на гениталиях, мужчину, сидевшего на стуле нога на ногу. Сделал небольшой любительский набросок, за который добросердечный Мэсси меня похвалил. Он — директор школы и, безусловно, не враг бутылки: нос над белой бородкой у него лилового цвета, да и рука дрожит так, что, когда он что-то рисует, мел у него в пальцах крошится. И тогда девушки начинают хихикать.

Девушек здесь полно — в основном это дурно воспитанные гурии в цветастых комбинезонах. Рисуют очень плохо и куда больше интересуются молодыми людьми, те же помешаны на заработке, а потому мечтают об иллюстрациях в «Панче» или о заказах на рекламу. Что-то сомневаюсь, чтобы я с кем-нибудь из них сошелся.

Пообедал в «Превитали», ел минестроне и сыр, ощущая на себе откровенно презрительный взгляд нового официанта, после чего вернулся в школу, где уже началось занятие по «быстрому наброску», — необычайно забавно. Моделью служила совсем еще юная девица с очень изящным телом и выражением лица, какое бывает у Хью Лайгона[87], когда тот мертвецки пьян. Не вертись она, цены бы ей не было.

Рабочий день завершился в четыре часа пополудни.

Вторник, 30 сентября 1924 года

Утром рисовал с таким наслаждением, что после обеда решил в школу не возвращаться. Вместо школы отправился в музей Соуна на Линколнз-Инн-Филдз, где увидел немало интересного. Куратор, судя по всему, больше всего гордится выставленным в цоколе старинным саркофагом, мне же куда больше понравилось освещение в залах, а также такие нелепые экспонаты, как Ковчег Шекспира на втором этаже и Ковчег Английского банка в кабинете. Есть у них несколько подлинных Тернеров и Хогартов; серии «Путь повесы» и «Выборы» подкупают продуманной композицией, но как живопись и та и другая никуда не годятся.

Вместе со мной ходила по музею какая-то пара из доминионов — что он, что она как в воду опущенные. Интересовали их исключительно подписи под картинами. Они прониклись славой Уэмбли, однако, уходя, мужчина обронил: «Как это ни удивительно, но здесь очень много такого, что ничуть не лучше нашего». Чему-то он, стало быть, научился.

В тот же вечер с отцом — на «Горбуна собора Парижской Богоматери». Пышность, садизм. Засим домой[88]. <…>

Воскресенье, 30 ноября 1924 года

Неделя выдалась тихой: каждый день ходил в Хитерли, вечерами сидел дома. Почти каждый день, не пожалев шести пенсов за вход, посещал Национальную галерею, где мне нравится все больше и больше картин. «Открываю для себя» Веласкеса, Рубенса и Пуссена. Пуссена, впрочем, — в наименьшей степени. <…>

Среда, 17 декабря 1924 года

По-прежнему пишу письма в частные школы, где морочу голову директорам, себя же превозношу. И по-прежнему пытаюсь переделывать «Храм». Директор школы «Арнолд-хаус» в Денбишире и еще один — из Плимута вроде бы проявили ко мне некоторый интерес — остальные же молчат. В пятницу собираюсь в типографию «Пэр-Три-пресс». <…>

Среда, 24 декабря 1924 года

Послал Оливии[89] принадлежащий Алеку экземпляр «Ираиса»[90]. Уж не влюбился ли я в эту женщину? Ходил с Теренсом в «Нибелунги», после чего посадил его на оксфордский поезд. Завтра Рождество.

Рождество 1924 года

Решил отрастить усы — обзавестись новыми туалетами я не смогу еще несколько лет, а ведь так хочется видеть в себе какие-то перемены. К тому же, если мне предстоит стать школьным учителем, усы помогут произвести на учеников должное впечатление. Сейчас я так непристойно молод, что вынужден перестать регулярно напиваться. На Рождество мне всегда немного грустно — отчасти потому, что немногие мои увлечения приходились, как ни странно, именно на рождественскую неделю; так было с Лунед, Ричардом, Аластером. Теперь же, когда Аластер находится от меня на расстоянии тысячи миль, когда у меня тяжело на сердце и нет никакой уверенности в завтрашнем дне, — всё не так, как было раньше. <…>

Среда, 31 декабря 1924 года

<…> Вчера утром звонила Оливия, пригласил ее позавтракать в баре «Восход солнца». Опоздала минут на двадцать пять. В ожидании пил джин с тоником. Наконец явилась: разодета в пух и прах, туалет совершенно несообразный. Бедные завсегдатаи бара выпучили глаза, перестали сквернословить, впопыхах осушили стаканы и убрались восвояси. Мы же съели по куску пирога с телятиной и ветчиной, выпили джина и запили его бенедиктином. <…> Из частных школ новостей по-прежнему никаких. Сбрил усы, которые начал было отращивать. <…>

Понедельник, 5 января 1925 года

Написал Оливии, что накануне вечером[91] был трезв (неправда) и искренен (полуправда). <…> Пришлось идти пить чай с мистером Бэнксом из школы «Арнолд-хаус» в Денбишире. Оказался высоким стариком с глупыми глазами. Остановился в отеле «Бернерз». Дает мне сто шестьдесят фунтов, за эти деньги мне надлежит целый год учить маленьких детей. Перспектива, что и говорить, незавидная, но в моем бедственном положении —

лучше не бывает. Школа, насколько я понимаю, находится в такой глуши, что потратить деньги на что бы то ни было не представляется возможным. Вечером пришел выпить Ричард. У Чепмен-энд-Холла ангина.

Воскресенье, 11 января 1925 года

Купил уродливый джемпер с высоким горлом — выгляжу лет на десять, никак не старше.

В новом джемпере и в самом непроглядном тумане, какой мне приходилось видеть, отправился на завтрак к Гвен Оттер. Дом нашел с большим трудом — на углу Кингз-роуд и Ройял-авеню. Врезался головой в стену, на которой прочел написанное мелом: ТЫ ОМЫЛСЯ КРОВЬЮ АГНЦА? Ужас. <…>

Среда, 21 января 1925 года

В мой последний день в Лондоне мы с Оливией стали друзьями. Она позвонила и сказала, что хочет меня видеть. Ее родители должны были прийти пить чай, поэтому я позвал ее позавтракать. Явилась на пять минут раньше времени и была очень мила. Сидели под книжными полками, и она твердила мне, что я — великий художник и что мне нельзя быть школьным учителем. <…>

Пятница, 23 января 1925 года

«Арнолд-хаус», Лльянддулас, Денбишир. Уложил свои рисовальные принадлежности, одежду, отрывки рукописи «Храма», а также Хораса Уолпола[92], «Алису в Стране чудес», «Золотую ветвь»[93] и еще несколько книг и отправился на вокзал Юстон. Там и в Честере ко мне присоединились небольшие унылые группы учеников в красных фуражках и в слезах. В вагоне они съели немыслимое количество конфет; когда же за вторым завтраком осушили вдобавок кварты имбирного пива и лимонада, можно было поручиться, что кому-то из них в самое ближайшее время станет плохо. Слава Богу, до Лльянддуласа мы доехали без приключений, и, невзирая на телеграммы мистера Бэнкса, поезд на станции остановился. Крошечное такси доставило меня и две сотни чемоданов до места. Стоит школа на такой крутой горе, что испытываешь странное чувство: поднимаешься на третий этаж,

выглядываешь из окна — и кажется, будто остался на первом. Внутри три крутых лестницы из соснового дерева, одна выстлана ковром, две другие — нет, и несколько миль коридоров с отполированным до блеска линолеумом под ногами. Имеется учительская, где мне предстоит проводить большую часть времени. В учительской линолеум отполирован еще лучше (или, как шутит Алек, «лучшее»), стены красные, на стенах тошнотворные картины, несколько кресел, из них два — мягких, ацетиленовая газовая горелка, еле горит, камин и проигрыватель. И четыре молодых человека. Одного зовут Чаплин, он учился в Сент-Эдмундс-Холл[94], где жил в одной комнате с Джимом Хиллом. Чаплин, племянник мистера Бэнкса, обожает Флекера[95]. Из четырех молодых людей он — самый лучший. Второй — Гордон — унылый зануда в пенсне, с учениками не церемонится. Чаплин, Гордон и я живем в домике под названием «Санаторий», куда круто поднимается тропинка, петляющая между кучками навоза, кустами крыжовника и каменными стенами. Имеются в наличии и два новых учителя. Один — очень высокий, величественный и пожилой, зовут Уотсон, учительствовал в Стоу, в Египте. Уотсон — обладатель орлиного носа и шотландского акцента; собирается в скором времени приобрести собственную школу. Другой — новый в школе человек — Дин: очень неопрятен, сиреневый подбородок, бесцветные щеки, говорит на кокни и все время сморкается. Этот хуже всех. У мистера Бэнкса есть жена, своим внешним видом она заметно уступает леди Планкет [леди Планкет-Грин. — А. Л.] или миссис Херитедж. Есть у него также женатый сын; самого сына я так и не видел, но не раз слышал в коридоре его голос, и голос мне не понравился. Таковы обитатели моей школы, если не считать целой армии горничных, что суетливо мечутся по коридорам с доверху наполненными мочой ночными горшками. А также — учеников. Пока что встретил лишь нескольких; некоторые на вид вполне славные.

Порядки в школе весьма странные. Нет ни расписания, ни поурочных планов. Директор школы Бэнкс входит в учительскую с отсутствующим видом и говорит: «М-м, вот какое дело… в последней классной комнате на этаже сидят какие-то ученики. Понятия не имею, кто они. То ли историки, то ли четвертый класс, а может, у них урок танцев. С собой у них — непонятно зачем — учебники латыни; было бы хорошо, если бы кто-то из вас провел с ними урок английского».

Тогда кто-нибудь из нас, кому не слишком лень, идет в класс в конце коридора, я же остаюсь в учительской и вырезаю для Оливии гравюру на дереве. Бедный мистер Уотсон из-за

отсутствия расписания скрежещет зубами, а меня это вполне устраивает. Сегодня просидел без уроков все утро.

После обеда давал свой первый урок историкам из класса «Б», и рассказывать мне предстояло про Вильгельма и Марию[96]. Ученики ходили на голове, и назвать свой дебют успешным я, пожалуй, не могу. Через три четверти часа перешел в соседний класс «А», эти ученики, не без посредства несравненного Уотсона, вели себя примерно. Оказалось среди них и несколько очень умненьких ребят, особенно понравился мне мальчик из Гэлуэя. Рассказывал им про Генриха VII и Генриха VIII[97] — то немногое, что знал сам.

Воскресенье, 25 января 1925 года

Вчера утром прозвонил звонок, и все, в том числе и учителя, с шумом и криками заполнили коридоры. Вскоре со списком в руках явился Бэнкс и принялся распределять учеников по классам. Мне учеников не досталось, я спустился в учительскую и до перемены резал гравюру на дереве для Оливии. Когда перемена кончилась, вновь поднялся наверх, и, поскольку Дин проработал все утро, Бэнкс вызвал меня, и я пятьдесят минут изводил четвертый класс латинскими глаголами. После чего перешел в пятый класс и без особого успеха пытался втолковать ученикам, что такое «метр».

После обеда отправился на прогулку и обнаружил, что помимо моря, железной дороги и каменоломни имеются в этих краях еще и горы. Геологически места здесь исключительно богатые. В Уэллсе все всё время сплевывают; когда вам встречается валлиец, он говорит «борра-да» и сплевывает. Первое время я пугался, но потом привык. Выяснилось также, что валлийцы настолько хорошо воспитаны, что на вопрос: «Эта дорога на Лльянддулас?» — всегда отвечают утвердительно. Эта их вежливость обошлась мне в десятки лишних миль. За чаем я дежурил, ученики вели себя ужасно, и я расстроился.

После ужина отправился в бильярдную, где сидел и думал о том, что сегодня ведь у Ричарда вечеринка. Дин тем временем ухитрился сделать несколько карамболей подряд, а Чаплин — сжевать целый кулек конфет.

Сегодня утром проспал, опоздал в часовню и пришел, когда завтрак уже подходил к концу. Закончил резьбу по дереву и отправился с учениками на унылую службу в местную сектантскую молельню. После обеда повел нескольких очень шумных учеников на прогулку и доигрался с ними до того, что

вернулись все с разбитыми коленками.

Думаю, нам предстоят веселые времена: бедный мистер Уотсон стремится наладить дисциплину и готовит бунт против милейшего Бэнкса. Он только что произнес в учительской страстный монолог на шотландский манер; призывает нас прибегнуть к розгам, дополнительным занятиям и окрикам; ему вторит на своем кокни маленький Дин. Скандала, будем надеяться, не миновать.

Некоторое время назад налил в чайник для заварки молоко вместо кипятка и выругался. Сидевшие рядом два мальчика из младших классов сначала до смерти перепугались, а потом зловеще захихикали.

Понедельник, 9 февраля 1925 года

Сегодня поколотил шлепанцем двух мальчиков — правда, не сильно. Здорово мне досадили. Чтобы поднять настроение, заказал себе новую пару туфель.

Среда, 18 февраля 1925 года

<…> В понедельник узнал, что за страшная штука недельное дежурство. Это значит, что с рассвета до заката у меня не будет времени даже для того, чтобы прочесть открытку или побывать в ватерклозете. Уже во вторник, последний вторник перед Великим постом, мои нервы были напряжены до предела. Вчера побил прелестного мальчишку по имени Клегг, двинул разок мерзкого парня по имени Купер, а Кука отправил к директору. Вчера же, во второй половине дня, у меня состоялся первый урок верховой езды — понравилось ужасно. Вид спорта нелегкий и недешевый, но исключительно приятный. От Оливии ни одного письма.

Вчера в сочинении по истории учащийся Хауарт написал: «В том году Яков II[98] родил сына, однако многие отказывались этому верить и говорили, что сына принесли ему в грелке».

Воскресенье, 15 марта 1925 года

<…> Последнее время ссорюсь с Крэмзи и Персивалем — единственными двумя учениками, которые мне по-настоящему нравятся.

Мистер Бэнкс часто выражает недовольство тем, как я работаю. Допускаю, что основания у него для этого есть.

Уотсон большую часть времени скверно себя чувствует, и обстановка в учительской не самая дружелюбная. Мои усы наконец-то дали о себе знать.

Возникла идея написать книгу о Силене[99]. Как знать, напишу ли? <…>

День святого Патрика 1925 года

Проспал, опоздал в часовню и, спустившись к завтраку, обнаружил в столовой нечто вроде масонского праздника. Все ученики давно встали и, нацепив на себя красные, белые, синие, зеленые и оранжевые розочки и ленты, чем-то напомнили мне майское дерево[100]. Мистер Дин накинул на плечи красную занавеску, отчего вид имел престранный. Мальчики постарше и побогаче нарядились в зеленые рубашки и чулки. Дьявольский карнавал. После обеда состоялся футбольный матч, легкую победу одержали ирландцы. Не дождавшись конца игры, пошел в Колвин-Бей, где местный парикмахер за четыре шиллинга постриг меня и помыл мне голову. Вечером ходили в пивную мистера Робертса, где какой-то евнух научил меня новому валлийскому тосту; тост я записал на конверте, а конверт потерял. Звучит тост так: «За воздержание!» <…>

Среда, 15 апреля 1925 года[101]

В целом, за вычетом постоянной тоски, которую я испытываю из-за неразделенной любви, пребывание на острове доставляет мне удовольствие. Весь день болтались без дела. <…> Вчера имела место постыдная сцена. После тихого вечера в трактире я побывал на вилле, где проболтал с Элизабет до одиннадцати. По возвращении же стал свидетелем немыслимой оргии. Все напились или притворились пьяными, кроме Х. Она сидела посреди комнаты и была, против обыкновения, совершенно спокойна. Раздетую почти догола… шлепали по ягодицам, а она визжала от восторга. Каждые две минуты она бегала в уборную, а когда возвращалась, все говорили: «И кто бы мог подумать?!» Все это было очень жестоко. Вид у нее был ужасный: огромные, белевшие в темноте ноги, на ногах кровь, ягодицы порозовели, глаза от желания лихорадочно блестят. Вещи говорит совершенно непотребные — уж не знаю, сознательно или бессознательно —

про кровь, про жир; больше же всего меня поразило, что Оливия все это видела. Между собой эти девицы говорят, должно быть, бог знает что. В конце вечера Дэвид распустился окончательно и вел себя совершенно непристойно. Я же лег спать, как всегда, с камнем на сердце.

Суббота, 18 апреля 1925 года

Никак не могу излечиться от любви к Оливии, и это из всего, что было на острове, самое грустное. Быть может, единственно грустное. Мое чувство мучительно для нас обоих. Пока я был в Денбишире, хотелось думать, что люблю я ее лишь как олицетворение всех тех радостей, которых в школе лишен. Но вот я здесь. Теренс за кружкой пива цитирует Канта, Дэвид отпускает бесконечные шуточки про Лесбос и нужники, Ричард носится по волнам в утлых лодчонках и непромокаемых штанах, а леди Планкет на все это безмятежно взирает. Я же, стоит мне оказаться рядом с Оливией, грущу, нервничаю, мне не по себе. А Оливия нисколько не скрывает своего чувства к Тони, отчего мои шансы тают на глазах. Что же до Одри, то свою жизнь она связала с человеком, который, скорее всего, нравится ей не слишком. Аминь. Будь что будет.

«Арнолд-хаус», Денбишир, пятница, 1 мая 1925 года

Вчера прибыл сюда в глубочайшей мрачности, которая отступила лишь под напором беспробудного сна. Наступившее утро, однако, оставило меня один на один с унылой перспективой четырехмесячной ссылки. <…>

Утро вторника, 5 мая 1925 года

Последние три дня пребываю в апатии. Всю эту неделю в школе проходят спортивные состязания, и работы у меня немного. Стараюсь, чтобы то, что неинтересно мне, было точно так же неинтересно и ученикам, отчего испытываю особое, извращенное удовольствие. Из шестого класса в пятый перешла целая толпа сорванцов, которые ничего не знают и знать не хотят; не желают слушать, что им говорится. Целыми днями заставляю их зубрить грамматические определения: «Слог — это отрезок речи, являющийся естественной единицей речевого потока…» и

т. д. — и так ad nauseam[102]. <…> Читаю сборник эссе Бертрана Рассела, который купил на прошлой неделе в «Блэкуэлле»[103]. Одновременно с этим обдумываю парадоксы, заложенные в стремлении к самоубийству и достижению успеха, планирую взяться за еще одну книгу, а также приобрести у Янга револьвер по сходной цене.

Четверг, 14 мая 1925 года

Седьмая часть семестра позади, и, излечившись от отравления кофеином, от которого я последнее время страдаю, могу теперь смотреть в будущее с полной невозмутимостью — и это несмотря на то, что с каждой почтой приходят горы счетов, а Оливия хранит молчание. Янг, наш новый швейцар, не скрывает своих педерастических наклонностей: только и разговоров что о красоте спящих мальчиков. По вечерам мы с Гордоном почти каждый день ходим стрелять галок, однако от этого больше шума, чем кровопролития. На днях купил бутылку портвейна «Доуз» 1908 года. Дин смешал портвейн с лаймом и содой, когда же я предложил ему еще и сахар, сказал, что портвейн предпочитает «сухим». Эта история не вполне соответствует действительности, но я пересказал ее в таком количестве писем, что сам в нее поверил. Началось «летнее время», и работы у меня будет меньше. Купил альбом для рисования; теперь, когда у меня в комнате в «Санатории» стало теплее и светлее, собираюсь заняться рисованием всерьез. <…>

Среда, 1 июля 1925 года

Последние несколько недель стало повеселее. Уж не помню, как давно, наверно с месяц назад, Алек написал, что Скотт Монкрифф готов взять меня в Пизу своим секретарем. Я тут же сообщил Бэнксам, что ухожу, Гордона же, Янга и самого себя напоил на радостях в отеле «Куинз». И до вчерашнего дня жил в сладостном предвкушении года за границей, воображал, как буду сидеть под оливами, пить кьянти и слушать споры всех самых прославленных европейских изгнанников. Я даже увлекся своей работой в школе — ввиду скорого от нее избавления — и самым трогательным образом привязался к нескольким ученикам. Прекратил работу над романом, вторую половину дня проводил, нежась на солнце с трубкой и кульком конфет, после ужина купался, а по ночам грезил Рисорджименто. Стал даже

испытывать теплые чувства к отцу и договорился с ним, что он оплатит мои долги, а денежное содержание впредь платить не будет. Однако вчера пришло сообщение, что Скотт Монкрифф во мне не нуждается. Вот тут-то я и почувствовал, что дошел до точки. Помощи теперь ждать неоткуда. Решил было отправиться с мальчиками на автобусную экскурсию, рассудив, что тем самым привяжу их к себе — по крайней мере, тех учеников, кто мне симпатичен. Думаю, директор не захочет брать меня обратно — даже если я и надумаю вернуться. Рассчитывать, что мой бедный отец будет и впредь давать мне деньги, не приходится. Выражение «дойти до точки» преследует меня целыми днями[104]. <…>

Пятница, 10 июля 1925 года

План с Хит-Маунт провалился — в крикет я не играю. Все здесь пребывают в унынии. Дин действует на нервы директорше и должен уйти, однако места пока найти не может. Отец Гордона при смерти, его мать и сестра остаются без средств к существованию. Янгу кажется, что он постарел, а Чаплину надоел дождь. Что до меня, то на сердце у меня свинец, а по нервам бежит электрический ток. Надеяться мне не на что. <…>

Среда, 5 августа 1925 года

Все утро провел в поисках работы. Коллега Ричарда[105] ищет очередного младшего преподавателя. Вот бы получить это место.

Воскресенье, 16 августа 1925 года

Получил-таки работу в Астон-Клинтон. Забавно, что эта новость пришла в пятницу вечером, незадолго до прихода Ричарда, Элизабет, Оливии и Аластера. По идее, ужин должен был получиться веселым, но почему-то этого не произошло — мне, во всяком случае, было невесело. Я устал, был не в своей тарелке — как, впрочем, и всегда в присутствии Оливии, да и балагурство отца действовало мне на нервы. <…>

Среда, 26 августа 1925 года

<…> Дописал рассказ, который назвал «Равновесие», и отдал печатать. Рассказ необычен, но вроде бы совсем не плох.

Все утро писал письма, почитал Бергсона[106], а в двенадцать поехал на автобусе в Стратфорд — пообедать с Аластером. Зашел к его виноторговцу купить нам с ним рейнвейнского, однако в результате, соблазнившись названием — «Мутон де барон де Ротшильд», купил бордо. Оказалось отличным. Выпили по коктейлю в отеле «Шекспир», после чего пообедали в ресторане «Арден». Потом Аластер отправился к себе в типографию, а я — на «Двух веронцев» — пьеса ужасно глупая. Внутри у театра вид не такой устрашающий, как снаружи, но выстроен он плохо и неуютен. Зал насквозь «прошекспирен»: самые нелепые шутки вызывают у зрителей благоговейный смех. <…>

Четверг, 24 сентября 1925 года

Надоело укладывать вещи. Вот-вот приедут Элизабет и Ричард и увезут меня в Астон-Клинтон.

Пятница, 25 сентября 1925 года

Расписание еще не готово, и живу пока привольно. В своей речи перед учениками директор сказал, что он нисколько не похож на других директоров, которые бьют ученика, если тот что-нибудь разбил; он же будет обращаться с учениками как с джентльменами и брать с них слово, что проступок больше не повторится. Говорилось все это в крайне неприятной, показной манере. После этого дал урок английского вялым, апатичным и абсолютно невежественным ученикам. После обеда мы с Ричардом до чая уныло слонялись без дела. После чая принимал экзамен, а потом учил мальчиков английскому. Ужин. Выяснилось, что ученик, сидевший за столом рядом со мной, уволен из моего Лансинга. Ричард готовился к занятиям. Купил ему в «Колоколе» пива, и мы его выпили у него в комнате.

Понедельник, 28 сентября 1925 года

Опять ужинал и пил пиво в «Чайна-Харри». Клод дал мне почитать роман Вирджинии Вулф; что-то не верится, что он хорош.

Пятница, 2 октября 1925 года

Учил обезумевших детей. Играл в регби. Выпивал в «Колоколе». Читал «Братьев Карамазовых».

Пятница, 23 октября 1925 года

Все надоело; тоска. Келли играл под дождем в футбол. Класс, где я преподаю рисование, никогда рисовать не научится. У них нет ни вкуса, ни мастерства, ни усидчивости.

Вторник, 27 октября 1925 года

Опять ужинали с Ричардом в «Колоколе». Депутация от учеников явилась к директору с конвертом, в конверте вонючий кусок мяса; но директор их не принял. Начал рисовать портрет Хью Лайгона — мой ему подарок ко дню рождения.

Среда, 28 октября 1925 года

Чепмен-энд-Холл прислал мне два фунта, мой плешивый брат — один, поскольку сегодня у меня день рождения. Мои тетушки прислали необычайно уродливый кисет. А из магазинов пришли счета. День выдался невеселый. Пошел было поиграть в футбол, но вернулся — уж очень устал. Ричард пошел купить крутых яиц — чтобы было чем ужинать после подготовки к занятиям.

Знай я в прошлом году или в позапрошлом, как пройдет мой день рождения, — ни за что бы не поверил. У Ричарда новый костюм. <…>

Пятница, 13 ноября 1925 года

Вместо дивана в Голдерс-Грин — диван в Астон-Клинтон. Вовсю занимаюсь прерафаэлитами.

Суббота, 14 ноября 1925 года

<…> По-прежнему увлечен прерафаэлитами. Могу без преувеличения сказать, что всю последнюю неделю живу с ними с

утра до ночи. Утром — с Холменом Хантом, единственным прерафаэлитом, которого можно назвать неутомимым, бесстрашным и добросовестным. Первую половину дня — с Милле, но не с *ним самим*, а с его модной биографией, написанной Литтоном Стрэчи[107]. Как же Милле светится на добросовестных портретах Холмена Ханта! А вечером, когда огонь в камине, ром и одиночество сделают свое тлетворное дело, — с Россетти[108], про которого Филип Марстон[109] сказал: «И почему только он не какой-нибудь великий король в изгнании, за чье возвращение на трон мы могли бы отдать свои жизни?!»

Понедельник, 16 ноября 1925 года

Ничего.

Понедельник, 23 ноября 1925 года

Элизабет весь день провела в «Колоколе»; обедали вместе. Вечером детям разрешили послушать концерт по радио — пел отец Ричарда. Лишний раз убедился, что на дух не переношу это изобретение.

Понедельник, 30 ноября 1925 года

Лед и снег. <…>

Вторник, 22 декабря 1925 года

<…> Вчера состоялась свадьба Ричарда и Лизы. Мы с Ричардом обедали в Беркли и в церковь явились с опозданием. Служба прошла благополучно — правда, Мэтью нарядился в клетчатые брюки, Джоан Тэлбот «застукали» в ризнице пьяной, а священник называл Ричарда Робертом. Лиза пообещала, что поцелует меня, и не поцеловала. Потратил уйму времени и Ричардовых денег, раздавая служителям чаевые, и чуть было не дал пять шиллингов за уборку церкви престарелой Лизиной тетушке. <…>

Сегодня все утро помогал леди Виктории с подарками; устал, как собака. Вечером зван в гости, но пойду вряд ли. Завтра собираюсь в Париж третьим классом — об удобствах, боюсь,

придется забыть. Как же я устал. Стоит только начать беспокоиться о деньгах, как чувствую, что заболеваю.

Рождество 1925 года

В гости все-таки отправился и в результате ехать утром в Париж не в силах. А ведь никакого разгула не было — ровно наоборот. Мы с Оливией явились одетые как придется, все же остальные разоделись в пух и прах и встретили нас с бокалами шампанского. Большая часть гостей — русские эмигранты. Оливия — она в буквальном смысле слова помешалась на чарльстоне — была безутешна, пока не обнаружила после ужина пустующую комнату, где можно было потанцевать, а потом, когда все стали хором петь русские песни, впала в пьяную меланхолию.

Утром мне позвонил мой старый знакомый, модный актер и театральный деятель Билл Силк, мы пошли пообедать, и в минуту слабости, о которой потом пришлось пожалеть, я согласился подождать до завтра и поехать в Париж вместе с ним. Ужинали мы тоже вместе, а после ужина отправились на «Белый груз», пьесу про белого мужчину, черную женщину и неразбавленный виски. Из театра пошли в «50–50», где столики подсвечиваются изнутри — вид преотвратный. Биллу там нравится — но он мало что в этом смыслит. <…>

«Hôtel des Empereurs»[110], Париж, воскресенье, 27 декабря 1925 года

<…> В 8.20 мы с Биллом Силком доехали на поезде до Нью-Хейвена, а там пересели на пароход «Брайтон», который качало не приведи Господи. Но ни Сидка, ни меня не вырвало, да и пароход, по счастью, был почти совсем пуст. Пока Билл выпивал с каким-то смазливым морячком, я лежал в каюте и боролся с тошнотой, предаваясь сексуальным фантазиям. <…>

Вторник, 29 декабря 1925 года

Вчера на свою беду обнаружил, что Лувр и все остальные музеи закрыты. Утром пошел в Нотр-Дам и, пока Билл не пробудился, был совершенно счастлив. Потом опять зарядил сильный дождь, и делать было решительно нечего. Прошлись по Елисейским Полям, у реки пропустили несколько стаканчиков и

завалились спать. Часов в шесть пошли в «Чатэм-бар», выпили по коктейлю, Билл разузнал у официантов адреса борделей, и мы направились в «Кафе де ля Ротонд», выпили еще по коктейлю и поехали ужинать к «Прунье», где я заказал моллюсков, Homarde Americaine[111], артишоки и выпил белого вина. Потом в «Кафе де ля Пэ» — пить коньяк. А оттуда — в бордель. Швейцар в «Чатэме» ошибся номером дома, но улицу — кажется, рю де Урс — назвал правильно, и нам показали на довольно гнусного вида забегаловку под вывеской «Ролан», находившуюся поодаль. Вошли и выразили желание развлечься. «Montez, messieurs, des petits enfants»[112]. Поднялись в душную комнатку с несколькими столиками, где нас поджидал официант, как две капли воды похожий на лорда Суинфена, — едва ли это был он. Выпили дорогого — 120 франков бутылка — шампанского, и тут к нам с громкими криками сбежали сверху petits enfants в аляповатых маскарадных костюмах. Внимание Билла привлек неуклюжий, крестьянского вида парень, и они просидели, о чем-то болтая, весь вечер. Остальные же члены «труппы» голосили и танцевали, тыкая себя пальцами в ягодицы и гениталии. Юноша в наряде египтянки подсел ко мне, притворившись, что понимает мой французский. Сделав вид, что пришел в восторг от моих клетчатых брюк, стиснул мне ноги, после чего, нисколько не смутившись, обнял меня за шею и принялся лобызать. Сказал, что ему девятнадцать и что в заведении уже четыре года. Мне он приглянулся, но 300 франков, которые запросил за него хозяин, в высшей степени любезный молодой человек во фраке, я мог бы потратить с большей пользой. Билла, уже сильно поднабравшегося, как видно, тоже не устроила цена за деревенского парня, и он на своем отвратительном французском начал с пеной у рта торговаться. Я предложил, чтобы мой парень у меня на глазах развлекся с громадным негром, тоже находившимся в комнате. Однако, когда мы втроем поднялись этажом выше, и мой молодой человек улегся в предвкушении негритянских авансов на потрепанный диван, — выяснилось, что стоимость и этого аттракциона сильно завышена. Присутствовать при затянувшемся споре Билла с хозяином мне вскоре надоело, я взял такси, вернулся в гостиницу и улегся в постель непорочным. И нисколько об этом не жалею.

Сегодня утром, пока Билл отсыпался после вчерашнего, ходил в Лувр. Ника Самофракийская выше всяких похвал, да и Венера Милосская немногим хуже. Египетские залы еще не исследовал. Что же до живописи, то мне довольно скоро сильно наскучили Лебрен и Лесюэр, и даже Пуссен, которого я насмотрелся до одури. Зато я открыл для себя Филиппа де

Шампеня[113]. Мантенья превосходен. Люблю древо познания в «Sagesse Victorieuse»[114]. Билл вот-вот пробудится. Пора возвращаться.

Норт-Энд-роуд, 145, пятница, 1 января 1926 года

Только и разговоров что о новом годе. Хочется надеяться, что он будет удачнее прошлого. <…>

Барфорд-хаус, среда, 13 января 1926 года

<…> По пути остановились в Оксфорде, и я купил себе жилет и несколько книг, в том числе стихи Т. С. Элиота — они на удивление прекрасны, но малопонятны; есть в них что-то неуловимо пророческое.

Миссис Грэм с веселым шумом отбыла в Лондон, и в доме — если не считать громкого стука молотков, жалобного скрипа передвигаемой мебели и болтовни прислуги — воцарился покой.

Бал оказался еще хуже, чем можно было ожидать, и продолжался до половины пятого утра. Аластер пил шампанское и обратно вел машину по берегу.

Вчера отдыхали. Стихи Т. С. Элиота неправдоподобно хороши.

Понедельник, 15 марта 1926 года

Вчера провалялся в постели все утро и в церковь не пошел. Утром зашел к Клоду, а после обеда неожиданно в своем красном автомобиле прикатили Лиза с Робертом, <…> и я решил, о чем сейчас очень жалею, поехать в Лондон повидать Оливию. Застали ее в спальне, заваленной чулками и газетами. Укладывала в сумку бутылки. Раздалась, стала еще толще, говорит исключительно о себе, причем как-то отстраненно и бессвязно. Некоторое время сидел на ее постели и пытался, чувствуя, как падает сердце, ее разговорить, а потом пошел вместе с Ричардом пить коктейль. <…> Вернулся на поезде в ужасном настроении — уже несколько недель не было такого. На обратном пути подумал, что надо бы написать роман — но ничего подобного я, конечно же, не сделаю.

Хэмпстед, понедельник, 3 мая 1926 года

В субботу, когда мы вышли из кинотеатра, где смотрели самый худший на свете фильм, вечерние газеты пестрели заголовками, подтверждавшими самые мои мрачные предсказания. Работники транспорта и другие большие профсоюзы объявляют забастовку сегодня, с двенадцати ночи. Вчера ходил на митинг в Гайд-парк; пламенные речи встречались одобрительными возгласами. Только и разговоров, что вот-вот начнется стрельба.

Сегодня утром забастовала типография, где печатается «Дейли мейл»; отказываются набирать передовицу «За короля и отечество».

Вторник, 4 мая 1926 года

<…> Сегодня Крофорд телеграфировал, что семестр начнется в положенное время. Ездил на велосипеде посмотреть на бастующие районы; улицы забиты транспортом. «Таймс» сегодня утром вышла — правда, с меньшим, чем обычно, количеством страниц. А вот остальных газет нет — ни утром, ни вечером.

Астон-Клинтон, вторник, 11 мая 1926 года

В четверг вернулся в Астон-Клинтон. Утром — в Лайм-хаус с Алеком; с той же неукоснительной верностью общепринятым обычаям, в соответствии с которыми рубашки следует покупать на Джермин-стрит, а прелюбодействовать — в Париже, он записался в спецотряд констеблей. <…>

В среду из всех больших городов начала поступать информация о возмущениях. Продолжаются и по сей день. Мы с Ричардом отправились в Хаммерсмит посмотреть, что там делается, но приехали поздно, полиция уже разогнала дубинками бастующих и отбила у них шесть автобусов, которые бастующие поломали.

В Астон-Клинтоне осталось пять учеников — самые тупые и неказистые. Крофорд уехал в пятницу утром. День прошел хуже некуда. К вечеру явились капитан Хайд-Апуорд и еще кое-кто из учеников; в субботу, которую я по большей части провел в Лондоне, — еще несколько.

К воскресенью (день выдался пасмурный, промозглый) в школу съехались в общей сложности человек пятнадцать. Призывы записываться в констебли становились день ото дня все настойчивей, и я, сам не знаю зачем, решил под знаменем

гражданского долга развеять скуку (о чем Крофорд наверняка догадается) и отбыл в Лондон.

В понедельник вечером Королевская служба констеблей направила меня в Скотланд-Ярд, где мне надели на рукав повязку, привели в качестве мотоциклиста связи к присяге и отправили в Скотланд-хаус, откуда после долгих проволочек послали, вместе с тремя прыщавыми юнцами, в отделение полиции Ист-Хэма. Ехать туда по мокрым трамвайным путям было невесело, один из нас по пути куда-то подевался. В Ист-Хэме инспектор Джеймс сказал, что мы ему не нужны. Обратно в Скотланд-хаус, где творилась полнейшая неразбериха. Отпущены домой до утра.

Сегодня утром из вчерашних трех юнцов прибыл только один. Прождали целый час в коридоре, где мимо нас бегали какие-то перепуганные люди в штатском, время от времени выкрикивая чьи-то имена, на которые никто не отзывался. «Сейчас свободны. Явиться через полтора часа». Пинта пива. «Свободны. Явиться через два с половиной часа». Полпинты пива. <…> Час в коридоре. Отпущены до утра. Алек сдал дежурство; купил шампанского и билеты в театр.

Наутро я счел, что стоило бы найти более эффективный способ послужить отечеству, и отправился в Кемден-Таун, в казармы Гражданского резерва полицейской службы. Состоял «гражданский резерв» частично из таких же прыщавых юнцов, каких я повстречал в Скотланд-Ярде, а частично из тех, кого принято называть «отбросами общества» — невзрачных людишек средних лет. Жалкие, одетые в обноски, они вечно всем недовольны, ворчат, отказываются рано вставать, переговариваются в строю, отчаянно воюют за каждый кусок, а вечером напиваются в столовой наверху. Офицеры-резервисты — клерки из адвокатских контор в военной форме. Все утро мы заправляли постели, начищали защитные шлемы, собирали перевязочный материал — учились воевать, иными словами. К обеду стачечный комитет без всяких требований и условий забастовку прекратил. Нас продержали в казарме «в полной боевой готовности» часов до десяти, после чего я вернулся домой и завалился спать, а на следующий день получил увольнение из отряда добровольного содействия полиции и вернулся в Астон-Клинтон, где директора по-прежнему замещает Апуорд, о Крофорде же ни слуху ни духу.

Суббота, 24 июля 1926 года

<…> В воскресенье устал. Ездили с Аластером ужинать в Виндзор. Предложил, чтобы я что-нибудь написал, а он напечатает. И вот всю неделю пишу эссе про Прерафаэлитское братство. Пометки делал еще в прошлом году, когда растянул связку на ноге и сидел дома. Вроде бы получается. Допишу дней через пять, когда буду проверять экзаменационные работы. Во вторник водил миссис Во на спектакль с участием Тони. <…>

Вчера вечером поставил точку. Ник Келли любезно согласился перепечатать эссе на машинке.

Семестр бесславно завершился 28 июля. Вернулся в Лондон на мотоцикле. <…> Напросился поехать в Шотландию с Аластером и миссис Грэм. Боюсь, она не в восторге. А вот я наверняка получу удовольствие. Сегодня днем, в субботу, уезжаю в Барфорд. <…>

Отцу мое эссе очень нравится. <…>

Хэйем, озеро Бассентуэйт, Кокермаут, Камберленд, среда, 4 августа 1926 года

Приехали сюда вчера вечером после путешествия, в целом вполне удавшегося. Поначалу миссис Г. неистовствовала; на каждом перекрестке ее охватывал панический страх, что Аластер свернул не туда. Но в целом, повторяю, путешествие прошло гладко. В середине дня пообедали хлебом и цыпленком, остановившись на обочине, и в Карлайл прибыли часов в пять. Дом сэра Ричарда Грэма мал и уродлив; повсюду висят огромные портреты маслом, имеется чучело барсука. Уборная царская. Вскоре после приезда Фишеры прислали за мной большой красный автомобиль и привезли сюда. Готическое здание с зубчатыми башенками и совершенно неотразимым видом на озеро и гору Скиддо. За ужином недостатка в спиртном не было; не было и всяких глупостей вроде «дамы встают из-за стола». Познакомился с некоторым числом странного вида женщин, почти всех зовут тетушка Эффи. После ужина они исчезли бесследно. Мы же перешли в библиотеку, курили сигары и пили виски. Младший брат похож на Алана, у него свинка, но вид — здоровей некуда.

Назавтра, после обильнейшего завтрака, отправились в семь утра охотиться на выдру. Мистер Фишер был в бриджах и в костюме из фланели с медными пуговицами и розовым воротником. Он, я и все остальные мужчины вооружились длинными, заостренными на конце палками, женщины — фотоаппаратами. На мосту встретились с несколькими

косматыми собаками, и охота началась. Дело было поставлено ничуть не лучше, чем у бедного мистера Глида в Астон-Клинтоне. Первостепенную роль играли два человека — очень толстый старик, одетый в точности так же, как мистер Фишер, плюс розовый жилет, и молодой человек по имени Джек с трубой и хлыстом. Джек не желал делать то, что ему говорил старик, а собаки не желали делать то, что им говорил Джек. Некоторое время мы шли вдоль реки (называется Дервент), как вдруг собаки хрипло заревели, как морские львы, и все мужчины бросились в реку, за исключением Мастера, который, пританцовывая на берегу, кричал: «Запускайте собак!» Джек попытался выкопать яму, но, пока он копал, собаки, сгрудившись вокруг, забрасывали лапами яму быстрей, чем он ее выкапывал. Потом наступила долгая пауза, и мы опять двинулись по берегу реки. Затем раздался еще один резкий звук, и Джек зашел в воду так глубоко, что виден был только конец его трубы. К величайшему восторгу дам с фотоаппаратами, выдра была поймана, после чего дамы «засняли» самые варварские детали и, вслед за собаками, были вознаграждены кусками мяса окровавленной выдры. Потом мы двинулись дальше, пока Мастер не устал, а Джек не свалился в реку, повредив колено. Тогда мы сели в «форд» и, промокшие до нитки, пустились в обратный путь, подобрав по дороге глухого терьера.

После обеда поехали кататься на автомобиле; я, мистер Фишер, одна из тетушек Эффи, брат — тот, у которого свинка, и шофер по имени Томас. Повидали много озер, место, где творил Вордсворт, и очень валлийское озеро с пирсами, дамбами, променадами и тележками мороженщиков с надписью «Уиндермир». По возвращении играли в теннис; и Алан, и его отец играют хуже, чем я. Ужин, сигары, сон. <…>

<…> Утром, после завтрака, с час говорили про Грецию, а потом вместе с Аластером поехали на машине миссис Г. в Эдинбург. Совершенно обворожительный город. Раскинулся на противоположных сторонах долины, а посредине, внизу, проходит железная дорога. На одной стороне находится замок и древние развалины, на другой — протянулся ряд нарядных магазинов, образующих Принсес-стрит, у которой есть что-то общее с Бонд-стрит и одновременно с оксфордской Хай-стрит. Я пообедал, купил Эдмунду обломок эдинбургской скалы, а себе — длинный, кривой пастушеский посох, а также новую ленту на шляпу, к которой внезапно испытал отвращение, а заодно пропустил несколько стаканчиков в различных питейных заведениях города. Аластер купил мне отличную шишковатую трость из утесника с набалдашником, напоминающим череп. Мы покатались по

городу, побывали в Национальной галерее, где половина всех картин — Ребёрна[115], а директор носит пелерину и треуголку. Встретили крошечную девушку, которая заговорила с нами на эсперанто.

Поужинали, до десяти вечера проговорили о Греции и об угольщике мистере Куке, до половины одиннадцатого читали газеты, после чего разобрали свечи и разошлись по комнатам. <…>

Мы переправились на пароме неподалеку от Форт-бридж и поехали в Макхоллз, где живет старая няня Аластера. По пути заехали в дом под названием «Тэннадайс» повидать леди Н. У нее густая борода, лысая собака, пьяный муж и педераст сын. С виду Макхоллз типичный валлийский город. Остановились в бывшем замке, а теперь пансионе, где не нашлось ни капли спиртного. Пансион забит гнусными маленькими мальчиками и девочками. Кормят преотвратно. В деревне только один паб, да и в том бармен — хам.

В воскресенье пообедали в машине сыром и шоколадом, покатали няню Аластера и выпили с ней чаю в ее коттедже.

<…> Во вторник под присмотром миссис Г. мыли машину. Занятие не из приятных: пришлось пользоваться кистями, губками и шлангом и, в довершение всего, выслушивать отборные ругательства, слетавшие с языка миссис Г. Обедали у Форбсов. Было очень вкусно, но уж очень хлопотно: все по цепочке передавали друг другу тарелки. Сэр Чарльз [дядя Аластера. — А. Л.] — довольно бессмысленный человечек крохотного роста; он еле жив; такие, как он, обычно в последнюю минуту лишаются наследства. Он все время что-то изобретает: то треугольные громкоговорители, то приспособление для зажигания спичек. Леди Форбс туповата, а ее сестра глуха как пень. А вот дочери Форбсов у себя дома выглядят симпатичнее, чем в Лондоне. После обеда таскали огромные камни, а потом нас повели осматривать замок, сад, за два года превратившийся в джунгли, и мрачного вида дом. Поднялись на башню, шли длинными, гулкими коридорами и вышли на воздух, продрогнув до костей. <…>

Ле Мортье, Сен-Симфорьен, Тур, среда, 25 августа 1926 года

Забыл, что за чем следовало в последние две недели. На следующий день после моей последней записи [четверг, 12 августа. — А. Л.] мы присутствовали на празднике в Лонахе. Нас, как могли, пытались уверить, что до отъезда Форбсов из Нью

праздник отмечался иначе. Начался он с марша шотландских горцев. Раньше, насколько я понимаю, лаэрд[116] шел на Страту и, останавливаясь выпить в каждом доме, собирал своих людей, после чего вел их обедать обратно в Нью. В этом году участвовать в марше у сэра Чарльза не было сил, и он довольствовался тем, что сидел дома, тыкал пальцем в огромный дымчатый топаз и приговаривал: «Мистер Фолкнер Уоллес с удовольствием бы в нем сегодня покрасовался». Человек десять шотландских горцев, среди которых не было ни одного моложе пятидесяти, а многим перевалило за восемьдесят, прошли пешком от здания ратуши в Лонахе до паддока в Беллабеге. Они уныло тащились по дороге, волоча за собой копья. Все молодые люди, которые еще не эмигрировали в Америку и не подались в города, предпочитают вместо килтов носить дешевые, плохо сидящие костюмы из сержа. Продолжался праздник очень долго. Играли на свирели, пускались в пляс; танцевали в основном отвратительного вида дети, обвешанные медалями. В спортивных соревнованиях участвовали профессионалы из Абердина. Я видел, как они метали бревно[117], но не видел, чтобы кто-то его подхватывал. Сын Уоллесов, Аластер и я решили принять участие в беге с препятствиями, но перед самым забегом раздумали. <…>

В понедельник выехали рано. Все время шел дождь. В дороге Аластер и миссис Г. ссорились больше обычного, и мне хотелось только одного: выпрыгнуть из машины и вернуться домой на поезде. Доехали до гостиницы в местечке Киллин, где уже останавливались. Дождь шел по-прежнему. Пошли под дождем на какие-то твидовые фабрики; закрыты. Ужин. Сон. Беспросветный день. <…>

Оттуда [из Глазго. — А. Л.] поехали в Йорк и по дороге пообедали с сэром Ричардом Грэмом и Вайти, герцогиней Монтрозской. Йорк чудесен. Кафедральный собор видел дважды — в сумерках и при дневном свете. При свете дня он что-то теряет. Остановились в огромном «Станционном» или, как его еще называют, «Железнодорожном» отеле. Миссис Г. все время пребывает в лютой ярости и, по-моему, крепко выпивает. Столько шлюх, как в Йорке, не видел нигде. Ходил в собор к причастию. Всю дорогу от Йорка до Барфорда миссис Г. неистовствовала и была непристойно груба не только с Аластером, который ее провоцировал, но и со мной, хотя я не сказал ей худого слова. В Барфорде она продолжала на меня нападать: я, видите ли, грубил ей весь месяц, — и я решил, что ноги моей у нее в доме больше не будет. <…>

В воскресенье поехали в Париж. Море было спокойным. Пару часов провели в Булони — Аластер этот город любит, и до

Парижа добрались часов в девять. Нашли отель под названием «Суэц» на левом берегу, в нескольких милях от реки, оставили вещи, много чего выпили, а потом отправились в гнусное кабаре на Монмартре, где женщины делали мне неприличные предложения. Поужинали, выпили скверного шампанского и пошли в «Жокей», паб получше, где танцевал какой-то черномазый, после чего легли спать в душном и шумном номере. Спал мало.

<…> С Аластером почти не виделся, и слава Богу. В Париже и французах он, как это ни удивительно, мало что смыслит. Последнее время вижусь с ним, пожалуй, слишком часто. <…>

Понедельник, 30 августа, 1926 года

По-прежнему жарко, но терпимо. Ведем ленивую, приятную жизнь: встаем поздно, сытно обедаем, бывает, отправляемся в château[118] или ходим в Туре по магазинам, пьем чай у Масси и идем в кино в «Café de Commerce», вечером крепко выпиваем, а потом крепко спим. Перечитываю «Принципы литературной критики» Ричардса[119]. Мой французский лучше не становится. В субботу ездили обедать в Шенонсо; pâté de maison[120] превосходен. Ходить по chateaux особого удовольствия не доставляет. Еще ездили в Шомон, в Амбуаз же прибыли поздно и в chateau не попали. Зато выпили вина в ресторане, куда направил нас какой-то назойливый мальчишка. Готовят отлично, поэтому ужинать в ресторанах особого желания нет. <…>

Норт-Энд-роуд, 145, понедельник, 13 сентября 1926 года

Провели две ночи в Шартре, в гостинице «Grand Monarque»[121]. Перед собором проходил какой-то праздник: толпы людей вокруг, продаются пряничные поросята, дети мочатся на колонны, женщины либо спят, либо сплетничают, либо едят. И бессчетное число маленьких процессий с покровами, свечами и непрерывными денежными поборами. В самом же городе ярмарка; Джулия купила розового цвета целлулоидные рамки для картин, а я выиграл живого голубя, из-за которого пришлось перелезать через ограду в сад собора.

Из Шартра по очень плохим дорогам поехали в Руан. Мы с Элизабет прокололи колесо, а Ричард переломал все рессоры. Остановились в грандотеле «Poste» с многотысячной прислугой. Остаток дня проспал. <…> Сегодня от Аластера пришла

хорошая новость — он взялся за мою книгу [«Прерафаэлитское братство». — А. Л.].

Среда, 22 сентября 1926 года

Провел несколько тихих дней — но немного. <…>

В понедельник приехал Аластер. Вторую половину дня проходили по магазинам — большую часть времени выбирали галстуки в «Салка». На Кинг-стрит ели устрицы. Вечером пошли в «Альгамбру», а оттуда — на вечеринку к лесбиянкам; познакомился с ними на днях. Вечеринка что надо. Сэр Фрэнсис Лейкинг — сначала в женском платье, а потом в чем мать родила — пытался танцевать чарльстон. Какой-то русский играл на пиле, как на скрипке. Явился Лулу Уотерс-Уэлч — живет в грехе с Эффингемом. <…> Мы с Аластером сильно напились. Помнится, я нагрубил Бобби. Двое мужчин подрались. Женщина-полицейский всех перепугала, Джоан полезла на нее с кулаками.

На следующий день Аластер и я обедали в пабе «Стоунз» с Тони Бушеллом, а потом смотрели новый фильм Гаролда Ллойда «Ради Бога». Отзывы о фильме неважные, а вот мне он понравился, даже очень. Вечером пил коньяк в клубе «Кит-Кэт».

Последние дни, если перечитать эти сумбурные записи, получились лихие — но на этом лихая жизнь, которую я вел, закончена. Подвожу под ней черту — во всяком случае, принял такое решение. Мать подарила мне 150 фунтов, чтобы я расплатился с долгами, и в следующем семестре еще раз попробую вести жизнь правильную, трезвую, целомудренную. И на этот раз — на куда более прочной основе.

Астон-Клинтон, суббота, 2 октября 1926 года

Во вторник собрал все свои дневники за год и отдал в «Молтби» — переплести. Со вторника мало что произошло. Расплатился в Оксфорде с долгами; ходил из магазина в магазин в широких брюках, с записной книжкой, куда были вложены пятифунтовые банкноты. В большинстве своем лавочники и рестораторы радо вались, что я им больше не должен. За исключением Холла; к Аластеру и ко мне он, мне кажется, питает теплые чувства. Расплатился и с портным в Эйлсбери; послал чеки Крису и Ричарду.

Аластер прислал мне гранки «ПБ»[122]. Набрал, по-моему, очень хорошо — лучше, чем рукопись того заслуживает. За время,

которое прошло между сочинением эссе и чтением корректуры, я потерял к нему всякий интерес. <…>

Суббота, 30 октября 1926 года

В четверг мне минуло двадцать три года. Отец подарил, помимо очень дорогого белья, 1 фунт на праздничный ужин. Эдмунд и Чарльз подарили перочинный нож с разноцветной ручкой, тетя — кисет, повар в «Колоколе» — торт, а Джон Сатро прислал телеграмму. Весь день шел дождь. Обедал и ужинал в «Колоколе», очень много выпил, курил сигары, пил в конюшне чай с Эдмундом и Чарльзом. Ник Келли подарил мне книжки Хюффера[123] и Конрада.

Несколько дней назад послал издателям книжной серии «Сегодня и завтра» письмо с предложением написать книгу «Ной, или Будущее алкогольного опьянения». К моему удивлению и радости, идея была воспринята с энтузиазмом.

Автор очень глупой рецензии в «Манчестер гардиан» расхвалил мой рассказ из сборника «Георгианские рассказы»[124] — правда, доводы приводит предельно нелепые.

Бейн — молодец: переплел «ПБ» в кратчайшие сроки.

С углем перебои; сыро и холодно. Кормят здесь о каждым днем все хуже. Работы невпроворот, а я постыдно бездельничаю. Теперь, когда Глид покидает школу, отзывается он о ней язвительно, да еще во весь голос. Ученики издеваются над ним все больше. А он вдобавок играет в футбол все хуже.

Каким скучным стал этот дневник. Наверно, вести его надо каждый день, что-то записывать каждый вечер. Попробую.

День Гая Фокса[125] 1926 года

Получил от «Габбитас и Тринг» сообщение: некая дама из Голдерс-Грин ищет своему сыну частного преподавателя; занятия на каникулах. Это означает, что про поездку в Афины придется забыть. Тем не менее урок, если получится, возьму. Четырьмя гинеями в неделю не бросаются.

Воскресенье, 7 ноября 1926 года

От мысли, что на предстоящих каникулах я буду работать, вместо того чтобы сорить деньгами, я становлюсь ханжой, что

дает мне право тратить деньги с чистой совестью. Вчера и позавчера ужинал в ресторанах и пил ром. Вчера вечером — с Чарльзом Пулом, он приехал из Кембриджа всего на один день. Напился и с энтузиазмом рассуждал о прелюбодеянии.

Уже написал 2000 слов «Ноя»; кое-что совсем недурно.

Среда, 10 ноября 1926 года

<…> Вчера кончил первую главу «Ноя».

Из-за дурного питания и собственной нечистоплотности у многих детей появились на коже гнойники. Все спортивные соревнования отменены.

Сегодня утром сестра-хозяйка в приступе гнева покинула школу с обитым жестью чемоданом на голове.

Вчера утром ужинал с Глидом и по дороге домой свернул на берег канала. Домой вернулся за полночь.

Дождь льет с утра до вечера.

Еще две рецензии на «Георгианские рассказы»; обо мне ни слова. Бейн и не думает слать «ПБ». Дама из Голдерс-Грин не ответила на письмо, где я пишу, что готов заниматься на каникулах с ее сыном.

В четверг ездил в Лондон. Дама из Голдерс-Грин не нанимает меня учителем к сыну. Отец пребывает в еще более приподнятом настроении, чем обычно. Из Вендовера вернулся на велосипеде.

Пятница, суббота и воскресенье прошли хуже некуда, и у меня нет ни малейших сомнений: и сегодняшний день будет ничуть не лучше. Ученики по-прежнему гниют заживо и ведут себя соответственно.

Пришло письмо от Элизабет: собирается ко мне на выходные. «Ной» спорится. Получается манерно и «литературно».

У Глида сдали нервы, в субботу он высек ученика и высек на славу. К Чарльзу и Эдмунду подселили ученика по фамилии Блэкберн, и больше я к ним не хожу. Стал замечать, что покрикиваю на детей, не проверяю их работы, то и дело теряю журнал с записями. Читаю Эдгара Уоллеса и совершенно не в состоянии вникнуть в эссе Герберта Рида[126]. А до конца семестра еще почти пять недель.

Среда, 17 ноября 1926 года

Пришли экземпляры «ПБ» — одна ошибка осталась неисправленной. Заметил ее, но включить в список опечаток

забыл. Весь день был груб с учениками — стыдно.

Вторник, 23 ноября 1926 года

Устал. Все надоело.

Среда, 24 ноября 1926 года

Вместе с учениками колол дрова.

Четверг, 25 ноября 1926 года

<…> Сломалась ручка от двери в учительскую, и приходится выбирать: либо сидеть на сквозняке, либо вскакивать на каждый стук.

Рождество 1926 года, суббота, «Патрис II», Средиземное море

Прежде чем уехать из Лондона, закончил «Ноя» — впрочем, наскоро — и послал рукопись Кигану Полу. Криз приехал в четверг вечером. Рад был увидеть его перед отъездом.

Вчера после завтрака пустился в путь с минимумом вещей. На пути в Кале качка был сильная, но я, против ожидания, перенес ее неплохо. Мой печальный опыт морской болезни вызван, по всей видимости, алкоголем. Путешествие из Кале в Марсель удовольствия не доставило. Вагон был переполнен. Рядом сидела женщина с маленькой девочкой и всю ночь, каждые двадцать минут, кормила ее шоколадом, пирожными, фруктами и поила водой со слабительным. Ужасно хотелось пить; спал мало.

В Марселе ни одного честного человека. Все, кому придется, пытались меня облапошить и справлялись со своей задачей выше всяких похвал. Превосходно пообедал в ресторане «Бассо».

Пароход оказался куда красивее и чище, чем можно было ожидать. Пассажиры интересуют меня мало. Сижу за столом с юным греком, очень смуглым, и с американцем средних лет, чудовищно провинциальным. Своего соседа по каюте еще не видел. Качка становится все сильнее, капитан же мертвецки пьян и кричит не своим голосом. Больше всего боюсь, что, если лягу, начнет тошнить.

Воскресенье, 26 декабря 1926 года

Путешествие, как я и ожидал, оставляет желать лучшего. Морской болезнью пока не заболел, но качает здорово, в каюте нечем дышать, вентиляция никуда не годится. <…>

Сижу либо на корме в водяной пыли, либо прячусь от жары внизу, дремлю, читаю «Многообразие религиозного опыта» [127] и набрасываю рисунки к «Анналам конституционной монархии», книге, которую собираюсь написать.

Только что поужинал с двумя американцами; юный же грек отправился спать. Один из американцев — пошляк, хвастун и богохульник, зато Грецию знает хорошо, поездил по Европе и ко всему прочему запойный пьяница. Второй (я сидел с ним в первый вечер) до смешного невежествен и ограничен. Думал, что подобные экспонаты водятся только в Уэльсе.

Грек, который живет со мной в одной каюте, очень мил. Целый день лежит в постели. Как, впрочем, и большинство пассажиров. Поговаривают, что раньше среды не приедем.

Понедельник, 27 декабря 1926 года

Великолепное солнце и спокойное море. Сегодня утром из своих кают вышли и поднялись на палубу диковинного вида надушенные дамы. А с ними — щеголеватые маленькие мужчины. А еще — целая армия дикарей: пугливо семенят по палубе и жуют сухой хлеб.

Афины, суббота, 1 января 1927 года

В среду сошли с парохода только в восемь. Прежде чем разрешили пристать, ждать пришлось почти два часа; все это время полиция изучала наши паспорта. Аластер и слуга Николас приплыли за мной на маленькой лодчонке. В отеле «Grande Bretagne»[128], точно таком же, как «Крийон», выпили по коктейлю. В целом Афины гораздо современнее и красивее, чем я ожидал: трамваи, коктейль-бары, многоэтажные дома. Квартира, в которой Аластер живет вместе с Леонардом Боуэром[129], — со всеми удобствами: ванные, уборные, электричество. Мебели, за исключением нескольких objets d’art[130], нет; сильно пахнет штукатуркой. Есть приходится в разных ресторанах; обычно обедаем в «Кости» и ужинаем в «Тасэрве». В первый же вечер сильно перебрал в кабаре, который содержит одноногий

мальтиец. <…>

В Греции на все уходит в два раза больше времени. В деревнях время и вовсе стоит на месте. В Афинах каждое блюдо приходится ждать не меньше четверти часа, и все разговоры длятся бесконечно. Никто не ужинает раньше девяти, спать же ложатся, по-видимому, под утро. Для суетящегося европейца эта система несовершенна. Ко всему прочему у них, как правило, каждый день праздник.

Есть здесь и еще один англичанин по имени Р. Я познакомился с ним в 1917 году, когда жил на Грейт-Ормонд-стрит. Хочет соблазнить Аластера и говорит — как, впрочем, и все в Афинах — исключительно о мужской проституции. В его квартире толкутся сомнительные типы со смуглой кожей и героическими именами вроде Мильтиада и Агамемнона; у них сизые подбородки и грязные рубашки. За 25 драхм за ночь они спят со всей здешней английской колонией.

Есть здесь английский клуб с очень удобными стульями. Ходим из кафе в кафе: все напитки пахнут либо камфарой, либо лекарством, а всё вокруг — отбросами.

Побывал в Дафни в очень красивой церкви с мозаикой. А также в заброшенном монастыре. Поехали было в Парфенон, но он оказался закрыт. <…>

Сегодня днем поездили по окрестным деревням. Ехали в автомобиле с британским флагом и могли поэтому безбоязненно давить сколько угодно людей, а также не включать фары.

Только что расстался с Аластером и Р. Они сидят в кафе, очень напоминающем приходскую церковь. Афинские кафе либо похожи на церковь, либо на мастерскую, где обжигают гончарную посуду.

Утром ходили в Национальный музей, после обеда гуляли. Куда бы ни шли, перед нами, как из-под земли, вырастали греческие солдаты. Зашли в симпатичное кафе в полуподвале — называется «Сосны», там танцуют пирриху[131]. Надоело ходить по ресторанам. Боюсь, я такой же домосед, как и мой отец. По правде сказать, не очень-то люблю ездить по заграницам. На этих каникулах хочу посмотреть как можно больше, с февраля же, на всю оставшуюся жизнь, затворюсь на Британских островах. Похоже, Греция мне понравится. Из того, что видел в Вари, могу сказать, что здешние крестьяне прелестны, они сущие дети. <…>

Итэа-Олимпия, четверг, 6 января 1927 года

Ночь прошла лучше, чем я ожидал. Когда мы в 6.30 прибыли в Итэа, выяснилось, что на следующий день парохода на Патрас не будет — так, по крайней мере, мне сказали. А потому, не повидав Дельфы, пришлось плыть прямо на Патрас. Закат над Икеей красив необычайно. Когда плывешь в эту сторону, на пароходе менее людно; вчера же вечером шум стоял ужасный.

Ссадили меня в городке Аийон: останься я на пароходе, пока он будет заходить во все маленькие порты, — и в Патрасе я бы опоздал на поезд. Познакомился с немцем и его женой, а также с какой-то русской — вместе пообедали. По-французски они говорили еще хуже меня, и поддерживать разговор было непросто, но их обществу я был рад.

В 1.30 подали мой поезд на Пиргос. Путешествие оказалось невыносимо долгим, но обошлось без происшествий. Какой-то грек дал мне свою карточку, сказав, что обязательно мне напишет — очень любит англичан. Мальчишка в ярости порвал банкноту в пять драхм — счел эту сумму недостаточной. В Пиргосе, примерно в половине восьмого, пересел в другой вагон, освещенный крошечной масляной лампой и смахивающий на каюту очень маленького парусника. Сидевший напротив молодой человек в бабочке на безупречном французском порекомендовал мне остановиться в гостинице «Hôtel de Chemin de Fer»[132]. Со временем, далеко не сразу, я сообразил, что он — гостиничный официант или же сын хозяев этого заведения. Позднее выяснилось, что в тот день он ездил в Пиргос на рынок, а живая птица, которую он держал под мышкой, предназначалась мне на ужин.

В Олимпию мы прибыли примерно в половине девятого и минут десять, ведомые молоденькой крестьянкой с фонарем, карабкались по скалам. По пути у меня закралось подозрение, что хваленая гостиница окажется на поверку второразрядным трактиром с клопами, сквозняками и козами в номерах. Я не угадал: мы прибыли в огромное здание на горе, с высокими дверями и разбегавшимися во все стороны, очень плохо освещенными, затянутыми коврами коридорами. Меня встретил и отвел в номер такой же громадный, как и гостиница, весьма обходительный старик. Постояльцем я был единственным, но не прошло и нескольких минут, как мне предложили превосходный ужин — среди прочих блюд имелась и птица, с которой я ехал в поезде. Засим в постель.

Олимпия, пятница, 7 января 1927 года

Проснувшись, обнаружил, что ощущение величия исчезло, а вот удовольствие осталось. Отель большой, но совсем ветхий. Мне подали французский кофе и хлеб с горчинкой, и я отправился в музей. Превратился в руины и он. Этот музей, а также настоящие руины, протянувшиеся на километры по склону горы, курирует всего один человек. Работа у него, казалось бы, не сложная, однако мое появление его, судя по всему, не обрадовало. В музее много очень интересных скульптур, и я их разглядывал до самого обеда. Обед и на этот раз был превосходен. После обеда ходил смотреть Гермеса Праксителя (или, как называет его Р., — Праксилита) — его держат в специальном сарае на бетонной подставке, за серой плюшевой занавеской, и надзирает за ним деревенский дурачок. Праксител великолепен, и я нисколько не жалею, что приехал сюда специально ради него. Потом погулял среди коз и оливковых деревьев, дважды неудачно наведался на почту в надежде получить от Аластера телеграмму относительно его дальнейших планов и вернулся в отель.

Сегодня вечером ожидается приезд некоей американки. Молодой человек в бабочке весь день провел на рынке в Пиргосе. Не исключено, что Аластер приедет сегодня — хотя вряд ли.

Завтра опять пускаюсь в путь. Успеть бы на пароход — отходит в Бриндизи в пять утра в воскресенье.

Олимпия-Бриндизи, суббота, 8 января 1927 года

Аластер не приехал. Американка оказалась одинокой старой де вой, совершающей трехнедельное путешествие по Греции. <…>

Дорога в Патрас, если б не веселые, несуразные «americanos», была бы очень тягостной. На каждой станции все пассажиры выходят из вагонов и пускаются в разговоры, потом звонит колокол, кондуктор трубит в трубу, паровоз свистит, и тут все принимаются что-то наперебой кричать, снова прощаться, а поезд тем временем отползает от перрона с черепашьей скоростью. В Патрасе на ужин у меня был плохой, зато дешевый табльдот. Услужливый портье в отеле с кем-то договорился, что мой чемодан отнесут на пристань и предупредят о приходе парохода. Меня одолел безумный переводчик, изъяснявшийся на каком-то никому неведомом языке. Чтобы от него отделаться, пришлось его напоить. Уходя, пообещал на чудовищной смеси французского и английского, что пароход «приедет за мной в кинотеатр». Этого не случилось, но все прошло гладко: я уже отсмотрел три

четверти превосходного немецкого фильма «Пожар», когда за мной пришли и отвели на пароход. Преодолев паспортные препоны, поднялся на палубу и отыскал пустую каюту во втором классе. Пароход невелик и, конечно же, грязен, но в любом случае лучше, чем тот, на котором я плыл в Итэа.

Бриндизи-Рим, понедельник 10 января 1927 года

В поезде; до Рима час. В Бриндизи приплыли сегодня в четыре утра и после тщательного военного и медицинского осмотра были в конце концов выпущены на берег. Поезд отходил в девять. Нашел славного переводчика из Измира; отвел меня позавтракать, поменял мне деньги и до отхода поезда водил по Бриндизи.

<…> В Италии мы, судя по всему, останавливались на каждой станции; на всех без исключения — одинаковые портреты дуче; впечатление такое, будто рекламируется художественная школа «Хэсселз-пресс».

У всех простых итальянок голоса, как у попугаев.

Рим, вторник, 11 января 1927 года

Вчера вечером прямо с вокзала поехал в «Hôtel de Russie»[133], однако ни Аластера, ни Леонарда там не обнаружил. Тем не менее снял относительно дешевый номер, принял ванну и, очень собой довольный, отправился спать.

Сегодня встал часов в десять, отбил отцу телеграмму с просьбой прислать 5 фунтов и поехал в собор Святого Петра. По пути на каждом углу попадалось что-нибудь красивое. Точно крестьянин, глазел, разинув рот, на громаду Святого Петра; фрески, однако, не идут ни в какое сравнение с теми, что я видел в Дафни. Забрался под самый купол. За 11 лир пообедал в маленьком ресторанчике напротив собора. Взял такси и поехал на Форум, где расхаживал среди руин, позорно сверяясь на каждом шагу с туристическим справочником. <…>

Пятница, 14 января 1927 года

И опять в поезде — из Рима в Париж. Во вторник ужинал в «Russie»; не самый лучший ужин, если учесть, во что он мне обошелся. Потом пустился было на поиски римской ночной

жизни, но оказалось, что она отсутствует — запретил дуче. Пошел в нечто похожее на мюзик-холл, где дамы в сморщенных трико танцевали непристойные танцы, а мертвенно-бледный господин во фраке жонглировал какими-то сверкающими предметами.

В среду ходил на экскурсию, и должен сказать, что смотреть город с экскурсоводом не так уж плохо. Состояла наша группа почти полностью из женщин (гувернанток, скорее всего); они задавали идиотские вопросы и, когда им что-то нравилось, издавали свистящие звуки. Экскурсовод попался знающий. Утром ходили в Ватикан. Сикстинская капелла меня разочаровала. Потолок великолепен, но День Страшного суда утратил весь свой насыщенный цвет и перекрашен в блекло-голубой. Да и композиция оказалась не столь безупречной, как я ожидал. Огромные скопления фигур сильного впечатления не производят. После обеда — в Колизей, в катакомбы Святого Каликста и в церковь Святого Себастьяна за городской стеной. В тот же вечер переехал в мансарду в устрашающем пансионе «Nuova Roma»[134]. Впрочем, стоила комната всего 11 лир, так что жаловаться не приходится. Я бы уехал в тот же вечер, но не смог обналичить отцовский денежный перевод. Утром — на заутреню к Святому Петру, потом в Санта-Мария Маджоре и Санта-Джованни-в-Латерано. Денег было так мало, что ничего не клеилось. <… >

Воскресенье, 20 февраля 1927 года

В четверг на очень быстром и удобном поезде ездил в Лондон и шлялся по магазинам. В следующий четверг собираюсь поговорить с отцом Андерхиллом о том, чтобы стать священником. Вчера вечером напился. Забавно смотрятся рядом два последних предложения. <…>

Минут через пять, после того как я записал эти слова, когда мы с Аттуэллом сидели у камина и, смеясь, вспоминали, как напились накануне, внезапно в комнату ворвался Крофорд и в одно мгновение уволил нас обоих, оговорив, что Аттуэлл проработает до конца семестра. По всей вероятности, донесла сестра-хозяйка[135]. День получился напряженный. Апуорд был со мной суров, но предупредителен, ученики же меня сторонились: боялись, как бы не увидели, что они со мной разговаривают. <… > Я поспешно сложил вещи, книги оставил — пришлют по почте, и тихонько, точно горничная, которую уличили в краже перчаток, улизнул. С вокзала позвонил родителям предупредить о своем неожиданном приезде. Ужин в окружении удрученных членов семьи.

Хэмпстед, понедельник, 21 февраля 1927 года

Сегодня, 21 числа, весь день провел в поисках работы; устал, обескуражен. Пустые хлопоты. Написал Эдмунду и Чарльзу прощальные письма. Пришло, мне кажется, время попробовать стать литератором.

Понедельник, 28 февраля 1927 года

<…> Сегодня утром, в понедельник, в «Ассоциации будущей карьеры» мне сообщили, что директору школы в Ноттинг-Хилл на несколько недель требуется младший преподаватель. Я туда отправился и был принят на работу за 5 фунтов в неделю. Дышать стало легче, но работа, боюсь, никуда не годится.

Понедельник, 7 марта 1927 года

Школа в Ноттинг-Хилл совершенно ужасна. Все учителя говорят на кокни, сплевывают в камин и чешут у себя в промежности. У учеников коротко стриженные головы и подвязанные бечевкой очки в железной оправе. Ковыряют в носу и истошно кричат друг на друга — тоже на кокни. Первые три дня делать было решительно нечего — разве что «надзирать» за одним из учеников, который писал экзаменационную работу. В дальнейшем меня использовали в качестве репетитора.

В среду ходил с Энн на пьесу «Дракула», был у Гаролда Эктона[136]. В пятницу ходил на собеседование в «Дейли экспресс». Готовы взять в конце семестра на трехнедельный испытательный срок за 4 фунта в неделю. Не знаю, подойдет ли мне, но попробовать стоит. <…>

Четверг, 7 апреля 1927 года

Работа в Холланд-парке[137] завершена, однако зарабатывать на жизнь, судя по всему, труда не составит. Колеблюсь: то ли идти в «Дейли экспресс», то ли сесть за биографию[138]: Дакуорт[139] проявляет к ней некоторый интерес. Ходил по гостям, потратил кучу денег. Познакомился с очень милой девушкой Ивлин Гарднер[140]…

Понедельник, 9 мая 1927 года

Пошла пятая неделя моей работы в «Дейли экспресс».

Дакуорт заказал мне биографию Россетти и немедленно выдал 20 фунтов, которые я спустил за неделю. С тех пор я не заработал ни пенса, если не считать тех 5 фунтов, которые мне платят на Шу-лейн. Работа в газете веселей некуда, хотя от меня требуется всего-навсего сидеть в редакции; шумно, а теперь еще и очень жарко.

Работает в газете очаровательная девушка Иньес Холден. Хожу по гостям. Вступил в клуб «Горгулья».

На выходные ездил в Плимут, на один день — в Париж. Когда светит солнце, кругом все так славно.

Понедельник, 23 мая 1927 года

Уволен из «Экспресс» и жду не дождусь каникул. <…>

Пятница, 1 июля 1927 года

После месячных каникул сел за книгу о Россетти. <…>

Хэмстед, пятница, 22 июля 1927 года

Написал около 12 000 слов книги о Россетти — без особого труда. Получается вроде бы довольно забавно. К сожалению, в следующем году о нем выйдут еще несколько книг[141]. <…>

Барфорд-хаус, Уорвик, пятница, 26 августа 1927 года

В Барфорд приехал к обеду. Помимо Аластера и миссис Г. здесь полный сбор: гувернантка миссис Х., Джейн и мисс Гудчайлд. За столом высокое напряжение.

Миссис Х. *(ничего не ест, взбивает в винном бокале соус к салату).* Нет оливкового масла.

Миссис Г. Того, что надо вам, в доме никогда нет.

Уходят дворецкий и миссис Г. Дворецкий возвращается с маслом. Спустя десять минут входит миссис Г. с маслом.

Миссис Х. Сейчас оно мне уже не нужно.

Миссис Г. Разумеется, теперь, когда я вам его принесла, оно

вам больше не нужно.

Миссис Х. *(в сторону, выходя из комнаты)*. Она делает это специально, чтобы отвлечь нас от ужина и сэкономить деньги.

Суббота, 3 сентября 1927 года

Как же я ненавижу этот дом, как плохо себя здесь чувствую. Все сотрясается, идет ходуном от проезжающего транспорта. Не могу ни спать, ни работать.

Рецензировал книги; начал писать комический роман [«Упадок и разрушение». — А. Л.]. Мать уехала в Мидсомер-Нортон, где умирает тетя Трисси. Непрерывно звонит телефон, отец носится вверх-вниз по лестнице, Гаспар лает, садовник рыхлит под окном гравий — и безостановочно несутся машины. Еще одна такая неделя — и я сойду с ума.

Барфорд-хаус, Уорвик, сентябрь 1927 года

Воскресенье. Делал наброски для книги о Россетти, обедал, ездил в поле, где бегают собаки. <…>

Четверг, 6 октября 1927 года

После чая ездили в Келмскотт[142]. Дом гораздо меньше, чем я думал, подъездная аллея отсутствует, лишь небольшие запирающиеся ворота, выходящие прямо на дорогу. К дому ведет мощеная дорожка с большими тисовыми деревьями по бокам; из одного Уильям Моррис вырезал дракона. Комнаты темные, с очень низкими потолками, не покидает ощущение какой-то стиснутости. Невозможно представить, что когда-то здесь жило столько людей. Мисс Моррис[143] — отталкивающего вида женщина, очень застенчивая, нелепо и неряшливо одетая в неизменные платья ручной вязки. С ней живет гермафродит. Два изысканных карандашных наброска Россетти: изображены мисс Моррис и ее сестра — еще детьми. Бессчетное число набросков самой мисс Моррис, большая картина маслом и эскизы для пределлы «Сон Данте». Мебель и отделка нетронуты со дня смерти Морриса. Гобелены, что так волновали Р. [Россетти. — А. Л.], принадлежат не Моррису — это работы старые, они висели в доме, когда Моррис его купил. В саду тоже места мало, тропинки ужасно узкие. А ведь я представлял его себе таким просторным —

быть может, это потому, что вместо Морриса здесь живут эта странного вида женщина и ее гермафродит.

Хэмпстед, суббота, 22 октября 1927 года

<…> В понедельник ходил в Академию мебельного дизайна на Саутгемптон-Роу[144]. Познакомился с очень грубой секретаршей и симпатичным директором; договорился, что буду посещать великое множество самых разнообразных кружков. Чай с Ивлин и Пэнси[145].

Вторник, 25 октября 1927 года

Начал рисовать и чертить. По вечерам занимался резьбой по дереву. Ужинал с Тони Пауэллом[146].

Среда, 26 октября 1927 года

Рисовал орнамент на гипсовых слепках. Ужинал с Теренсом.

Четверг, 27 октября 1927 года

Чертил секции и проекции. Чай и кино. Иньес.

Пятница, 28 октября 1927 года

Строгал доски. Чай с Дадли. Пэнси. Обед с Фулфордом.

Вторник, 29 ноября 1927 года

До смерти надоел Лондон и его нескончаемые туманы. Последнее время ничего особенного не происходило. Часто вижусь с Ивлин и иногда — с Оливией. <…>

Понедельник, 12 декабря 1927 года

Ужинал с Ивлин в «Рице». Сделал ей предложение[147]. Определенного ответа не получил. Отправился на вечеринку к

Урсуле. Звонил Пэнси — говорит, чтобы женился. Поехал на Слоун-сквер посоветоваться. Поехал на Бурбон-стрит и рассказал Оливии. Домой вернулся поздно; долго не мог заснуть.

Вторник, 13 декабря 1927 года[148]

Звонила Ивлин: мое предложение принято. Ездил в Саутгемптон-Роу, но работать был не в состоянии. Ходил в паб с Дадли — сообщил ему о помолвке. Чай с Ивлин. Пэнси — она на моей стороне — пытала Алетею Фрай[149]. Пьеса Фила Коддингтона. Домой. Устал, как собака.

Среда, 27 июня 1928 года

Обвенчались с Ивлин в церкви Святого Павла на Портмен-сквер в 12 часов. Какая-то женщина в алтаре печатала на машинке. Гаролд — шафер. Роберт Байрон выдавал невесту, Алек и Пэнси — свидетели. На Ивлин был новый, черный в желтую полоску джемпер, на шее шарф. Пошли в клуб «500» и выпили шампанского «под прицелом» подозрительных взглядов Уинифред Макинтош и князя Георгия из России. Оттуда на обед в Бульстене. Обед удался. Потом — на Паддингтонский вокзал, поездом в Оксфорд и на такси в Бекли.

6 июля

Наш медовый месяц подошел к концу. Все в Бекли были с нами очень милы. Женщины приносили нам в комнату букеты цветов. У мистера Хиггса Ивлин пользовалась большим успехом. <…>

В субботу рисовал обложку для романа в «Чепмен-энд-Холл»[150], одновременно держал корректуру «Упадка». С Чепменом иметь дело не так-то просто.

Излингтон, четверг, 4 октября 1928 года

Сразу после завтрака позвонили из «Чепмен-энд-Холл» и сказали, что Даблдей и Доран[151] хотят издать «Упадок» в Америке и дают мне аванс — 500 фунтов. К концу дня сия блестящая новость существенно потускнела: выяснилось, что

придется делиться с Брандтом[152], издательством «Чепмен-энд-Холл» и Соединенными Штатами, и получу я поэтому чуть больше половины указанной суммы, причем не раньше весны следующего года. Пусть так; новость все равно — из лучших. После обеда привезли изготовленную на заказ мебель. После ужина приходил Тони Пауэлл; рассказывал сплетни про Ситуэллов.

Воскресенье, 7 октября 1928 года

Ходил в церковь на Маргарет-стрит, но внутрь не попал. Обедал и ужинал в Хэмпстеде. Читал новый роман Олдоса Хаксли[153]: нескончаемо длинный, герои те же, что и в «Шутовском хороводе», те же невнятные социальные прогнозы и унылые любовные связи, та же миссис Вивиш, тот же Колмен[154], нескончаемые прения и биология. Такой роман мог бы написать, получи он сносное образование, какой-нибудь Алек Во.

Понедельник, 8 октября 1928 года

Обедал в «Сэвиле»[155] с Гарольдом, Регги Тернером и Реймондом Мортимером[156]. Хороший обед запивали хорошим вином. Регги Тернер — очень уродливый, забавный человечек, изо всех сил старается не отстать от жизни: «Скажите, что вы и Марго Оксфорд думаете об Олдосе Хаксли?» Рассказывает истории про Уайльда и Бози[157] и про то, как, побывав у Уайльда в тюрьме, он спросил его, хватает ли ему еды. «Они бросают мне сосиски точно так же, как британцы в зоопарке бросают булки медведям». <…> Пил чай с Оливией, а когда вернулся, у Ивлин поднялась температура. Грипп, надо полагать. «Упадок и разрушение» попал в список бестселлеров. <…>

Пятница, 12 октября 1928 года

Врач, чья внешность представляет собой компромисс между мясником и ветеринаром, на основании высыпавшей на лице сыпи объявил, что у Ивлин корь. Леди Бергклир[158] заходила, пока меня не было, и порадовала дочь виноградом, цыпленком, а также сдержанно положительным отзывом о нашей квартире. Рисовал. Бедному Чепмену [Артуру Во. — А. Л.] предстоит рецензировать книгу о гориллах. За неделю продано 157 экземпляров «Упадка и разрушения», а всего — 1093. Когда

доберемся до 2 000, перестану так волноваться.

Пятница, 19 октября 1928 года

За неделю продано 827 экземпляров «Упадка». Второе издание, можно считать, в кармане.

Суббота, 20 октября 1928 года

Написали из «Ивнинг стандард»; просят статью на тему: «В Англии есть молодежь. Дайте же ей ход». <…>

Понедельник, 22 октября 1928 года

Постригся и встретился с Мартином Уилсоном. К «Упадку и разрушению» относится вроде бы неплохо. От него — на выставку Майоля. Скульптура великолепна, а вот резьба по дереву оставляет желать… <…>

Пятница, 26 октября 1928 года

Дождь. Рецензирую книги, а также пишу статью про «Старость в сорок лет» для «Ивнинг стандард»; за статью обещали заплатить 10 фунтов. <…>

Вторник, 30 октября 1928 года

Письмо от Чарльза Скотта Монкриффа; хвалит «Упадок и разрушение»; хочет, чтобы я нарисовал иллюстрации к его балладе. Сегодня днем ездили в Мальборо. Прекрасный солнечный день. Ивлин увлечена «Упадком» и статьями для «Ивнинг ньюс».

Пятница, 23 ноября 1928 года[159]

За две недели продано 398 экземпляров. Второго уже издания. <…>

Тридцатые годы

Хэмпстед, понедельник, 19 мая 1930 года

Звонит Диксон из «Дейли мейл», просит приехать. Приезжаю. Спрашивает, не соглашусь ли я вести ежемесячную колонку; каждая статья — 15 гиней. Говорю «да». Не успеваю вернуться в Хэмпстед, звонит снова, просит немедленно приехать: меня хочет видеть главный редактор. Переодеваюсь в вечерний костюм, еду. Главный редактор интересуется, не соглашусь ли я вести еженедельную колонку. Говорю: «Да». «А не подпишите ли, — спрашивает, — с нами договор о том, что три месяца не будете писать в другие газеты?» — «Должен, — отвечаю, — спросить Питерса»[160]. — «Какую минимальную сумму вы бы хотели получать?» — спрашивает. Если бы дали пятнадцать фунтов, я был бы на седьмом небе от счастья. Называю двадцать. Он на седьмом небе от счастья. Еду в «Савой», звоню Питерсу: «Называйте двадцать пять». Потом выпиваю и еду ужинать в Рэднор-плейс. <…>

Вторник, 20 мая 1930 года

Питерс уговорил Диксона заплатить тридцать фунтов, отчего мой годовой доход, пусть временно, достигнет 2 500 фунтов. Что вселяет некоторый оптимизм. «Уикэнд ревью» настойчиво напоминает про статью, которую я обещал им написать и забыл. Обед в «Плюще» с Джонатаном Кейпом[161] и моим американским издателем. Заходил к Оливии <…> Вечеринка с коктейлями у Сирила Коннолли[162]. <…> Написал статью в «Уикэнд ревью». Очень плохую.

Среда, 21 мая 1930 года

Вечеринка с коктейлями у Сесил Битон. Ужинал с Элеанор Смит[163] в «Куальино», оттуда — в кино, из кино — в «Эйфелеву башню». Вернулся и сел за статью для «Дейли мейл». Пишу о лесбиянках и запоре.

Понедельник, 26 мая 1930 года

Родители уехали в Мидсомер-Нортон. Обедал с Энн Талбот в «Куальино». Обед так себе. Вернулся за письменный стол. Ужинал в «Уолдорф» с моим американским издателем. После ужина — в театр «Савой». Подхожу к кассе и говорю: «Я — Ивлин Во. Посадите меня, пожалуйста». Сказано — сделано.

Посмотрел два последних действия «Отелло» с Робсоном[164]. Постановка безнадежно плоха, но его черное, открытое, простецкое лицо мне нравится. Будь он умнее, вся эта дурацкая сцена с носовым платком выглядела бы куда менее убедительно. <…>

Среда, 28 мая 1930 года

Почти весь день читал первую часть «Истории последних Медичи» Эктона. Сочинение в высшей степени неудовлетворительное, прославит его ничуть не больше, чем роман. Напыщенно, банально, продираешься через запутанные, безграмотные описания. Временами проскакивает искра дарования, ему свойственного, но по большей части — уныло. <…>

Суббота, 31 мая 1930 года

Дважды ходил в кино и прочел несколько страниц очень интересного труда об «Улиссе» Джеймса Джойса. Держал корректуру «Наклеек на чемоданах»; полно опечаток, которых в гранках не было. <…>

Среда, 18 июня 1930 года

<…> Пил чай в «Рице» с Нэнси Митфорд[165]. Пребывала в волнении: в воскресенье вечером Хэмиш[166] сказал ей, что ему вряд ли когда-нибудь захочется спать с женщиной. Пришлось долго объяснять, что сексуальная робость мужчинам свойственна.

Лондон, понедельник, 23 июня 1930 года

Утренним поездом из Сезинкота в Бирмингем. Побывал в

картинной галерее. Валлиец, хранитель музея, спросил, не был ли валлийцем и Огастес Джон[167]. Голова персидского мальчика кисти Россетти, ранняя работа — ничего мне про нее сказать не смогли. На другие картины Россетти не похожа абсолютно. Обедал с Генри, потом — на его фабрику, где видел медное и железное литье. Был совершенно потрясен сноровкой рабочих. Ничего общего с массовым трудом или механизацией — чистое искусство и ремесло. Особенно красива медная отливка: зеленый расплавленный металл из докрасна раскаленного котла. Вернулся в Лондон и переехал к Ричарду.

Понедельник, 7 июля 1930 года

Обедал в «Рице» с Ноэлом Коуордом[168]. По натуре прост и дружелюбен. Мозги отсутствуют. Прирожденный актер. Говорили о католицизме. «Совершите кругосветное путешествие», — посоветовал он мне. Рассказал, что знает настоятеля в доминиканском монастыре, который больше всего на свете хотел стать актером и на этом помешался. Кончилось тем, что его обнаружили в нижнем белье своей хозяйки. <…>

Вторник, 8 июля 1930 года

В одиннадцать ходил к отцу Д’Арси[169]. Синий подбородок, тонкий, скользкий ум. Иезуитская часовня на Маунт-стрит обставлена хуже не придумаешь. Англичанам до такой безвкусицы далеко. Говорили о литературном вдохновении и Ноевом ковчеге. <…>

Пятница, 11 июля 1930 года

Ходил к отцу Д’Арси; говорили о непогрешимости и отпущении грехов. <…>

Пятница, 15 августа 1930 года

Приехала со своей собакой Оливия. Театральный антрепренер хочет, чтобы я переделывал пьесы для сцены. Не такой уж сложный способ заработать много денег. <…>

Хэмпстед, пятница, 22 августа 1930 года[170]

Приехал на Норт-Энд-роуд переночевать. Отца, накануне его дня рождения, искусала его же собственная собака. <…> Вечером пошел в кино, отчего отец был безутешен.

Лондон-Аддис-Абеба, пятница, 10 октября — воскресенье, 26 октября 1930 года

Французский кинооператор в поезде: обувь снял, но всю ночь проспал в лайковых перчатках. Рука в перчатке свешивалась с couchette[171] и покачивалась в такт движению. Медный пол раскален докрасна. В ресторане маршал Петен[172]. Только он и я лицезрели jour maigre[173], за что были вознаграждены oeufs au plats[174].

«Café de Verdin» в Марселе. Превосходный обед.

«Azay le Rideau». Пароход — видавший виды и не слишком чистый. В коридорах голые полы. У меня двухместная каюта с наружной стороны. Пассажиры: французские колониальные чиновники с совершенно неуправляемыми детьми, офицеры Иностранного легиона — дурно одеты, небриты, с оттопыренными, как у коммивояжеров, животами. Люди спят в трюме, едят и живут на палубе. Очень неопрятны — с виду каторжники. Бородатый sous-officier[175]. В основном немцы; один — американец. Двое за час до Порт-Саида выпрыгнули из иллюминатора и исчезли. Еще один перед обедом, возле Суэца, у всех на глазах выпрыгнул за борт; был схвачен египетской полицией, на пароход не возвращен.

На борту польские и голландские делегации; деловито расхаживают с портфелями, набитыми, надо полагать, поздравительными адресами. В Суэце на борт поднимаются французы и египтяне. Рас[176] — с сыном, двумя слугами и секретаршей-переводчицей; одета по-европейски, идет с ним под руку.

Англичанки (наполовину малайки?), мать и дочь. Из Канн в Мадрас. Поначалу решил, что дочь наше путешествие оживит. Обе абсолютно ничего не соображают. Дочь, Дениз Гарисон, не гнушается косметикой: густо подведены глаза, алый маникюр — но не для того чтобы соблазнять самцов; просто по-детски подражает светским львицам в Каннах. Обе так глупы, что, хоть и играют целыми днями в детские карточные игры, даже пересказать правила не в состоянии; все игры, которым они нас учили, перемешались у них в голове. <…>

Тот, кто на пароходе переедает, пьет, курит и не совершает прогулок по палубе, — живет в свое удовольствие. Те же, кто ведет «здоровый образ жизни», мгновенно заболевают.

Стоит мне оказаться вне своего привычного круга, как я начинаю лицемерить, говорю и рассуждаю в несвойственной себе манере.

И в первое, и во второе воскресенье проспал утреннюю мессу. Священники и монашки плывут вторым классом. Рыбу по пятницам на ужин не подают.

Голландский проповедник играет в какой-то особенный бридж, где misére[177] называется «Лулу».

Два дня fête: course de chevaux — играли только французы; pari mutuel[178], шансы почти равные. Пароход разукрашен; кинофильм еще хуже, чем обычно. Когда вошел маршал, все встали; очень приветлив, раздает автографы, на аукционе подписанная им фотография стоит 900 франков. Пассажиры второго класса приходят на бал и на концерт. Джаз-банд «Legionnaires»[179]: губная гармоника, барабан и банджо; на барабане наклейка «Mon Jazz»[180]. Пела девица, Бартон назвал ее «Люси всеми любимая». Относительно поездов «Джибути — Аддис-Абеба»[181] полная неясность; слухи противоречивы: дело в том, что бельгийский консул не может связать по-английски двух слов. Горячий ветер. Жившие в тропиках не выдерживают. За день до Джибути на море волнение. «Azay» очень прочен. Драка между стюардами. Китайца посадили под замок; в камере, кроме него, уже два солдата. Потею. Подарил библиотеке книги сомнительного содержания.

В Джибути прибыли на рассвете. Одна пара еще танцевала; лица серые. С поездами по-прежнему неизвестность; начальник интендантской службы заверяет, что поезда есть: один — рано утром, другой — вечером. «Специально для делегаций». И еще один вечерний, и тоже специальный. Бартон и я сходим на берег; встреча с британским консулом Лоу, молодым агентом по погрузке и разгрузке судов. Действительно, имеются два поезда, оба специальные, для делегаций. Говорит, что и на тот, и на другой достать билеты «затруднительно». Проливной теплый дождь, плащей нет, тропические шлемы мокнут. «Hôtel des Arcades»[182], очень славная французская управительница. Дала нам номер с балконом, чистым бельем, ванной. Оставил на пароходе губку, бритву и пр. Дождь прекратился. Едем на машине по залитым водой улицам. Нищие, инвалиды, прокаженные. Европейский квартал: ветхая лепнина, широкие улицы, штукатурка осыпается на глазах. Людей охватывает внезапный испуг — не мог сначала понять, в чем дело; машину встряхнуло

— землетрясение. Туземный квартал: глиняные хижины. Поменял деньги — норовят обсчитать. Сомалийцы: у одних бритые головы, у других крашеные рыжие кудри. Вернулись в отель; Лоу добыл нам билеты на пассажирский поезд со всеми остановками. Chasseur[183] в отеле заверил: на таможне наш багаж проверять не будут. <…> Обедали на террасе; маленькие мальчики обмахивали нас веерами в надежде на чаевые.

Сели в поезд: египетские, польские, японские, голландские делегации; вагон первого класса пустует. По соседству американские репортеры. Едем ночью. В Дире-Дауа приехали рано утром. Длиннейший кортеж, войска на всем пути к губернаторской резиденции, для делегатов завтрак с шампанским. Мы с Бартоном завтракаем в гостинице. Повидать нас явился Зафиро, секретарь по делам Востока. Абиссинский костюм — вижу впервые. Повсюду почетный караул — численность варьируется. Обед в Афдеме; четыре мясных блюда. Ужин в Хаваше. Праздничные танцы — египтяне в восторге; четырехчасовое ожидание; нет электричества. Идти некуда. Опять мясо. Предупреждали, что ночи холодные, но нет — всего лишь приятная прохлада; одеяла взяты напрокат в «Hôtel des Arcades». Между Дире-Дауа и Хавашем устрашающего вида карликовые деревья. Плодородная земля. Поезд всю ночь взбирается в гору; утром — горный пейзаж, туземные деревушки. Остановились на рассвете; завтрак в Моджо, потом Акаки; члены делегаций могут переодеться.

Аддис [Аддис-Абеба. — А. Л.], 10.30. Императорская гвардия в хаки, ноги голые, вооружены, военный оркестр из черных мальчишек бесконечно долго играет все гимны подряд; официальные приемы. Племянницы Бартона потрясены: как это, я не озаботился жильем. В посольстве; всеобщее возбуждение. Поехал в «Hôtel de France»[184] забрать вещи и оставить визитки. Встретил Траутбека, просил о встрече, в интервью отказано. Все последующие дни кошмарная неизвестность: добыть информацию невозможно никакими силами. Круг общения: Холл — полунемец, возглавляет bureau d’étrangers[185]; Колльер — будущий директор банка, вступит в должность в январе — если абиссинцам будет чем платить; Тейлор — секретарь по делам Востока, его жена — славная, неказистая. Племянница Бартона — нечто совершенно непереносимое, дочь — истеричка. Британская миссия прибывает 28-го. Прием в саду в субботу. Вечерний прием в пятницу. <…>

Аддис: широкие улицы, недостроенные дома. Казино незакончено. С появлением именитых гостей люди в цепях куда-то с улиц исчезают. <…>

Коронация в воскресенье; нескончаемая служба — с 6.30 до

12.30. Из-за кинооператоров ритуал смехотворен.

Аддис-Абеба, понедельник, 3 ноября 1930 года

Встал в семь, пошел в католическую церковь: островок здравомыслия в обезумевшем городе. Вернулся, разогнал прислугу <…>. Ходил в ратушу, сказал, что хочу попасть на геббур [праздник. — А. Л.]. Ответили: приходите позже <…>. Ходил в мавзолей [императора Менелика II. — А. Л.]: устрашающего вида здание, чем-то напоминает византийское. <…> С профессором Уиттмором[186] осмотрели церковь Хайле Селассие: здание круглое, крытое соломой, аркада, внутри — картины маслом, снаружи клеенка, турецкие узоры, колонны с каннелюрами. Солнце село так быстро, что многого не увидели. Пошел в лавку, купил фотографии: оскопление побежденных в бою. Вернулся в отель, предъявил счет на 18 талеров. Перепалка. Пошел на попятный. <…>

Из английского посольства в итальянское. Фейерверк: европейцы в восторге. Его королевское высочество в баре. Вручение орденов; многие европейцы не скрывают своего разочарования. Бартону вручают «Звезду Эфиопии первого класса». Всем остальным — награды более высокие.

Вторник, 4 ноября 1930 года

Спал до девяти, ходил смотреть парад; отправили на места для прессы <…>. Начался с опозданием; скука смертная. Вернулся обедать в гостиницу. По церквям с Уиттмором. Фрески с изображением святых мучеников[187]: кровь льется рекой. Писал репортаж о параде, спал на ходу, общался с журналистами <…>. Телеграмма из «Дейли экспресс»: «Сообщение коронации безнадежно устарело. Нас опередили все газеты Лондона». <…>

Суббота, 8 ноября 1930 года

Ходил с Айрин в новый музей. Ничего лучше здесь не видел. Отличные экскурсоводы. Айрин в бриджах для верховой езды, я — во фланелевом костюме. По возвращении получили приглашение на обед во дворец. Переоделся в утренний костюм и отправился. Обед: столпотворение, вся местная знать плюс американские кинооператоры в зеленых костюмах, плюс

французские журналисты во фраках. Подрядчики, школьные учителя, миссионеры. Сидел между фоторепортером и английским летчиком. <…>

Понедельник, 10 ноября 1930 года

В шесть утра выехали с Уиттмором в монастырь Дебра-Лебанос[188]. Пустые бутылки для святой воды. Великолепное утро. Вверх на Энтото, потом — через долину, вдоль многочисленных речушек. Обогнали караван осликов; везли шкуры. Обедали около одиннадцати. Уиттмор жевал сыр. Я съел мяса и выпил пива. Впереди огромное пастбище. Многократно сбивались с пути. Шустрый местный мальчишка запрыгнул на подножку автомобиля. Уиттмор кланялся пастухам. Часа в два резко затормозили перед глубоким оврагом, внизу река. В окружении голых мальчишек в язвах, а также бабуинов спустились вниз по крутой тропинке. Уиттмор не устает кланяться. На полукруглом выступе несколько глинобитных хижин, пара каменных домов и церквей. Навстречу красивый бородатый монах под желтым зонтиком от солнца. Шофер отправлен на поиски патриарха Абуны. Сели в тени возле церкви. Монах что-то написал на руке красивым почерком. Уиттмор указал на букву, похожую на крест, и перекрестился. Монах озадачен. Повел нас к патриарху: коричневый плащ, белый тюрбан, черный зонт, мухобойка; подвел к квадратному каменному дому. Ждем. Собралась толпа. Через полчаса пустили. Кромешная тьма. Маленькие окна под потолком занавешены дерюгой. Свет за дверью — единственный. Собралось двенадцать священнослужителей; две покрытые тряпками табуретки. Абуна читает вслух рекомендательное письмо. Возгласы одобрения. Учтивая беседа — шофер переводит. Из шкафа белой древесины извлекаются предметы, завернутые в разноцветную шаль. Сначала две мрачные немецкие гравюры на досках, потом иллюминированные рукописи. И то и другое — современное. Затем повели смотреть святые источники на склоне горы. Под нависшей скалой разбросаны гробы — нечто вроде деревянных ящиков, куда складывают вещи, или сундуков. Святая вода из ржавых труб. Отдельная, лучшая, комната — Менелика. Маленькая хижина — императрицы[189]. Предложили хижину и нам; внутри козы и осы. Ответили, что предпочитаем палатку. Сказано — сделано: установили, землю устлали сеном, сверху — тряпки. Абуна присматривал. «Вы способны убить козу, овцу или ягненка?» — «Нет». Мед. Сидим в палатке. Вносят местный хлеб,

пиво, мед — все несъедобно. Абуна садится. Разделить с нами трапезу не решается. В конце концов, уходит. Едим из плетеной корзины. На столбе лампочка. Абуна пришел пожелать спокойной ночи, стряхнул с тряпок порошок от блох. Снаружи монах с винтовкой. Промозглая ночь. Спал мало. Уиттмор храпел. Шофер взял себе мед и пиво.

Вторник, 11 ноября 1930 года

Проснулся на рассвете, поел солонины, выпил пива. Охранник взял немного меда и пива. В церкви читали Библию — сразу несколько человек. Фрески за семь талеров — современные; на одной стене святые, на другой Страсти Господни, еще на одной младенческие годы. Картины Рас-Касса, Тафари и др. — писались, по-видимому, с фотографий. Святая святых: барабан из мореного дуба, старая одежда, пыль, зонтики, чемодан, чайник для заварки, полоскательная чашка. Маленький ковчег, еще один барабан получше, на нем крест, упавший с небес. Ходили искать бабуинов. Видели двоих. Отдыхали. Пришел с обыском охранник, рылся в одежде. Месса в час дня. У. все целует и ничего не понимает. Белые с золотом облачения. В 2.30 уехали. У. раздает медные деньги. Шли в гору. В машину сели в три. Стемнело в шесть. В Аддис-Абебе — в одиннадцать. Многократно сбивались с пути. У. совсем потерял голову. По всей долине бивуаки. Поднялись на Энтото, потом спустились; опасно. Шофер невозмутим. У.: «J'ai décidé. Nous arrêtons ici». Шофер: «Ca n'est pas d'importance»[190]. Лисы, кролики. «Регби» — так называется наш автомобиль.

Харамайя, понедельник, 17 ноября 1930 года

<…> Обедал с банковским клерком, французом. Тоже собирается в Харар в отпуск. Посоветовал поехать на поезде в Дар-эс-Салам, в Западную Африку. Выехал на пони Плоуменов на харарскую дорогу; забита телегами, повозками, верблюдами и мулами. После обеда спал в комнате без окон, на больничной койке. Ужинал с директором гостиницы. Чтобы получить разрешение уйти, спрашивает: «Вы не можете мне позволить?» Воспитывался в Александрии. У него affaire[191] со знатной абиссинской дамой; послала за ним трех солдат. Пока они ждали, он дал им по сигарете.

Харар, вторник, 18 ноября 1930 года

<…> Ходил по городу с мальчиком-провожатым. Видел лепрозорий. Врач — священник, очень радушный. Маленькие хижины (прокаженные вдвое ниже обычного человека). Католическая церковь. Меня благословил безумный епископ-капуцин.

Сидел у него на диване и расспрашивал про Рембо. «Очень серьезный. Жизнь вел замкнутую. После его смерти жена уехала из города — возможно, в Тигр». <…>

Ужинал в гостинице. После ужина армянин и еще один армянин-галантерейщик, а также банковский клерк-француз повели меня на харарскую свадьбу. Празднований два. Одно — в доме невесты, другое — у жениха. Жених гораздо богаче. В доме невесты танцуют: двое мужчин с закрытой нижней частью лица и одна девушка с платком на голове; семенят взад-вперед, иногда спотыкаются. Девушки исключительной красоты; стоят, сгрудившись, и поют хором. Барабаны. Хлопают в ладоши. Празднование в доме жениха в нескольких кварталах от дома невесты; все то же самое, но более пышно. Благовоние от курения ладана. На полках мешки с кофе, по стенам разноцветные корзины. Армянин прихватил револьвер и дубинку. Мальчик и полицейский. При виде полицейского гости разбежались: свадьбы запрещены. Улицы словно вымерли, ни души. Все двери с наступлением темноты запираются. В город, перейдя через реку, входят гиены.

Среда, 19 ноября 1930 года

Армянин и его друг галантерейщик повели меня на прогулку. Видел арабскую рисованную карту, на ней зеленые пятна от кхата. Зашли во дворец, в крошечном загоне лев; вонь несусветная. Тюрьма. Камеры выходят во двор. По пять-шесть человек в каждой камере. Цепи, язвы. Побывали в трех-четырех теджах [питейных заведениях. — А. Л.]. Бордели. Над дверью красный крест. Уродливые женщины. Видели удивительно красивых девушек, плетут мебель и подносы. Заходили в дома, заглядывали в чуланы и на кухни, щипали девиц и пробовали еду. Не пропустили ни одной армянской лавки. Обедали в гостинице. Потом болел живот. <…>

Аден-Момбаса, среда, 10 декабря 1930 года

Пароход пришел в шесть. На борт поднялся в девять. Транзит

оформил бесплатно. Люди за столом — один хуже другого. Каюта отличная, вот только сосед — француз.

Плавание в Момбасу: на редкость удачно; море спокойное, летучие рыбы, тепло, но не жарко. Милейший американец Кики Престон — раньше ужина с постели не встает. Полненькая англичаночка, учится на биологическом факультете, собирается замуж за человека лет на двадцать старше. Ни о чем, кроме противозачаточных средств, не говорит. Ее мамаша. Еще одна девица — рыжеволосая. Миловидный клерк, зовут Смит, работает в «Шелл». Вторым классом путешествуют турок и англичанин Уилвуд.

Занзибар-Дар-эс-Салам, понедельник, 29 декабря 1930 года

Покинул Занзибар на большом итальянском пароходе «Маццини»; плыву вторым классом: пароход почти совсем пуст. Последние дни в Занзибаре разбирал почту, пришедшую в субботу и воскресенье. В основном — поздравления или поношения из-за того, что стал папистом. Сегодня религиозные споры — удел низших умов; так мне кажется. Пароход кишит маленькими черными жучками. Одна англичанка (они с мужем, специалистом по обжигу кирпича, совершают кругосветное путешествие и море видят впервые за одиннадцать проведенных тут лет) рассказала мне, что один такой жучок пребольно ее укусил, однако я ей не поверил. Сделали остановку в Дар-эс-Саламе, где я купил энциклопедию Пирса и два романа Эдгара Уоллеса. В городе памятник героям войны — драчливого вида чернокожий и надпись: «Даже если ты погибнешь, сражаясь за родину, — твои сыновья тебя не забудут». Алтарь в католической церкви, подаренный кайзером. Его герб стерся. На пароходе жарко. У мужа англичанки боли. Кинофильм; вечером еще один — «Тарзан».

Джинджа, Уганда, воскресенье, 18 января 1931 года

Объехал Кисуму на машине. Жалкие бунгало разной формы и размера.

<…> На следующий день — в Джинджу. В гостинице свободных номеров не оказалось — спал в пансионе <…>. Видел верховья Нила, слышал гиппопотамов. В баре разговоры бывалых путешественников: «Слыхали? Носорог сорвал с женщины скальп», и т. д. Или: «Если буйвол опустил голову — значит,

собирается напасть. Тогда цельтесь в позвоночник. Почти наверняка промахнетесь».

Четверг, 22 января, 1931 года

Поехал с отцом Янссеном в женский негритянский монастырь. Обучают своих жен европейским манерам. Побывал в школе, где мальчиков учат говорить по-английски и дают такие, например, задания: «Расскажите о связях Генуи и Венеции в XVIII веке». Все учителя черные. Чернокожие монашки рассказывают друг другу про Японию и Аравию.

Вернулся в четыре. Редактор «Уганда геральд» повез меня на могилу Мутесы и во дворец. Кабака — многоженец, императрица — шлюха. Отец Янссен не без удовольствия рассказал об отлучении от церкви священников, членов миссионерского общества, за прелюбодеяние. Всех преступников, перед тем как они поднимутся на эшафот, обращает в истинную веру. <…>

Суббота, 31 января 1931 года

Семинария. Отец-настоятель — голландец; красивая борода. Поделки из дерева одного из монахов. Двухэтажное бетонное здание на месте дома первых миссионеров. Чтобы стать священником — восемь лет учебы. Трое посвящены в духовный сан. Лаборатория с анатомическими макетами, телеграфом и пр.

Школа «Табора». Большое двухэтажное бетонное здание. Надворные постройки со сводчатой галереей для живущих в школе учителей, старые здания, ферма и пр. Земля сухая. В одном классе учатся печатать на машинке. Ученики в форме: кепки цвета хаки, фуфайки, шорты. Школьный оркестр. <…>

Школьный двор субботним утром. Доска отличия с выведенными на ней именами отличившихся учеников; по одному в год. Помост. Стулья с высокими резными спинками. Сели на помосте с префектами; школьники на земле. Префект этой недели выкрикивает: «Шари» («Слушается дело»).

Трое мальчишек обвиняются в курении. Никто их не защищает. Ложатся на землю, лицом вниз, и сержант дважды бьет каждого палкой, после чего отдает честь присутствующим при экзекуции. В большинстве случаев наказание сопровождается громкими криками. Ученик постарше обвиняется в том, что он отказался пахать поле. Сказал, что не услышал приказа. Вызываются свидетели. Префекты обсуждают этот случай и

приговаривают провинившегося к четырем палкам. Объявление: «Эпидемия свинки в городе закончилась». Уходим.

Ходил с коммивояжером в индийский кинематограф. Старый добрый Чарли — «Золотая лихорадка»[192]. Полирует ногти перед едой. Еда украдена. Ест траву с солью, перцем и деликатесами; полощет пальцы. В финале возникает красавец любовник, и Чарли исчезает. <…>

Понедельник, 2 февраля 1931 года

Ехал вагоном второго класса в Кигому. В поезде сплошь бельгийцы и французы; на рассвете пахнет кофе. Кигома — город по преимуществу бельгийский; много греков. Местные дикари. Билет сумел достать только в четыре. «Duc de Brabant»[193] отплывает в шесть. До пяти капитана не видать. Толстый, неопрятный мужчина с женой, да и каюта ужасная. В пять выяснилось, что без медицинского свидетельства на борт не пустят. Бегу со всех ног к дому местного врача, обнаружил его в воде: возился со своей моторкой. Справку дал, даже на меня не взглянув. Обратно, опять бегом на пристань. Отплыли только в двенадцать. Кают нет. Шезлонгов нет. Только маленькие стулья. Бельгиец — начальник интендантской службы, грек, какой-то паршивый американец, оказавшийся миссионером. Уборные во время стоянки заперты. Теплый лунный вечер. Отыскал шезлонг, задремал, но проснулся: часа в три ночи резко похолодало. Порывом ветра опрокинуло стулья. Раскат грома. Ливень. Все бросились в маленький салон, успев промокнуть до нитки. Внесли под крышу сваленный на палубе багаж. Молния — одна за другой; жуткий ветер и дождь; два окна в салоне не закрываются; вода потоками льется с крыши. До рассвета качка; у каждого второго морская болезнь. Рассвет фантастической красоты; дождь прекратился, ветер и море стихли. Палубные пассажиры с козами и свиньями разглядывают то, что осталось от их вещей. Машинное отделение залито водой. Завтрак. Ведем на буксире баржу со скотом. В Альбертвиль прибыли около десяти, но сойти на берег смогли не раньше одиннадцати: проверка паспортов и медицинских удостоверений. Потом — в иммиграционный офис: заполнить анкеты в двух экземплярах. Возраст, девичья фамилия матери и т. д. Очень жарко. Альбертвиль: на переднем плане дома вдоль озера, за домами вздымается гора. Улицы скорее неопрятны, чем грязны. Валяется бумага и пр., растет трава. Низкорослые пальмы. Много кафе, несколько гостиниц. Вместо индусов симпатичные греки. Белокожий лавочник. Девушки в

железнодорожной конторе.

Принял ванну, побрился, переоделся; вполне приличная бельгийская гостиница. Дворец. Обед. На вокзал за билетом: самолетное сообщение прервано. Как добраться из Букамы в Порт-Франки, не знает никто. Вежливы, проявляют неподдельный интерес. Билет до Букамы. Днем уснул, встал к ужину, уснул опять. Ночью сначала нестерпимо душно, потом — сильная гроза.

Элизабетвиль, понедельник, 9 февраля 1931 года

Утомительный и нескладный день. До Элизабетвиля добрался в три. Отель «Глобус». Дорогой, но хороший: во всем чувствуется порядок. В номерах вода, и т. д. Ходил в контору Кука. Билет на самолет — 100 фунтов. Поручиться за сервис не может никто. Автомобильное сообщение из-за дождей прервано. Самый быстрый путь в Европу — через Кейптаун. Заказал себе билет третьего класса; в Англии, таким образом, буду 7 марта.

Эти незапланированные встречи с роскошью! Как часто в Лондоне, когда пресыщенность порождает скепсис, начинаешь думать, не является ли роскошь фальшью, не путаем ли мы расточительность с совершенством. Когда же после нескольких недель лишений (не стоит их преувеличивать) приходится довольствоваться безымянными и недатированными винами, сигарами с Борнео или с Филиппин, мы вновь наслаждаемся жизненными благами и понимаем, что вкус — по крайней мере, если речь идет о чем-то конкретном, — вещь подлинная и неотъемлемая. Примиримся же с этим.

Побывал на превосходном кинофильме.

Вторник, 10 февраля 1931 года

Работалось прекрасно. Выпил хорошего вина, курил хорошие сигары.

Кейптаун, вторник 17 февраля 1931 года

Кейптаун. Прибыл в 6.30. Ванна, бритье и завтрак в отеле. Поменял у Кука билет, заказал себе шезлонг и прогулялся по Кейптауну. Большие викторианские здания. Трамваи и автобусы. Одно-два здания начала XIV века. Повсюду полукровки — худые, понурые. Поднялся на палубу в полдень; путешествую третьим

классом. Еда хорошая, хоть и странная: в 5.30 к чаю подают мясо. Вечером играл в бридж. Стюарды развязны. Слишком много детей.

Четверг, 19 февраля 1931 года[194]

Мистера Харриса отвез на лондонский вокзал на «роллс-ройсе» шофер его приятеля. По приезде Харрис дал носильщику пять шиллингов. Носильщик не скрывал своего изумления. «Еще бы, — закончил свой рассказ Харрис, — он же видел, что я выхожу из „роллс-ройса“ и рассчитывал, по меньшей мере, на фунт». <…>

На пути в Джорджтаун, воскресенье, 4 декабря 1932 года

Яркое солнце, легкий бриз, пароход тяжело покачивается на волнах, отчего дети угрюмы и сосредоточенны, а женщины не выходят из кают. Два священнослужителя, один чернокожий, оба протестанты; службе мешает погода. Чернокожий священник-пребендарий, по всей видимости, профессор какого-то университета в Вест-Индии. Голос и дикция, как у проповедника в английском кафедральном соборе, вкрадчивый клерикальный юмор. Сижу за капитанским столиком вместе с негритянкой из Тринидада; лиловые губы. Напротив — ее дородная мамаша. Вчера после ужина негритянка не выходила из каюты. Прочие пассажиры: два-три совершающих кругосветное путешествие старика, жена и дочь английского генерала. Пароход комфортабельный, но не более того; очень шумный, скрипит, как пара новых сапог; койки узкие, жесткие — зато в моем распоряжении трехместная каюта. <…>

Вчера, читая книжки про Гвиану и пребывая в лучшем настроении, чем сегодня, вдруг запаниковал: путешествие вглубь континента обещает быть либо крайне тяжелым, либо, наоборот, непереносимо пресным.

Пароход по-прежнему качает, отчего каждое движение обременительно. Все разговоры неизменно скучны и церемонны.

Понедельник, 5 декабря 1932 года

Прошлой ночью спал мало. Качает; противотуманный горн.

Попытки стюарда внести в мою жизнь ясность:

— В какое время вы меня вызовете?

— Я позвоню.

— В какое время будете звонить?

— В самое разное. Все будет зависеть от того, как я спал.

— Утром вы предпочитаете чай, кофе, какао или фрукты?

— Заранее трудно сказать. Когда чай, когда кофе. Позвоню и скажу.

— Когда вы принимаете ванну?

— Иногда вечером, иногда утром.

Чтобы хоть немного облегчить его участь, подарил ему сигару.

Воскресенье, 11 декабря 1932 года

Два дня назад погода улучшилась. Хорошую погоду нам обещали, когда мы минуем Азорские острова, однако худшая ночь была сразу же после них. Сейчас тепло, море спокойное; сидел бы на палубе да радовался, если б не сильнейшая простуда. В столовой держу рот на замке, в палубные игры не играю и, подозреваю, в целом произвожу впечатление на редкость скучного молодого человека, кем, собственно, и являюсь. Читаю детективы: язык Ван Дайна[195] — загадка: на четырех страницах «Канареечных убийств» шесть случаев неверного словоупотребления. Написал первую страницу романа[196]. Читаю «Вступление к философии» Маритена[197].

Никогда не приходило в голову, что описанное Платоном бредовое состояние при отравлении болиголовом во многом, быть может, объясняется преклонным возрастом Сократа.

Сейчас Лондон притягивает меня куда меньше, чем в начале пути; все колебания относительно путешествия по джунглям, которые меня не оставляли, пока я ехал с Терезой[198] на пристань, остались в прошлом. Хочется быть выше всего этого.

Теперь, когда на море штиль, чувствуется, как медленно передвигается эта старая посудина. Почти весь вечер, особенно на закате, — сказочные небеса.

Барбадос, воскресенье, 18 декабря 1932 года

Должны были отплыть еще ночью, но из-за дождя разгружаться пришлось днем, и отплыли только в 11.30, отчего шансы увидеть Гренаду при дневном свете становятся призрачными. Мальчишки, как обычно, ныряют за монетками, в

том числе и один белокожий парень редкой красоты. Спустя какое-то время появилась и ныряльщица, однако она служила всего лишь приманкой, сама не ныряла. До Гренады добрались только к полуночи и отплыли до моего пробуждения.

Постскриптум к Барбадосу. Покидая пароход, чернокожий пастор изрек: «Огромное спасибо за компанию».

Пятница, 23 декабря 1932 года

Первое впечатление от Гвианы: сквозь пелену дождя проступают неясные очертания пальм на переднем плане и фабричных труб — на заднем. Вошли в устье реки и спустились по течению к нашему причалу. Мрачного вида незащищенные от ветра верфи, рифленые железные крыши складских помещений. «Тропическая растительность». А вот вид на залив хорош: матовая поверхность ярко-зеленой у самого берега воды, которую видно сквозь такелаж шхун. Запах коричневого сахара и тучи пчел вокруг таможенных складов. Высадка на берег во всем, что касается иммиграционных служб и таможни, прошла безболезненно. Паспорта; неграмотный чернокожий матрос в допотопной соломенной шляпе. Сел в такси и под проливным дождем в отель «Морской вид», где у меня зарезервирован номер. Большой пансион. Вся прислуга женская. Домоправительница: белая девица — хорошенькая, бесцветная, на редкость бестолковая. Съел ананас, рыбу и яйца. Пошел погулять по городу: жарко и утомительно. Широкие улицы с отдельно стоящими деревянными зданиями. Внушительные виллы. Отталкивающего вида универмаги. Ратуша в шотландско-фламандском стиле из модельных досок и чугуна <…>. Побывал в клубе: огромный, покосившийся амбар с бильярдными столами и баром; полуразвалившийся музей с выцветшими фотографиями и уродливыми чучелами представителей местной фауны. Встретил очень славного священника; показал мне, как пройти к дому епископа. Оставил рекомендательные письма. <…>

Дал интервью двум чернокожим репортерам. Написал домой. Общее впечатление от Джорджтауна: скучать без него не буду. Уж очень разбросан. <…>

Воскресенье,1 января 1933 года

В понедельник у Уиллемсов познакомился с доктором Ротом, стариком самоуверенным и малоприятным. Сказал, что готов,

если я возьму на себя все расходы, отвезти меня в верховья Эссекибо — единственное место, где еще сохранились исконные индейцы. Сказал, что путешествие потребует трех месяцев и 300 фунтов. Вначале к его предложению отнесся равнодушно, однако, поразмыслив, проявил больший энтузиазм, ведь по возвращении можно было бы написать хорошую книгу. На следующий день губернатор пригласил меня поехать с ним в Мацаруни, и в продолжение этого путешествия, вплоть до вчерашнего вечера, я все более утверждался в мысли, что предложение доктора Рота, скорее всего, приму.

Поездка в Мацаруни получилась удачной во всех отношениях. На машине доехали до Парики, где, спустя минут десять, пересели под проливным дождем на паровой катер «Тарпон» с каютами на верхней палубе и двумя ванными комнатами. Пообедали рано, в Бартике были в три. На борт поднялся мистер Вуд — лесничий из Мацаруни. Пристали к берегу в четыре и прошлись по городу; его превосходительство тем временем беседовал с добытчиками алмазов. Ветхий, полуразвалившийся городок; на главной улице строй винных лавок, где торгуют ромом, и пансион «Сюрприз». Зашли в небольшой сад с орхидеями. Маленькая больница с очень больным на вид доктором. Съездили в Мацарунское поселение; раньше здесь была исправительная колония, теперь — лесничество. <…>

На следующий день отправились на прогулку в лес; шли по стволам деревьев, которыми завалили болота. Бессчетное число муравьев, цветы, красивые бабочки, черепаха. После обеда спал. Ездили в Киктоферал, старый голландский форт на острове, вверх по реке. Смотреть не на что — если не считать отстроенной арки и миллионов муравьев. Ужинали на берегу с Вудсом и Дэвисом. Дэвис сообщил мне, что на Рота положиться нельзя: ненадежен, ни часов, ни денег не считает. Несколько раз, разъезжая по глухим местам, чуть было не погиб — пренебрегает элементарными предосторожностями. И Дэвис, и его превосходительство, и Вудс настоятельно рекомендовали с ним не связываться.

На следующее утро — в Форт-Айленд; по форме напоминает брильянт; голландские надгробия. В 12.30 вернулись в Джорджтаун. После обеда побывал у Рота в музее. Похоже, к нашей с ним экспедиции он несколько охладел. Как бы то ни было, не настолько он мне понравился, чтобы провести в его обществе три-четыре месяца. От Рота — к Хейнсу, специальному уполномоченному округа Рупунуни. Явно не в себе: рассказывает фантастические истории про каких-то подводных лошадей, говорливых попугаев и пр. Отправляется в Курупукари (несколько

дней я почему-то считал, что это место называется Юпукари), найдется на катере место и для меня.

Пятница. Обедал с иезуитами. Хорошая еда, ром в изобилии, сигары и пр. <…>

Понедельник, 2 января 1933 года

Праздник. Сегодня мне получше. Может все-таки не злокачественная малярия. Ходил с Уиллемсами на скачки. Проливной дождь; скачут посредственно. В каждой скачке всего две-три лошади. «Джентльменская скачка» — все жокеи чернокожие. После ужина в сопровождении двух полицейских — на поиски «разгульной жизни». Неудачно. На Кэмп-стрит маскарад; за одетым в шкуру льва тянутся зеваки. Танцы в отеле «Король Георг». На Тайгер-бей несколько борделей, но жизни в них нет: вероятно, деньги у клиентов кончились. Уиттингем рассказал историю шлюхи: из Бартики вернулась с толстой пачкой денег в чулке и с набитым брильянтами патронташем, вышла замуж и так загордилась, что ударила топором ухажера, который ее домогался. Со временем ее вместе с мужем тоже убили.

Джорджтаун-Нью-Амстердам, вторник, 3 января 1933 года

<…> Из Джорджтауна в Нью-Амстердам выехали в 2.30 медленным маленьким поездом. Живописные поля сахарного тростника в запустении, засажены рисом или кокосовыми пальмами. Чем ближе к Бербису, тем люди чернее. Если верить Хейнсу, в Бербисе дети называют отцов «сэр», а в Джорджтауне — хлещут по щекам. Говорит он безостановочно, однако понять, что он говорит, можно далеко не всегда. Кем он только не был: и инженером, и землекопом, и солдатом, и капитаном на драгере. В настоящее время исполняет обязанности временного уполномоченного, но на постоянное место очень рассчитывает. Страдает, как видно, сексуальными комплексами. Рассказал историю про упущенные возможности с красоткой из Венесуэлы: «Порхала, как бабочка». А также о том, какую отвагу проявил, оказывая сопротивление бразильским бандитам. Подозреваю, что трусоват. На закате сделалось вдруг очень холодно; нашествие москитов.

В Нью-Амстердам приехали около семи. Переправлялись на пароме вместе с монашками. Пешком в гостиницу Линча.

Спросил виски, человечек с длинными усами отказал. Пришлось идти в бар. Ужин неудачен: москиты, холодно, при этом обливался потом. Прямо как в Конго. После этого вернулся в бар и попытался взять машину — не нашлось ключей. (Всю ночь Хейнс говорил сам с собой.) Слушал проповедника-джорданиста. Черная борода, белый халат, тюрбан. Основная мысль: черные будут доминировать в мире, но для этого должны сначала избавиться от дурных привычек. «Великая пирамида», «Погибшие племена Израилевы». Цитаты из Иеремии читал, сбиваясь, крошечный мальчик. Толпа проявляет умеренный интерес. «Да убоитесь человека с бледной кожей и голубыми глазами!» В руках держит металлический жезл. Джорданисты основали свою колонию в Демераре. Сам Джордан умер совсем недавно. Бетджемену[199] эта история пришлась бы по душе.

Курупукари, среда, 11 января 1933 года

В Курупукари прибыли в полдень. Этапы нашего пути помечал на карте. Первые три дня тянулась саванна: редкая трава на песчаной неровной почве. Каждые десять-пятнадцать миль — гостиницы для путешественников, у некоторых — загоны для скота за колючей проволокой. Примерно каждые полмили — павший скот: одни коровы и быки облеплены вороньем, другие обглоданы до костей, между ребрами пучки травы. В последний раз Харт потерял сто голов. «Тигры сожрали», — пояснил Хейнс. «Не может быть». — «Очень даже может: когда они умирают, тигры их съедают». У Хейнса всегда так — сочинит, а потом идет на попятный. «Его судили военно-полевым судом и расстреляли». — «Расстреляли за то, что не отдал честь?!» — «Ну да, сразу после этого он вернулся во Францию, и там его убили». Издохшие коровы поблизости от жилья; вонь несусветная.

Отрезок пути «Нью-Амстердам — Такама»: без происшествий. Длинный, солнечный день. Фермер, его жена-индианка, дети. Разговор о лошадях; расхваливает лошадей, которые способны сбросить седока или понести. Еда на катере — тошнотворная. Хейнс: «Здесь кончается цивилизация». <…>

Ездил верхом на ранчо Йирвуд. Стол и стулья — невиданный комфорт.

Дальше — никакой мебели. Дома часто в удручающем состоянии. Половицы и стены черные используют для костров. Пони нерадивы. Главные неудобства: отсутствие света и стульев после верховой езды; близость черных — особенно когда влажно;

запахи. Но река всегда рядом — есть где помыться. Крепкий, сладкий чай. Ром, лайм.

Поклажа на мулах; на каждой станции ждем от полутора до трех часов.

В лесу: большие деревья остались, те же, что поменьше, и подлесок вырублены. Цветов мало. Глохнешь от птичьего гомона, но самих птиц не видать. Бабочки. Иногда — животные, заяц, например. Или даже медведь. Дыры в земле от армадилла. Пил речную воду и купался. В Канистере свежие лошади. Констебль Прайс ходит за мной, как тень; свое дело знает. Добрались до места в надежде застать катер с провизией, но о нем ни слуху ни духу.

Деревянный дом специального уполномоченного в Курупукари; надворные строения для заключенных. Одна большая комната, все, что требуется для суда: возвышение, место для дачи свидетельских показаний, скамья подсудимых. На веранде два стола, заваленных официальными бланками. Комната сержанта, комната Хейнса и еще две; низкие деревянные перегородки; по стенам фотографии девиц из иллюстрированных журналов. «У меня висит эта девушка, потому что я с ней знаком. Говорят, она нехороша собой, ну и что, зато душа у нее красивая. А эту я повесил, потому что очень уж она чувственная». Фермеры, если ночь застала их в дороге, всегда могут здесь переночевать. Никакой собственной «резиденции» у Хейнса нет.

За неделю нашего путешествия Хейнс не замолкал ни на минуту — разве что ночью, но и тогда не давал мне спать астматическим кашлем и рыганьем. Постоянно хвастается своей честностью, отвагой, благородством и деловыми качествами. А также умением держаться в седле. А также физической силой, ее, дескать, «почувствовали на себе бразильцы и черномазые». Повторяет комплименты в свой адрес, которые слышит от других. Во всех подробностях описывает, как он «прижал» одну, «оприходовал» другую. С женщинами при этом не спит. В речи полно «вощe», «ну это», «как бы» и т. д. «У черного человека очень сильный комплекс неполноценности». «Все это я делаю ради своего короля — двух королей. Ради Того, Кто на небесах, — тоже». Иногда принимается рассуждать об истории: «Взять хоть Наполеона. Кем он был? Всего-то маленьким капралом. Но он захотел жениться на принцессе и поэтому развелся с женой. Очень скоро большевики начнут действовать точно так же, вот увидите». «Из-за чего так долго продолжалась война с бурами? Из-за того, что англичанам страсть как хотелось подраться. Вот они и выпустили из тюрем всех заключенных». Лекции о морали, рассуждения о переселении душ и пр. К английскому

национальному характеру питает огромное уважение; к даго лоялен. Говорит или еле слышно, или, наоборот, взвинчен и тогда подвывает.

Хорошенькая индианка Роза. Хейнс церемонно за ней ухаживает. Сказал мне, что я могу, если захочу, с ней переспать, но, когда я поймал его на слове, тему эту замял.

Четверг, 12 января 1933 года

Катера с провизией нет. И нет табака. Побывали в индейской семье на другом берегу реки. Диагноз Хейнса: у ребенка глисты. Долго щипал его и похлопывал — особого энтузиазма у младенца не вызвал. Хейнс сплетничает и постоянно учит жить своих подчиненных.

Должен прийти еще один катер, но нет и его. Хейнс слишком устал, чтобы двигаться дальше, в Аннаи. Теряет терпение, срывается. Вид вокруг великолепный. Хейнс: «Кому сопутствует Бог… Да, но что есть Бог? Любовь, а стало быть…»

Пятница, 13 января 1933 года

Катера нет как нет. Решаем завтра продолжить путешествие без провизии. Углубился в лес с ружьем в поисках дичи, но ничего не нашел. Все надоело.

Истории Хейнса опротивели; нет ни картофеля, ни сахара, ни рома, ни табака, ни консервов. Хейнс предложил печенье и сухое мясо — и вдруг появился с банкой молока и «Оувалтина»[200], сказав, что, если надо, у него есть еще. Потом выяснилось, что банка молока была последней. Но вот в шесть пополудни на реке показались оба катера. <…>

Курупукари-Бон-Саксесс, понедельник, 16 января 1933 года

Снова двинулись в путь — на этот раз в сопровождении ослика по имени Мария и юноши по имени Синклер. Кое-что из провизии взяли, но многое пришлось бросить. Доехали до знака «восьмая миля» и обнаружили там фермера майора Уэллера и двух энтомологов Майерса и Фицджералда. У Майерса дизентерия. Они пристрелили дикую индейку. Дал им рому; вместе пообедали. Майерс послан сюда компанией «Импайр маркетинг борд». Проехали четырнадцать миль и встали лагерем.

Вторник, 17 января 1933 года

Прошли за день двадцать одну милю. Мальчики [Прайс и Йетто. — А. Л.] к завтраку не поспели; Синклер симулирует. Попали под проливной дождь и промокли до нитки, пока добрались до полуразвалившегося дома. Разложили костер из половиц и высушили одежду. Проводник предупредил: где-то поблизости бродит свирепый бык, но мы его не видели. Нашли быка, убитого тигром. <…>

Пятница, 20 января 1933 года

Одноглазая лошадь, когда ее взнуздывали, встала на дыбы и опрокинулась на спину. Прошла пять миль, остановилась, еще дважды повторила тот же трюк и, наконец, встав на дыбы в третий раз, рухнула. В какой-то момент сбились с пути, но дорогу нашли. Невыносимо жарко. В четыре часа добрались до ранчо Кристи[201]. Рассказал, что видел сон о появлении чужаков. Перед моим приходом ему снилась фисгармония. Дал мне чаю. Заговорил о том, что римский папа и масоны погрязли в пороке, что у масонов на ягодицах выведены три буквы ДОБ [ДОБРОВОЛЕЦ. — А. Л.] и что в 1924 году видел в небе цифру 110, означавшую конец света. Задал ему несколько теологических вопросов. «Верю в Троицу. Без Отца, Сына и Святого Духа не мог бы жить. Но никакой тайны в этом нет. Все совсем просто, все это есть в Ветхом завете, где такой-то женился на собственной матери». Сообщил мне, что Адам прожил всего-то 960 лет. Говорил о Пятом царстве и т. п. Помывшись, я накачался ромом. Собралась семья Кристи. Трое сыновей, дочка замужем за индусом. У одного из сыновей ребенок от индианки; темная женщина, в церкви не поет. Всю жизнь Кристи стремился сойтись с «избранными», но «их мало и на них трудно рассчитывать».

Суббота, 21 января 1933 года

Двинулись в путь в 6.45 и в одиннадцать были на ранчо Вонга [китайца из Джорджтауна. — А. Л.]. Чудесный португалец Д’Агиар и его жена-индианка; угостили меня яичницей, кофе, говяжьим фаршем, апельсинами. Маленький коттедж из глины, веранда под тростниковой крышей с низкими стенами, на них вешается гамак. Мухи. Река. Трогательные украшения: цветные открытки, из тех, что продаются вместе с пачками сигарет,

фотографии, обложки журналов. Сумасшедшая полуденная жара. Сбился с пути, потерял уйму времени, нашел дорогу с помощью А. из Падуи. Пришли бразильские соседи с многочисленными детьми; все пожимали мне руку. Два индейца (один — вылитый мистер Хайд[202]); облокотились на парапет и несколько часов неотрывно на меня смотрели.

Воскресенье, 22 января 1933 года

Выехал рано на бородавчатой, но крепкой гнедой кобыле и на ранчо Харта прибыл в одиннадцать. Несколько больших зданий; жилой дом с потолком и полом. Библиотека: книги самые разнообразные, в большинстве изъедены муравьями: «Юные гости», «Зловещая улица», «Ставка — свобода», «Что должен знать молодой человек», «Практические навыки столярного мастерства» и т. п. Принял душ. Харт отсутствует. Миссис Харт (Эмми Мелвилл), ее брат, шесть мальчиков и полоумный племянник, сын Джона Мелвилла и его троюродной сестры (ушла от него с неким мистером Кингом). Обед: несколько тарелок мяса, манка.

Гувернантка в шортах. Дала мне журналы с дневниками Кэрри Элвиза[203].

Интересная встреча с Кристи: «Кому придет в голову, что любовь к Богу нуждается в доказательствах?», «Почему у меня перед глазами должно быть изображение той, с кем я говорю ежедневно? К тому же оно ничуть на нее не похоже».

Мальчики прибыли оч. поздно. Прайс осунулся; всю дорогу толком ничего не ели — спорили, кому готовить.

Вторник, 24 января 1933 года

Месса в семь[204]. Весь день просидел на галерее в шезлонге и сплетничал с отцом Мейтером. Читал К. Грэма[205] об иезуитах в Парагвае.

Среда, 25 января 1933 года

Месса в 7 утра. Весь день читал. Сделал несколько фотографий. У отца Мейтера проживу до первого февраля: дождусь возвращения Дэвида Макс-и-Ханга, старшего vaquero[206], которого отец Мейтер дает мне в качестве проводника до Боа-Виста. Он наполовину китаец, наполовину индеец племени

аравак; прекрасно говорит по-английски и по-португальски, человек очень спокойный и дельный. Появился в понедельник и договорился, что лошади и еще один проводник прибудут к среде. Тем временем отец Мейтер оказывает мне всевозможные благодеяния: отыскал змеиное дерево, срубил сук мне на посох в дорогу. Смастерил чехол для моего фотоаппарата: сначала это был всего-навсего просторный кожаный мешок, но потом он преобразился в необычайно сложную конструкцию из оцинкованного железа, телячьей кожи, оленьей шкуры и старой тряпки.

В воскресенье сплавали на лодке в лавку к Фигереду, с ним пообедали и, из вежливости, переели. Побывали у него в лавке, где купить было решительно нечего, и я приобрел для миссии crème de menthe. Фигереду угостил нас пивом и crème de cacao[207]. К обеду явился англичанин Гор; у него неподалеку ранчо, он женат на индианке; говорил о Диком Западе, каким его снимают в кино. Взял с собой на побережье нашу почту, и, воспользовавшись этим, я сочинил исключительно глупый очерк про Рупунуни. Чехол для фотоаппарата был готов за пять минут до отъезда, в среду. Отец Мейтер дал мне заодно каменный топор и два мундштука — попросил передать их Д. Б. Пристли[208].

Бон-Саксесс-Боа-Виста, среда, 1 февраля 1933 года

Выехал из миссии в половине второго на крепкой серой лошадке; гамак сзади, за седлом. Впереди шурин Дэвида на молодой резвой гнедой; на спине у него рюкзак, набитый книгами и консервами; в руках зонтик и змеиное дерево. Сзади, на рыжей лошади, уже с нагнётом в холке, держась следом за мной, — Дэвид. До середины дня ехали под проливным дождем. Перешли вброд Такуту и еще одну речку. Места ничем не отличаются от Рупунуни: песок, трава, фиговые деревья. Нигде ни скота, ни лошадей. До первой стоянки добирались в темноте. Амбар с тростниковой крышей отперт, но тоже погружен во тьму. В гамаках какой-то человек и несколько детей мужского пола. Пока Дэвид и Франциско поили лошадей, я сидел на ящике. Неожиданно маленький мальчик принес мне крохотную чашечку отличного кофе. А потом — лампу: огарок, плавающий в налитом в миску говяжьем жире; света не меньше, чем от свечи, но затушить — труднее. Отвратный запах отсыревшего тростника. Накрыли на стол: манка и тушеная tasso (вяленая говядина). Ел очень мало, спал плохо.

Четверг, 2 февраля 1933 года

Дэвид сказал, что за сегодняшний день надо проехать двадцать четыре мили. На рассвете оседлали лошадей, сложили вещи и в 6.45, выпив по глотку кофе, отправились в путь. В восемь добрались до хижины, согрели чаю и съели по куску черствого хлеба. Потом проехали миль восемнадцать по безлюдным местам, под палящим солнцем, пока не увидели разлившийся вонючий ручей с песчаным дном и отбрасывающей слабую тень пальмой над ним. Дэвид: «Остановимся здесь, дадим лошадям отдохнуть, а сами позавтракаем». Я: «А может, сначала доберемся до места?». Франциско: «Еще далеко». Я: «Очень далеко?» — «Мы на полпути». Пожевал черствого хлеба, консервированной колбасы, пить ничего не стал. С час просидели, облепленные муравьями, после чего опять двинулись в путь. Жара, жажда. У лошади Дэвида сильный нагнёт; приходится часто перекладывать поклажу и снимать с нее седло. Под бразильские седла подкладывают тряпки и солому. До жилья добрались только в половине шестого. Выпил три или четыре ковша воды. Помылся, переоделся. Молодой, миловидный, бородатый бразилец с сыном; тип лица негритянский, жены не видать. На ужин опять манка и tasso; так устал, что есть не в состоянии. Дэвид сварил мне какао. Лежал в гамаке — даже раздеться не в силах. Заснул; снилось, что парализован. Проснулся на рассвете усталый, как собака.

Боа-Виста, суббота, 4 февраля 1933 года

Встал совершенно больной и смертельно усталый. Ехали три часа — то по бушу, то по саванне. Маленькая ферма на Рио-Бранко, на противоположном берегу от Боа-Виста. Мелководье, посредине островки. Ждали час, пока нас не подобрал на своей лодчонке местный фермер. Вместе с двумя vaqueros переплыли (бесплатно) на другой берег; пастухи вместе со своим стадом быков переночевали на той же ферме, что и мы.

Первое впечатление от Боа-Виста: среди деревьев на высоком (теперь) берегу черепичные и тростниковые крыши. Песчаный пляж, где стирают и купаются девушки. На крутой горе бенедиктинский монастырь. Отец Мейтер дал мне с собой рекомендательное письмо на латыни. Монастырь с виду похож на больницу, вид имеет очень солидный и привлекательный: черепичная крыша, деревянные полы и потолки, скошенные с одной стороны, где дорога идет под уклон. Бетонные колонны

отделены низким забором от сада с симметрично расположенными, выложенными кирпичами клумбами. Резная деревянная входная дверь и т. п. Окна остеклены, ступеньки каменные, веранда большая. Прождал на ступеньках минут десять. Немец высунулся из окна и заговорил с Дэвидом по-португальски. Такой же гость, как и я. Наконец, в монастырь с дороги поднялся священник в белой сутане; ввел нас в очень уютную, при этом скромно обставленную приемную с искусственными цветами на столе и плетеной мебелью. Священник — швейцарец, немного говорит по-французски. Сказал, что парохода на Манаус в ближайшее время (возможно, несколько недель) не будет. Я послал Дэвида навести справки. Пока он ходил, принял душ, переоделся и в полной прострации повалился на кровать. Вернулся священник, сказал, что завтрак готов, — его приготовили и принесли из женского монастыря монашки. Завтрак холодный, но вкусный: суп, тушеное мясо, рис, фасоль, блины и лимонад с каким-то особенным, медицинским, привкусом. Пока я ел, священник сидел напротив; разговор не клеился. После обеда лег на пару часов.

Вернулся Дэвид: пароход специального уполномоченного отплывает 10-го, а совершающий регулярные рейсы — 20-го. Решаю остаться. Дэвид разобрал вещи, слуги подготовили комнату. Сидел в прежнем коматозном состоянии; чудовищная головная боль. Ужин в шесть. Отличная, разнообразная пища. Разговаривать не получается: английский язык немца совершенно непонятен. Он местный плантатор. После ужина ходил взад-вперед по террасе, пока я не настоял, чтобы он сел. В постель — в 8 вечера. Принял лошадиную дозу хлородина и насмотрелся впечатляющих снов.

Воскресенье, 5 февраля 1933 года

Месса в семь. Молятся в основном девушки в брачных вуалях, со всевозможными лентами и медалями. Сзади несколько мужчин. После Такуту церковь кажется очень нарядной. Как бывает в школе при женском монастыре, гимны распевают елейными голосками. Под ногами, когда идешь в церковь, хлюпает грязь и скрипит песок. Лавчонки и частные дома грязные, убогие. Поддерживать разговор необычайно трудно: плантатор-немец по-английски говорит еле-еле, а по-французски еще хуже; священник не знает английского вовсе, да и французского, в сущности, тоже. Даже когда они говорят между собой по-немецки, то понимают друг друга плохо; приходится

прибегать к португальскому. На всех языках немец говорит с одинаковым произношением. Швейцарец предпочитает слова длинные и малоупотребительные. Иногда обсуждаем новости: кораблекрушения в Атлантике и т. д. «Правда, что в Джорджтауне голодают?» Иногда говорим на общие темы. «Был бы король Георг королем, не будь он масоном?» Каждое сказанное им слово священник подолгу обдумывает. Молитва в семь; очень жарко. Потом — в кафе; пил пиво с немцем и холостым лавочником.

Пятница, 10 февраля 1933 года

Четыре дня непередаваемой скуки. Читать нечего — разве что жизнеописания французских святых и проповеди Боссюэ[209]. Беседа с немцем совершенно невыносима. <…> Нашел французскую книжку путевых очерков, вот названия глав: «Le jardin du paradis», «A l'ombre de mes dieux», «Быть или не быть», «Sous le signe de Mystère», «La mort qui romp», «La Vierge de solitudes»[210].

Воскресенье, 12 февраля 1933 года

Вчера написал плохую статью, но зато придумал сюжет для рассказа[211]. Пароход не отойдет до 20-го — таково общее мнение.

Вторник, 14 февраля 1933 года

Дописал рассказ. Пароход прибывает завтра, но пойдет ли он в Манаус, не знает никто. Принял решение возвращаться в Гвиану; попробую вернуться в Джорджтаун через Кайетур и Бартику. У Джона Рота родился сын; предложил проводить меня до Кайетура, но дорогой, которая, судя по всему, ничего хорошего не сулит.

Понедельник, 27 февраля 1933 года

Весь день отдыхал[212]; читал «Домби и сына», много ел и много спал. Отец Кири отбыл в субботу. В среду надеюсь, вместе с Тедди Мелвиллом, отправиться в Курупукари.

Суббота, 4 марта 1933 года

Собирался уехать сегодня, но не смогли добыть лошадей, поэтому еду завтра. Маршрут изменил: вместо того чтобы двигаться в Курупукари, попытаюсь добраться до Кайетура через горы Пакараима. Принял решение и теперь ищу этот путь на картах, наношу маршрут, однако никто здесь этой дороги не знает, и все будет зависеть от того, удастся ли найти в Типуру проводников и носильщиков.

Чего только ни делал для меня отец Мейтер: чинил седла, смастерил седельную сумку, отмерил нам в дорогу манной крупы, муки и т. д. <…> Нашел мне проводника из Макуши, зовут Эйсебио. На все, что ему говорится, он отвечает: «Да, отец», у него нет ничего своего — ни одежды, ни чашки, ни ножа. Говорит, что умеет готовить. Беру с собой вьючного быка. И медикаменты из лавки Фигереду: бальзам «Неотложная помощь Редуэйз», канадское масло от ожогов, овощной концентрат «Лидия Пинкэм» — все это с американскими ярлыками. Одолжил у отца Мейтера барометр и «Чезлвита»[213].

Миссия святого Игнатия — ранчо Харта, воскресенье, 5 марта, 1933 года

Проснулся в 5.30. Дэвид и Эйсебио уже оседлали лошадей и быка. Уложил вещи и выпил кофе; в путь в 7.15; небо серое. До трех часов дня не жарко, пасмурно, иногда моросит дождь. Шли шагом, рядом с быком, до тех пор пока не вышли на шоссе в Бон-Саксесс, на настоящую дорогу для транспорта, а не на тропу для скота; называется миссионерская дорога, ведет напрямую в Юпукари. Обогнал быка и двинулся по следу от колес, миновал Манари и Наппи, перешел вброд две речушки и в 2.10 увидел впереди деревню с загоном для скота и стоянкой. Навел справки: оказалось, что от дороги на Пирару отклонился сильно в сторону. Только потом понял, что свернуть надо было в Наппи. След от машины Харта, на которой он развозит продукты в приграничные лавки. Пока индеец поил лошадей, сидел на крыльце; выпил бренди, сделал несколько снимков; ничего не ел. Чтобы меня позабавить, индеец продемонстрировал свое брачное свидетельство. Деревня Мараканата. В путь в 2.50. Широкая, прямая тропа. Лошадь очень устала. Устал и я; жажда; в 4.45 увидел Пирару, добрались до нее в 5.30. Харт дал мне чаю и сыру, а также полотенце, пижаму и гамак. Ужин в семь. В восемь Харт позвал на молитву. Вся семья и старая индианка ходили

взад-вперед в лунном свете и совершали таинство.

В 8.30 прибыл Эйсебио с быком; на лице всегдашняя улыбка. Я решил задержаться здесь еще на день, дать отдых лошади и себе. По словам Харта, старуха из племени пиай, она живет в миссии святого Игнатия, притворяется, что летает. Явилась сюда в первой половине дня с предвестием о скором моем появлении.

Понедельник, 6 марта 1933 года

Спал беспокойно, проснулся в каком-то оцепенении. Отправил Эйсебио к Мануэлю Луису. Кофе — в семь. Занятия с детьми — в восемь. Слышал, как чернокожая гувернантка стращает детей моим именем. Над таблицей умножения пролито много слез. Вечером явился Тедди Мелвилл — и очень кстати, ведь наутро я отправлялся в путь. Опять молебен, на этот раз не снаружи, а в доме. <…>

Пятница, 17 марта 1933 года

Всякий раз когда отец Кири не молится за наше благополучное путешествие, день складывается благоприятно. Вот и сегодня он пригрозил, что за нас помолится, но мне удалось его отговорить. На этот раз мы вышли относительно рано. Весь день ехали бушем. Мне удалось нанять у индейцев плотного серого жеребца. Вел его Марко, без седла и уздечки. Я сумел проехать на нем лишь половину пути, то садясь, то спешиваясь. Не говоря уж о том, что часами ехать верхом без седла утомительно, тропа была слишком узкой и предназначалась лишь для пешеходов, лошади же натыкались на деревья. Путешествие, тем не менее, оказалось вполне сносным, время прошло незаметно: пока ехал верхом, мечтал, что спешусь и пойду ногами, и наоборот. Мы шли, вопреки карте, по реке Тумонг, трижды переходили ее вброд и в конце концов оставили ее справа. Остановились перекусить на скалистом выступе посреди реки и в 3.30 прибыли в Анандабару, в деревянный дом, построенный Хейнсом, когда он промышлял алмазами. На дороге нас встретил посланец от Винтера. На пути из Курукубару он остановился на ночь и не сумел отложить отплытие парохода, шедшего сегодня утром в Кайетур. Анандабару окружен папоротником, где из-за местного ботаника начался лесной пожар. Блох вокруг столько, что, даже когда идешь, а не стоишь, они облепляют штаны толстым слоем. Винтер передал нам ключи

от комнат, и мы повесили гамаки и выкупались. Рядом росла липа, мы допили бренди с лаймовым соком, доели последние бутерброды, остатки солонины и риса и удалились на покой вполне довольные жизнью. В девять вечера на нас обрушились потоки дождя, удержать его крыша оказалась бессильной. Отыскал один сухой уголок, куда, перевесив гамак, забился; просидел там всю ночь. За стеной, перекрывая громогласным храпом шум ливня, крепко спал отец Кири.

Вторник, 28 марта 1933 года

Винтер договорился было, что меня и еще нескольких человек с сахаром и мукой отправят на плоту в Кайетур. Однако вчера явился с почтой и всем прочим какой-то чернокожий, и было решено, что отправлюсь я завтра вместе со всеми. За последние десять дней не произошло ничего особенного, съестные припасы тают на глазах. Охотникам ничего подстрелить не удалось. Съели красивую птицу — похожа на фазана. И какого-то грызуна, здесь он зовется лабба, на вкус как свинина. А еще — оленину и малосъедобную дикую индейку, а также — дикого кабана. <…>

У всех индейцев есть домашние животные: попугаи, домашняя птица, голуби-трубачи, варакабра с ломкими ногами, свиньи и т. д. Особым спросом в лавке пользуется моя шляпа, а также одеяло и носки. Ручные часы привлекают повышенное внимание. Индейцы обожают все непривычное.

Винтер: незлобиво поругивает чиновников, рассуждает о взяточничестве и некомпетентности, об алмазах, которые продаются и перепродаются каждому вновь прибывшему, трещинки замазываются чем-то белесым. Покупатели возвращают агенту фальшивые камни и, за отсутствием денег, алмазами больше не промышляют.

Томас — строил дом с помощью маленького мальчика, носит белый жилет, а иногда подштанники и всегда шляпу и сандалии — ушел от жены из-за того, что та родила ему близнецов. Его пытается заарканить какая-то девица; семья в расстройстве.

Агнес училась в Джорджтауне, вернулась и поняла, что не переносит ни свою мать, ни своего любовника. В результате любовник женился на матери и душу из нее вынимает, а сама Агнес спит с учителем португальского.

Чтобы индейцы работали, необходимо их улещивать.

Смешивал коктейли из купленного для притираний спиртного. В воскресенье ноготь на большом пальце наконец

сошел, и дела пошли на лад[214].

Многие против строительства губернаторской дороги: сплошной песок и корни, да и поддерживать ее будет дорого.

По словам одного черномазого, грузового сообщения нет уже две недели. Обочину горной дороги обработать невозможно. <…>

Слово «история» употребляется здесь в широком смысле. «Конец истории» означает «вот и всё»; «плохая история» — «плохо дело» и т. д.

Вторник, 4 апреля 1933 года

С помощью угроз и подкупа катер удалось отправить спустя два часа сорок пять минут после назначенного времени. Уютно устроился в средней части судна вместе с тремя негритянками, которые непрерывно что-то ели, и четвертой в парусиновых туфлях, с термосом, золотыми серьгами и мешком мятных леденцов. Капитан преклонных лет. В Рокстоун прибыли в 8.30 вечера и отплыли в половине двенадцатого. Билетер никак не мог сосчитать билеты, машинист — завести мотор. Двенадцать человек вместе с багажом набились в один грузовик, прицепленный к трактору. В Висмаре были в четыре утра. Повесил гамак на палубе и проспал два часа, не обращая внимания на орды москитов. Рокстоун совершенно обезлюдел. Висмар — маленький, оживленный городок; населен черными, индусами и китайцами.

Среда, 5 апреля 1933 года[215]

Расплатился по счетам. Пароход отошел в 8.30 утра. Дать телеграмму в Джорджтаун невозможно.

Пятница, 6 июля 1934 года

Встретился с Хью [Лайгоном. — А. Л.] в Холкерсе и выпил с ним джина. В «Лиллиуайтсе» приобрел лыжи, ледорубы и вязаный шлем[216]. Сэнди очень доволен: везет с собой горы шоколада и морфий. <…> Примерил в магазине в Холборне ветровку и стеганые штаны. Какие-то туристы-спортсмены покупали палатку. Стоило мне войти, как продавец догадался: «Экспедиция на Шпицберген». Купил спальный мешок и

подстилку из прорезиненной ткани. После ужина у родителей собирал вещи. Часов в десять вернулся в «Сэвил». Позвонил в «43»[217] попросил к телефону Уинни. Ответили, что ее еще нет, тогда поехал к ней домой. Разыграла спектакль под названием: «Как мне грустно, что ты уезжаешь».

Суббота, 7 июля 1934 года

<…> Поезд отходил в половине второго. Поначалу пребывали в отличном настроении, опорожнили в вагоне-ресторане кувшин шампанского с портером и несколько рюмок ликера. А потом, разомлев от жары, взялись за джин и выпили его столько, что стюард устал ходить взад-вперед. К шести вечера поутихли; сидели, засучив рукава, в полной прострации, и жена священника поедала нас глазами. В Ньюкасл поезд прибыл с часовым опозданием.

Сэнди получил разрешение из Министерства внутренних дел на вывоз морфия; должен был предъявить его на таможне, таможенники были предупреждены.

Плыли вторым классом. Каюты хорошие, но на пароходе отсутствовал бар и не хватало прислуги. Ужинать сели только в десятом часу. На столе стояли маленькие металлические тарелочки с сардинами, помидорами, сыром и пр. Мы было решили, что это hors d'oeuvres[218], но потом обнаружили на столе блюдо с разогретой тушенкой и поняли, что это и был весь ужин.

За нашим столом сидел норвежец.

— Вам нравится норвежская селедка? — спрашивает.

— Да.

— Она очень дешевая.

На следующий день мы предложили ему целую тарелку селедки.

— Слишком много разговоров о рыбе, — сказал он. — Она *очень* дешевая.

Наверху в курительной Сэнди разговорился с человеком с Гебридских островов, а Хью — с врачом, который должен был пересесть на «Родни». Я устал. Спать лег рано и принял снотворное.

Воскресенье, 8 июля 1934 года

Норвежец, который жаловался на дешевую рыбу, напился еще до завтрака. Сидел в курительной, пел народные песни и

повторял: «Ку-ку, ку-ку». Сначала это было смешно. Попытался пройти по стульям, но разбил головой электрическую лампочку, та лопнула с оглушительным грохотом. Потом очень расстроился: стюард был с ним груб, и твердил, что за билет заплатил не меньше других и что пиво и сигареты нам дают только потому, что мы англичане. «Это несправедливо, это несправедливо», — повторял он. Норвежец сошелся с еще одним пьянчугой, и они принялись танцевать. Если верить второму пьяному, его ждала любимая девушка, и, в подтверждение своих слов, он продемонстрировал флакон купленного ей парфюма. Потом попытался затеять ссору на том основании, что мы, мол, «еще сосунки». После обеда и тот и другой скисли. В Бергене, в шесть утра, вид у них был не ахти, но свою шутку про «ку-ку» они не забыли. Еще на пароходе были мужчина в килте и замужняя пара в зеленых кожаных шортах.

Прежде чем войти в порт, полчаса плыли среди фьордов. Вначале мне показалось, что Берген некрасив: среди зеленых холмов торчат красные фронтоны, складские помещения, как на Темзе, — прямоугольные.

Laisser-passer[219] Сэнди пригодилось, и наш багаж без всякого таможенного досмотра переправили на пароход, следующий в Тромсё. «Венере» это судно уступало во всех отношениях: угрюмые офицеры, неудобные каюты на четыре койки. Свои вещи нам пришлось таскать самим. Разместившись, вышли на берег. Вдоль гавани выстроился ряд прелестных бревенчатых домов XVIII века с псевдоклассическими фронтонами. Поискали глазами какой-нибудь веселый ресторанчик, но не нашли ничего, кроме громоздкого, пустого отеля с оркестром; назывался отель «Розенкранц». Хороший ужин и плохое кьянти. После ужина безуспешно искали кафе. Хью отправился спать на берегу. На нашем пароходе свет выключали в двенадцать, в это время еще только смеркалось, а в 10.30 было светло как днем.

10, 11 и 12 июля 1934 года

Медленно двигаемся по фьордам на север, скользим между островками, останавливаясь три-четыре раза в день у деревенек с деревянными домами. Когда на первой же пристани сходил на берег, рассек себе голову; кровь лилась рекой. Из Молде в Гемнес ехали в лютый холод на машине, на пароме переправились в Кристисунн, где снова поднялись на пароход. В Тронхейме приняли ванну и позавтракали в отеле с пальмами во дворе. Все утро шел дождь, и собор с могилой святого Олафа[220] был

закрыт. Чем дальше продвигаемся на север, тем пейзаж все больше напоминает времена короля Артура. В эту минуту на пути в Будё светит солнце (накануне дождь шел целый день), и горы по правому борту склоняются, как на гравюре Доре[221].

Пароход забит до отказа. В третьем классе гомонят дети. Вместе с нами в каюте плывет лютеранский пастор из Провиденс, штат Роуд-Айленд. Спит не раздеваясь, целыми днями лежит на своей койке и читает английских мистиков. На борту можно встретить американцев, англичан и даже французов, но больше всего — норвежцев. Все они хороши собой — и молодые, и старые. Читаем Эдгара Уоллеса, смотрим на карту и играем в пикет и бридж; в пикет — только мы с Хью, в бридж — втроем. И отпускаем бороды — это наше основное занятие. У Хьюи борода золотистая, растет ровно. Моя — черная и неровная: на щеках густо, а вот на подбородке пустовато. Сэнди бреется. <…>

В пятницу 13-го бросили якорь в Тромсё и с «Принцессой Рангильдой» расстались. <… >

В Тромсё в жизни нашего лидера [Сэнди Глена. — А. Л.] существенную роль стали играть старики. Стоило нам сойти на пристань, как он исчез, буркнув, что должен найти «какого-нибудь великолепного старика». В течение двадцати четырех часов нашего пребывания в Тромсё он предпринимал эти поиски, при этом нельзя сказать, чтобы ему сопутствовал успех. Вечером вернулся пьяный и принялся сбивчиво рассказывать про какого-то «совершенно уникального» старика, который считается лучшим ледоходным шкипером в Арктике. По его словам, старик этот пропил 60000 фунтов и спас от смерти самого Ротшильда. В Тромсё было необычайно жарко, и в карты мы играли, засучив рукава рубашек. Одного из стариков нашего лидера звали Рёте; глухой норвежец, служил в американской армии, а теперь был британским вице-консулом. Рёте очень нам пригодился: ходил с нами в магазин, обналичивал наши чеки, при этом не пил ни капли и даже не заходил в винную лавку. Вечером пошли с ним в кино. Надо было сделать кое-какие запасы — купить картошку, апельсины, ром, носки и т. п.

Во второй половине дня 14-го числа, в сопровождении нескольких стариков, отобранных нашим лидером, мы поднялись на борт «Люнгена». Лидер предупредил нас, что нам предстоит самая неинтересная часть нашей экспедиции, но, как и все его предсказания (например, что Тромсё — международный курорт с многочисленными барами и отелями), и это тоже оказалось не

вполне соответствующим действительности. В субботу утром мне удалось послушать мессу. «Люнген» — маленький пароход, находящийся на государственной субсидии. Совершает он пять рейсов в год; в летние месяцы выходит в море каждые две недели. Зимой Шпицберген отрезан от Норвегии. На борту было всего три-четыре пассажира, поэтому в распоряжении каждого из нас имелась двухместная каюта. Обогнув острова, мы взяли курс на Хаммерфест, куда приплыли вскоре после полуночи. Днем было тепло, а ночью в иллюминатор каюты пробивались ослепительные лучи солнца, и спать было почти невозможно.

Утром небо заволокли тучи; похолодало. Пароход довольно сильно качало, и у всех пассажиров, у Хью и лидера в том числе, развилась морская болезнь. Вот и я большую часть дня пролежал у себя в каюте, читая Саки[222]. Ночью принял тройную дозу снотворного и проспал тринадцать часов. Во вторник 17-го было по-прежнему холодно, но к вечеру море успокоилось, и Хью с лидером сели играть в пикет; Хью выигрывал партию за партией. Около семи вдали появилась южная оконечность Шпицбергена, и с этой минуты со стороны нашего правого борта тянулась земля. Черные горы; среди них плывущие в море ледники; иногда между свинцовым небом и свинцовым морем пробивалась узкая серебряная полоска яркого света. Ослепительно белые ледники; облака, срезающие верхушки гор. После ужина море успокоилось. Пишу эти строки около одиннадцати вечера; часа в два ночи должны бросить якорь в Бухте Пришествия.

18 июля 1934 года

В Бухту Пришествия вошли рано утром. Безрадостный пейзаж. Низкие облака, гряда холмов, бесцветных и темных; холмы голые, травой поросли только на склонах, у самой воды. Упирающиеся в облака вершины гор белой грядой снега на черном фоне напоминают зебру. У самого берега плещутся небольшие айсберги цвета купороса. Выгрузили поклажу, и Хью с лидером решили перевести ее на шлюпке на вельбот, который часов семь-восемь не мог сдвинуться с места. Спустился к себе в каюту и лег спать. Вышли в море около одиннадцати и прибыли на место без каких-то минут пять. Целый день простояли на баке, жуя сыр и запивая его жидким чаем. Пристали к берегу в месте, которое одни называют Шотландским лагерем, другие — Брюс-Сити. Четыре сруба у подножья ледника: дома брошены, но в состоянии вполне приличном. Самый большой сруб использовался в прошлом году членами Оксфордской экспедиции

в качестве опорного пункта. После них остались кое-какие вещи, в том числе несколько тетрадей с не представляющим никакого интереса акварельным рисунком; пролежали здесь эти тетради целый год, из них пол года — под снегом, и нисколько не пострадали. Построен был лагерь в 1907 году какой-то сомнительной горнорудной компанией. По рельсам ходит наверх вагонетка, мы и загрузили ее своими припасами. Вернулись на вельбот и выпили рому. Наш лидер передал бутылку матросам; им ром особого удовольствия не доставил, а вот у нас с Хьюи вызвал немалое беспокойство. Вокруг домов гнездятся крачки; стоило нам появиться, как они с пронзительными воплями принялись пикировать у нас над головами[223].

Пятница, 10 июля 1936 года

Писал рецензию на «Слепого в Газе»[224]. Обедал с Хью. Зашел к Лоре; пили чай и перекусывали. Ужинал на Брутон-стрит с Мэри и Габриэл[225]. Ходили с Беллоком[226] на пьесу Л. Выглядела Л. чудесно — как будто шла на эшафот, да и говорила прекрасно. <…>

Лондон-Рим, среда 29 июля 1936 года

Проснулся рано, еще не протрезвел; утро провел в трансе. В два сел в «Римский экспресс». Приятное путешествие в пустом спальном вагоне. Послал Лоре телеграмму — очень может быть, предосудительного содержания. <…>

Ассизи, среда, 5 августа 1936 года

С каждым днем все жарче. И все скучнее без Лоры. Вечер неописуемой красоты. Побывал в Сан-Доминиано.

Неаполь-Джибути, понедельник, 10 августа 1936 года

Даже сейчас, когда на палубе веет приятный ветерок, в каюте находиться невозможно. То ли еще будет в Красном море? В субботу почти весь день провели в Мессине — грузились. Теперь нагружены так, что двигаемся еле-еле. Для тропиков пароход не предназначен совершенно. В нашей каюте задраены все

иллюминаторы, кроме одного; вентиляции никакой. Зато еда, хоть и простая, но сносная, да и мои соседи по столу поняли, что поддерживать общую беседу я не охотник. Один из членов команды разгуливает по палубам в сапогах для верховой езды со шпорами. Другой офицер спит у меня в каюте; на нем сетка для волос. В свободное время они стреляют по тарелочкам и, как правило, промахиваются. Вчера на палубе служили мессу; присутствовали исключительно пассажиры второго класса; из первого — всего несколько человек. На пароходе пятеро детей. По вечерам — кино. С утра до вечера зубрю итальянский — пока добился лишь того, что позабыл французские слова, все до одного.

Пятница, 14 августа 1936 года

Из экономии решил ехать прямо в Аддис-Абебу. Всю ночь проспал на палубе. Стоянка в Порт-Судане. Во всем чувствуется порядок. Молодой назойливый офицер выговорил пассажирам за то, что сидят на перилах. В Порт-Саиде полицейский сержант, англичанин, заглянул в мой паспорт: «Так вы, значит, британец? А по-английски говорите?» В Порт-Судане на вопрос, можно ли мне сойти на берег, последовало: «Вы ведь плывете на итальянском пароходе, неужели непонятно?»

Вечером нечто вроде концерта с мороженым и любительским пением.

Джибути, вторник, 18 августа 1936 года

В Джибути прибыли рано утром. Долго швартовались. В отелях «Аркады» и «Континентальный» свободных мест нет. В конце концов, за несколько минут до появления итальянского офицера, спавшего в общей спальне на лестничной площадке, удалось получить номер в «Европе». Встретился с весьма обходительным итальянским консулом. Поехал в «Континенталь», где обнаружил Ли и Мориартиса. Последний недавно из Аддис-Абебы: в городе голод, сторожевые отряды сняты; уверяет, что Аддис еще до Машала будет в руках эфиопов, пусть и всего на несколько часов. Говорит, что казнь патриарха — непростительная ошибка. Ясно одно: итальяшкам приходится туго. Месяц назад в Хадине сошел с рельсов и был ограблен поезд; пассажиров высадили и продержали тридцать шесть часов взаперти на каком-то складе; телеграфные столбы повалены,

мосты впереди и сзади взорваны, отправить следом еще один поезд невозможно. В Аддис поезд пришел только через четыре дня, несколько пассажиров умерло, гречанка с двумя детьми во время грабежа спряталась под вагоном и отделалась синяком под глазом. Войска Эритреи отведены. Дорогу на Дессе итальяшки не контролируют. Из Дессе и Дэбрэ-Бырхана они, скорее всего, свои войска вывели. Несколько недель назад бои шли в лесах вокруг английского посольства. Недавно попали в засаду тяжелые грузовики. По всей стране действуют вооруженные до зубов шифты [мародеры. — А. Л.] Хлеб не посеяли, поэтому голод неминуем. Тем временем железнодорожное сообщение с Аддис-Абебой восстановлено полностью. <…> Итальяшки бродят по Джибути с видом ошарашенных туристов.

Четверг, 20 августа 1936 года

<…> Местные итальяшки крайне сговорчивы, а вот англичане неуживчивы, «дерут нос». Линия обороны Вахиб-Паши так и не задействована: армия понесла большие потери еще до того, как обратиться к паше за помощью, и доукомплектовать боевой состав уже некем. Нассаху бежал вместе с пашой. Газ пускали четыре-пять раз — в основном на южном направлении и в пещерах; ослепших развезли по госпиталям. Во время обстрела в Хараре не было ни одного военного, тем не менее впоследствии мародеры отыскали спрятанные припасы продовольствия и оружия. Войдя в город, итальянцы отдали его на растерзание бандам туземцев, и те перебили всех христиан, каких удалось найти, в том числе трех священников неподалеку от английского посольства. После чего bandi[227] были из города выдворены. Привычные жалобы на работу телеграфа и почты. У меня за окном вьюрки.

Среда, 26 августа 1936 года

Фашистское сборище в честь немецкого консула. Славословия в адрес Гитлера и незабываемой поддержки дружественной Германии в ответ на варварские антиитальянские санкции. Выстроившиеся школьники в форме спели «Giovinezza»[228]. Беседа с Нистромом. Сказал, что ожидавшаяся в декабре победа откладывается: ежедневные обстрелы императорских позиций, войска разложены, солдаты мародерствуют. От газа погибло всего восемнадцать человек, но психологическое воздействие газовой

атаки велико. Армия отступает под огнем собственных же людей (своей же артиллерии). Поехал в утопающий в грязи, вонючий лагерь морской пехоты на ферме за Гебби. Оттуда к Расу — но тот в это время находился в бою. Император скрылся с 10000 фунтов, его жена имеет несколько сот в год и дети — тоже. Большая часть князей также находятся в бегах, но их состояние очень невелико. Сражение всю ночь. До рассвета бьют тяжелые пушки, весь вечер в воздухе аэропланы.

Четверг, 27 августа 1936 года

Завтрак под пушечные выстрелы. Вчера вечером подумал, что еще никогда не бывал в городе, где столько обездоленных. Поехал в Гебби к Грациани[229]. Кабинет очень неказист. Сидит среди останков императорской обстановки. Очень оживлен и деловит. Ни слова о римской цивилизации и преступных санкциях. Фашистская фразеология отсутствует. Расспрашивал меня, где я побывал, куда хочу поехать, располагаю ли временем. Предложил мне отправиться на юг, присоединиться к войскам, действующим на озерах. Полгода назад я бы за такое предложение ухватился, теперь же ответил отказом.

Асмэра, воскресенье, 30 августа 1936 года

<…> В Асмэру приехал в 11.30. Был принят главой пресс-бюро толстяком и милягой Франки; отвел меня в бунгало на территории отеля. Получил много телеграмм, где говорилось о моей особе, счел, что я женщина, и весь вчерашний день, бедный, прождал меня в крайнем возбуждении. Обедал с ним в отеле. Обед плох. Изо всех сил старался мне угодить. Слава Богу, что взял с собой из Аддис-Абебы несколько книг. Ходил по городу — вид безотрадный. В городе, построенном для 2 000 белых, сейчас живут 60000 черных. Толпы людей — все мужчины. Мое бунгало отвратительно: ни света, ни воды. Постель кишит блохами.

Понедельник, 31 августа 1936 года

Произвел ряд реформ и ощутил себя Элизабет Фрай[230]. Новая лампа, в ванной — карболка, новый матрас. Зато потом весь день бездельничал. Когда итальянцев упрекают, что в городе грязно, они говорят: «Мы в Африке». Раз тропики для них предлог

для несоблюдения гигиены — это плохой знак. Вспомнил, что никто иной, как итальянцы, изобрели трущобы и сами же в них жили.

Вторник, 1 сентября 1936 года

Встал в 5 утра; в 5.30 с Франки и еще одним офицером выехал на бешеной скорости в Аксум. Сильно простужен. Туман. Дорога просто великолепная: гудрон, бетонные парапеты <…>. В шесть утра рабочие идут на работу. Головные уборы от солнца, спецодежда. Получают 40 фунтов в день плюс содержание. Все — средних лет, многие с бородой. Через Мареб перекинут большой стальной мост. Проехали кладбище, где лежат семьдесят рабочих — их в феврале прошлого года перебила в Маи-Алада, прямо в постелях, банда, возглавляемая монахом.

Адува. Много древностей. Дома каменные или бревенчатые, в основном двухэтажные. Стоят группами, каменные стены, приворотные башенки. Вокруг чинары, под одной из них в 1896 году пытали аскари[231]. Повсюду красные флаги, над офицерскими борделями флаги желтые. Никаких признаков артобстрела. За городом большой лагерь. К итальяшкам местные относятся по-дружески. Дети распевают «Giovinezza». Поехали дальше, в Аксум. Остановились в немыслимо грязном лагере, где пренебрегают элементарными гигиеническими нормами; скауты, и те лучше. Солдаты небриты, бродяги грызут хлебные корки. <…>

Воскресенье, 6 сентября 1936 года

Хотел пойти на мессу, но в церковь войти невозможно. Весь день бродил с угрюмым видом по городу. Вечером Франки устроил в мою честь небольшой прием при участии неразговорчивых морских офицеров и псевдошампанского. После ужина побывали в борделе, где семь девиц работают с 9.30 утра до 11.30 вечера с двухчасовым перерывом на обед. Каждому клиенту они предоставляют от пяти до десяти минут и берут 25 лир. Раз в три месяца им полагается отпуск. Когда мы пришли, в помещение набилось человек восемьдесят, ожидавших своей очереди в просторном коридоре, в двух комнатах поменьше и на лестнице. Мебели никакой, за исключением скамеек, на которых сидели клиенты, и большого стола, заваленного фуражками. <…>

Лондон, среда, 16 сентября 1936 года

Спустившись, обнаружил письмо от Лоры. Пишет, что я могу ее повидать и что Мэри опять предлагает отложить свадьбу. <… > Ничего не решил, кроме одного: буду учтив.

Мэллз[232], понедельник, 21 сентября 1936 года

Опять взбесился; на этот раз из-за письма от Лоры: интересуется, не хочу ли я снять в Лондоне дом вместе с Мэри. Пребываю в полном смятении. Днем ездили смотреть дома в Нанни и Уотли, о которых говорила Кэтрин. Дом приходского священника в Уотли не дурен — но от тысяч других английских домов ничем не отличается. И нет приличной гостиной. Домоправительница миссис Хейнс провела нас по дому. Увидев кран, я спросил, какая вода из него льется, горячая или холодная. «Я должна спросить каноника». — «А почему просто не пустить воду?» — «Из этого крана вода не течет». Дом в Нанни прелестен. Очень невелик, рядом — замок и фермерские службы. Изысканный фасад XVIII века. Позвонил спросить, продается ли дом. На звонок вышла молоденькая, хорошенькая девушка: «Как это вы догадались? Мы только что, за обедом, приняли это решение. Объявления еще не давали». Арендатор дома фермер мистер Янг, сохранив за собой одну комнату, отдал его в долгосрочную субаренду этой девушке, ее матери и, по всей вероятности, их родственникам. И внутри, и снаружи дом требует основательного ремонта, но хорош необычайно. Комнаты обшиты панелями, очень красивая лестница из дуба и орехового дерева, норманнские погреба. Выложив кругленькую сумму, из него можно сделать один из самых прелестных маленьких домов в Англии. <… >

Четверг, 24 сентября 1936 года

Приехала Мэри Херберт. После чая все вместе отправились смотреть дома в Нанни и в Уотли. Судя по всему, свыклась с мыслью, что Лора выходит замуж. Теперь остается преодолеть только одно, зато самое серьезное препятствие — тетю Веру[233]. <… >

Мэллз и Лондон, понедельник, 12 октября — пятница, 16

октября 1936 года

В Мэллз вернулся злой и подавленный. Нет отбоя от деловых телеграмм и междугородних звонков. В четверг, 15-го, написал, и, по-моему, очень удачно, первую страницу романа, где описывается раннее утро Дианы[234]. <…>

Кембридж, воскресенье, 18 октября 1936 года

Ранняя месса на Фарм-стрит. Лора проводила меня до Хатфилда. На станции встречен был вежливым старшекурсником. Выпил шерри с отцом Д'Арси и отцом Гилби. Пообедал, и неплохо, в «Юнион». Осмотрел несколько колледжей. Гилби — превосходный гид. День невиданной красоты, солнце после дождя, осенняя листва. В оранжерее старик в котелке поливает ландыши. Бесконечно долгое, тягостное чаепитие у католиков-старшекурсников. Ранний ужин в Тринити. Не плох. Выступал в Обществе Фишера при полном зале. В основном рассказывал всякие забавные истории. Лекция, прямо скажем, не самого высокого класса, но позабавить собравшихся удалось. Они привыкли к худшему. После лекции отвечал на вопросы.

Лондон-Мэллз, четверг, 29 октября 1936 года

Закончил вторую главу романа [«Сенсация». — А. Л], отдал ее машинистке.

Остенде, пятница 30 октября 1936 года

<…> С Вудрафами[235] и Эктонами двухчасовым поездом до Остенде. Море спокойное. Остенде пуст, почти все отели закрыты. Гуляли вдоль моря на ветру. В казино действуют всего две рулетки. Отлично поужинали в ресторане «Renommé»[236]. Выиграл 5 фунтов.

Суббота, 31 октября 1936 года

Ездили на машине в Брюгге; пришел в священный ужас от фламандской готики. <…> Шофер с необычайной гордостью продемонстрировал нам фабрику для производства ядовитого

газа. Под проливным дождем — в Гент. Пообедали и посетили мрачный замок, который привел в восторг Дугласа и Дафну. <…>

Оксфорд, воскресенье, 8 ноября 1936 года

В Оксфорд поехал с Крисом, у него лекция в Ньюмене. Обедал с Ноксом; огорчен нашим приездом <…>. Побывал в Кэмпион-Холле. Видел последние приобретения Д'Арси. Отличный Мурильо — не исключено, что подлинник, красивые облачения, масса всякой ерунды: акварели студентов, вырезанные из книг репродукции, кое-какой фарфор <…>. Ходил на лекцию Криса. О выборах Рузвельта говорил с таким трагическим видом, как будто проиграл битву при Лепанто[237]. Начал было забрасывать его вопросами, но одумался: он был явно не в форме. Пришло известие, что Мадрид пал. <…>

Лондон, пятница, 20 ноября 1936 года

Ездил в Лондон. Обедал с Лорой у Бульстена. Был в киностудии Корда; хочет, чтобы я написал ему пошлый киносценарий про девиц из кабаре. <…>

Мэллз, четверг, 3 декабря 1936 года Передовица в «Таймс» про миссис Симпсон[238].

Пятница, 4 декабря — вторник, 8 декабря 1936 года

Скандал с Симпсон привел всех в неописуемый восторг. В частной лечебнице «Мэйди» взрослые пациенты, все как один, почувствовали себя значительно лучше. Это из тех редких событий, которые всем доставляют радость и очень мало кому — огорчение. Почти всю неделю читал газеты и слушал радио. Написал рецензию на скучные эссе Олдоса Хаксли и дотянул киносценарий до скучного и неубедительного финала. Завтра, в среду, еду в Лондон. <…>

Среда, 13 января 1937 года

В «Таймс» — объявление о помолвке [И. Во и Лоры Херберт. — А. Л.]. <…>

Отель «Истон-Корт», Чагфорд[239], 4 февраля 1937 года

Поехал в Чагфорд, где пробыл почти до самой Пасхи. Корда прислал очень тупого американца по имени Корнелл, с которым мы вместе должны были работать над сценарием к фильму. Его вклад был равен нулю, зато мне удалось отредактировать уже написанное, а потом, в Лондоне, продиктовать третий, более длинный вариант сценария. С тех пор от Корда ни слуху ни духу, и я тружусь над романом: материал хорош, а вот композиция пока хромает. <…> Лора дважды ездила в Париж — покупать приданое, а я пару раз — в Лондон с ней повидаться.

<…> Я назначен директором «Чепмен-энд-Холл». Инмен[240] произнес речь, и не одну, после чего мне с большой помпой вручили совершенно бессмысленный набор ножей и вилок. Разослал приглашения на свадьбу: под тем или иным предлогом отказываются почти все. Начинают приходить подарки, в основном низкого качества; исключение — Асквиты: подарили нам превосходные подсвечники и стол. <…>

Неделя в Чагфорде: держу корректуру, пишу статьи для «Нэша» и веду сложнейшую переписку с юристами, архитектором, страховой компанией и т. д. Ворвался в деревенскую лавку, где накупил массу старой мебели, каминных решеток и пр.

Суббота, 17 апреля 1937 года

К ранней мессе: Д'Арси, Лора, Херберты и Вудрафы. Завтрак в «Сент-Джеймс»: Дуглас и Ф. Хауард; Генри пришел позже. Переоделся, пропустил у Паркина стаканчик — и в церковь, где был обвенчан с Лорой. <…> В Париже забрали свадебное платье Лоры, поужинали в Тур д'Аржан (утка под прессом, лесная земляника), Мюсиньи, 14, и минута в минуту сели в «Римский экспресс».

Портофино, воскресенье, 18 апреля 1937 года

Спал хорошо, Лора — нет. Таможня, паспорта и т. д. — очень суматошно. Ели из бумажного пакета, проехали на запряженном лошадью экипаже из Святой Маргариты в Портофино. Прелестный день, прелестный дом, прелестная жена — чистое счастье. <…>

Четверг, 6 мая 1937 года

День Вознесения. Достопримечательности. В «Паоли» отличные cannelloni[241]. С 4.50 до 7.50 футбольный матч в маскарадных костюмах. Лора в восторге. За ужином в подвальчике выпила лишнего, купила кошку (заводную). Оркестр неистовствовал.

Пирс-Корт[242], пятница, 12 ноября 1937 года

Всякий раз, когда Лора напоминает мне о недавних событиях, которые привели меня в восторг, но про которые я напрочь забыл, я искренне поражаюсь тому, какой дырявой стала моя память. Вот почему я решил в очередной раз попробовать вести дневник ежедневно. <…>

Пятница, 19 ноября 1937 года

Сегодня днем, когда работал в саду, со мной произошла необычайно странная вещь: я подпрыгнул, чтобы срезать у себя над головой ветку остролиста, и получил сильнейший удар в глаз и в нос; судя по всему — собственным кулаком. Необъяснимо. Монах приписал бы случившееся дьявольскому наваждению. Как бы то ни было, боль жуткая, да и синяк во все лицо. Написал в «Харперс Базар» статью об опасности увлечения Афиной Палладой. Алекс угостил восхитительным вином — «Шато Лафори-Пейраге 1924». <…>

Вторник, 23 ноября 1937 года

Разметил колышками квадратную лужайку перед домом. Опять сел за роман; что-то начинает получаться.

Пятница, 10 декабря 1937 года

Отлично выспался, проснулся в прекрасном настроении и, как следствие, целый день не работал; занят был единственно тем, что ублажал Лору.

Понедельник, 10 января 1938 года[243]

<…> Работа над «Сенсацией» идет медленно, все время что-то мешает, отвлекает. Еженедельник «Ночь и день» вот-вот закроется. Мои с ним отношения складывались не лучшим образом. В последнем издании моих произведений дюжина экземпляров большого формата, половину я уже раздарил. Умерла герцогиня Ратлендская. О боях в Теруэле[244] поступает разноречивая информация; впрочем, газеты теряют к испанской войне интерес.

Пирс-Корт, пятница, 30 июня 1939 года

В рецензии, написанной из лучших побуждений и напечатанной в «Дейли мейл», говорится, что «Грабеж по закону» изобилует «отталкивающими историями об аморальности священников и монашек». Повез Диану Купер и Конрада в Стэнкомский грот.

Четверг, 27 июля 1939 года

После двух недель жизни в Пикстоне[245] беру несколько дней отпуска. Каких только гостей не было за это время. <…> Я раз шесть переписал первую главу романа[246], прежде чем она приобрела сносный вид. <…> В газетах только и пишут о бомбах ИРА, уступках японцам, нелепой зависимости от русских переговоров[247].

Пирс-Корт, пятница, 4 августа 1939 года

Вернулись домой и обнаружили, что из-за дождя все работы в саду остановлены; сорняки высотой с дерево. Прюитт поработал на славу: с помощью сажи уничтожил на кругу всю траву. Сад запущен точно так же, как два года назад, когда мы сюда приехали. На распродаже библиотеки сэра Чарльза Превоста Кук купил мне переплетенные в телячью кожу проповеди, которые мне не нужны, и два огромных парных портрета Георга III и его супруги, которые повергли меня в смятение. Эти портреты король подарил первому баронету, бывшему губернатору многих подвластных территорий, в том числе и Канады. По всей видимости, они перевозились из одного Дома правительства в другой Дом правительства и в пути сильно пострадали. Новая телефонная служба у всех вызывает неподдельный интерес.

Воскресенье, 20 августа 1939 года

<…> С каждым днем война кажется все более неминуемой. С каждым днем Алек все более погружается в себя, в свою профессию.

Вторник, 22 августа 1939 года

Россия и Германия заключили Пакт о ненападении, и теперь откладывать войну нет уже никакого резона.

Четверг, 24 августа 1939 года

Днем трудился в саду, чистил дорожку. И думал: зачем я все это делаю? Через несколько месяцев здесь и на теннисном корте я буду выращивать брюкву и картофель. Или уеду отсюда, и тогда все тут зарастет сорной травой, сад станет таким, каким был два года назад, когда мы сюда приехали.

Пятница, 25 августа 1939 года

Судя по новостям, на мир рассчитывать не приходится. Призывы папы столь общи и избиты, что у нас, где никто не сомневается, что мир предпочтительнее войны, они прошли незамеченными. Быть может, в Италии, где не все разделяют эту нехитрую мысль, призывы понтифика будут иметь больший отклик. Написал письмо Бэзилу Дафферину с просьбой связать меня с Министерством информации. У них в Лондоне сейчас, надо полагать, горячие денечки. Трудился над романом — идет неплохо.

Воскресенье, 27 августа 1939 года

Обедал с Кристофером Холлисом в Мэллзе. Мэйди заботит только одно: как война скажется на ее обязанностях домоправительницы. К причастию. Склоняюсь к тому, чтобы пойти в армию рядовым. Лорино финансовое положение лучше, чем у большинства жен, а если бы мне удалось сдать на время войны дом, оно бы упрочилось еще больше. Интересно, через тридцать лет я по-прежнему буду писать романы? Для меня как

для писателя нет ничего хуже, чем работать в государственном учреждении; и нет ничего лучше, чем полностью изменить образ жизни. Есть символическая разница между тем, кто пошел на фронт солдатом, и тем, кто защищает отечество на гражданской службе, — даже если в этом качестве он представляет большую ценность.

Пятница, 1 сентября 1939 года

Неделя тянулась очень долго. Домашние держатся на удивление спокойно. Министерство информации от моих услуг отказалось. Написал — скорее, чтобы сделать приятное Лоре, чем рассчитывая на успех, — сэру Роберту Вэнситарту[248] и Джерри Лиделлу. Отдал дом на откуп нескольким агентам <…>. Сегодня сюда должны привезти эвакуированных детей. <…>

Написав эти строки, отправился в дом приходского священника забрать стулья после чаепития в сиротском приюте. Мистер Пейдж только что слушал по радио десятичасовые новости: Германия бомбит Польшу <…>. Слушали радио в машине миссис Листер. Доктор заверил, что эвакуация организована идеально. Детей, однако, нет до сих пор. Появились пустые автобусы. Вслед за ними — полицейский в двухместном автомобиле; сказал, что детей оказалось на 400 человек меньше, и в Стинчком не доставят никого. <…>

Суббота, 2 сентября 1939 года

Судя по всему, недостатка в добровольцах вооруженные силы не испытывают. Всё как прежде — вот только до Лондона дозвониться невозможно; ждешь соединения по полтора часа. Готовим дом к приезду ответственных за эвакуацию. Из комнат, которые я им предоставляю, выносим все ценные предметы. В одиннадцать узнали, что сегодня эвакуируемых не будет. Тягостный день. Послал в «Таймс» объявление о сдаче дома в аренду; предложил свои услуги через Брюса Локарта[249]. Позвонил Питерсу; теперь он работает в Министерстве информации. Надеюсь, что поможет мне туда устроиться. Вечером прибыло некоторое количество матерей и детей. Ходили в кино в Дерсли; в новостях над Болдуином[250] открыто потешались. Начал действовать приказ о затемнении. Нас дважды останавливали и предупреждали, что следует выключить фары.

Воскресенье, 3 сентября 1939 года

Месса и причастие. После завтрака выступление премьер-министра[251]: война началась. Говорил очень хорошо. Вслед за выступлением всевозможные меры безопасности: закрытие развлекательных заведений, предупреждения о воздушной тревоге и т. д. На чердак своей конюшни мистер Пейдж пустил нищенку; она беременна, четверо детей. Принесли ей кровать и кое-что из одежды. Сидит за столом в слезах, а Пейдж безуспешно пытается продеть через перила проволоку, чтобы дети, за которыми мать не следит, не свалились вниз. По деревне бродят небольшими группами малыши; вид унылый, потерянный.

Понедельник, 4 сентября 1939 года

Среди эвакуированных есть люди, которые думают, что спасаются от ИРА. Есть и такие, кто крайне недоволен незначительной материальной поддержкой правительства, эти в раздражении возвращаются домой. Однако большинство устраивается на новых местах. Сейчас стало понятно, что нас их размещение не коснется. Вежливая записка от Вэнситарта — препоручает меня лорду Перту[252]. Пишу длинные письма Перту и Питерсу, объясняю, что мог бы осуществлять связь с иностранными военными корреспондентами. Провожу операцию по установлению готической балюстрады. Особенно тягостно вечерами; сидим за закрытыми ставнями, полиция восприняла приказ о затемнении слишком буквально: владельцев домов отчитывают за самую крошечную полоску света, которую и на бреющем полете не углядишь.

Четверг, 7 сентября 1939 года

В газетах как-то вдруг стало совершенно нечего читать. Письмо от лорда Перта; пишет, чтобы я ждал распоряжений. Власти окончательно помешались на затемнении. Бампер машины закрасил белилами, черной краской — фары. Приходили смотреть дом.

Воскресенье, 17 сентября 1939 года

<…> Последние дни очень тягостны. Все идет к тому, что

Великобритании нанесут совместный удар Россия, Германия и Япония, а возможно, и Италия; Франция будет перекуплена, Соединенные же Штаты будут сочувственно наблюдать за происходящим из-за океана. Если бы мне не надо было копаться в саду, умер бы со скуки. <…>

Понедельник, 25 сентября 1939 года

Монашки доминиканского ордена подтвердили: берут наш дом с первого октября. Весь день готовлю сад и дом. Газеты смакуют захват русскими польских земель на востоке, как будто для наших союзников, которых мы призваны защищать, это более тяжелый удар, чем наступление немцев на западе. На довод итальянцев, что мы, дескать, сами себя наказали, не объявив войну России, ответить нечего.

Вторник, 26 сентября 1939 года

Явились две монашки: сестра Тереза, ее мы уже видели, и еще одна — повариха, робкая и болезненная. Не успели прийти, как тут же стали добиваться очередных поблажек: позвольте нам въехать не в воскресенье, когда мы начнем платить аренду, а в пятницу; дайте до воскресенья двум нашим сестрам пожить бесплатно; давайте мы купим у вас ваши запасы не по розничной, а по оптовой цене и т. д. Телефонный звонок: у епископа возникли трудности, и сделка в самый последний момент может сорваться. Крайне утомительные посетительницы.

Лондон, вторник, 17 октября 1939 года

Ездил в Адмиралтейство — работает как часы. Видел Флеминга[253]; сообщил мне, что в ближайшее время мои шансы получить назначение невелики. При этом обнадежил: «Вы в моем списке». Из Адмиралтейства — в Министерство обороны, где царит полная сумятица. Центральный коридор — как железнодорожный вокзал во время отпусков. Безостановочно снуют мужчины и женщины в форме и в гражданском. Нескольких офицеров, точно носильщиков, со всех сторон забрасывают вопросами. Один офицер сообщил мне, что единственный способ попасть наверх — выйти на улицу и, позвонив по телефону, получить пропуск. Так я и поступил: звонил и одновременно

стригся. Принял меня какой-то безумный юнец, представившийся капитаном Веррекером. Просидел у него в кабинете полчаса, присматриваясь к работе его департамента. Кроме капитана в комнате сидели еще двое. За это время не было ни одного телефонного и нетелефонного разговора, где бы речь ни шла либо о потерянных документах, либо о нарушении телефонной связи. Потерялось, кстати сказать, и мое письмо тоже. И вот наступил драматический момент:

— Представитель северного командования у телефона. — Сказано в состоянии крайнего возмущения.

— Симпсон расхаживает в гражданском, да к тому же в нарукавниках.

Выяснил, что работы для меня нет, и пошел в «Сент-Джеймс», где съел полдюжины устриц, половинку тетерева, целую куропатку и персик и выпил полбутылки белого вина и полбутылки «Понте-Кане» 1924 года. С этого момента день пошел по восходящей. Вечеринка с коктейлями у Майкла Росса. Затемнение и в самом деле чудовищно; только и разговоров об уличных происшествиях: ночной сторож в «Сент-Джеймс» рухнул с крыльца, любовница Сирила Коннолли охромела, и теперь Сирилу ничего не остается, как вернуться к жене. <…>

Пикстон-Парк, среда, 18 октября 1939 года

Отправился к валлийским гвардейцам, где два чудесных офицера весьма преклонных лет провели со мной собеседование и меня приняли. Говорят, что через полгода смогут мне что-нибудь предложить. Немного успокоившись, вернулся в Пик-стон, где был встречен свежей порослью вшей.

Суббота, 21 октября 1939 года

Письмо от валлийских гвардейцев: их список пересмотрен, и я в него не вошел. Моя первая мысль: в Министерстве обороны есть кто-то, кто меня недолюбливает. Вторая мысль: полковник Литэм по-своему мягкосердечию раздает назначения налево и направо, за что получил выговор. В любом случае, больше мне рассчитывать не на что. Вечером испытал на себе новое снотворное зелье, изобретенное местным эскулапом. Впоследствии он признался, что обычно давал его женщинам, у которых начинались родовые схватки. Спал хорошо, но проснулся на пределе отчаяния.

Отель «Истон-Корт», Чагфорд, понедельник, 23 октября 1939 года

Проснулся в еще более подавленном состоянии, чем накануне. Осмотрев Лору, доктор сказал, что ребенок родится через месяц. Поэтому решил уехать в Чагфорд в надежде закончить (или почти закончить) роман до того, как придется забирать Лору из Пикстона. Поехал поездом. <…>

Вторник, 24 октября 1939 года

Писал все утро. Вторая глава уже на что-то похожа, главное же — полно идей. После обеда долго гулял в одиночестве. А потом немного работал опять.

Среда, 25 октября 1939 года

Днем восьмимильная прогулка. Абсурдное письмо в «Таймс» Герберта Уэллса. Предлагает сочинить новую Декларацию прав человека, что, во-первых, глупо, во-вторых, вредно. Дает банальные практические советы вроде «Никакой касторки», пишет о необходимости создать Хартию туриста, в основе которой «бережное отношение к природе».

Пятница, 27 октября 1939 года

Работалось хорошо. Идут разговоры о немецком вторжении.

День Всех Святых, 1939 год

Дождь идет не переставая третий день, и, как следствие, роман пишется хорошо, а сплю плохо. Проснувшись сегодня утром, сказал себе: «Ну вот, спал же!» Взял рукопись романа с собой в спальню из страха, как бы ночью она не сгорела. По правде сказать, я так им увлекся, что впервые с начала войны не ворчу, что не попал в армию. А раз так, назначение получу в самое ближайшее время, не иначе.

Говорят: «В прошлую войну генералы усвоили урок, поэтому на этот раз массовой резни не будет». Спрашивается, а как добиться победы без массовой резни?

Пятница, 27 ноября 1939 года

<…> Наконец-то в Министерстве обороны мне присвоили номер в Специальных резервных войсках; кроме того, вторично подаю заявление в лейб-гвардию. Благодаря ходатайству Уинстона Черчилля, Бракена и бывшего генерал-адъютанта мне прислали из морской пехоты анкету, в чем раньше отказывали. Так что, вполне возможно, еще повоюем.

Написал еще 6 000 слов романа и, соответственно, лишился сна: чем лучше работается, тем хуже спится. В субботу и воскресенье прошли слухи, что немцы вот-вот вторгнутся в Голландию, однако после выходных военные действия вновь ограничиваются разведывательными полетами. Вступил в переговоры с «Чепмен-энд-Холл», Осбертом Ситуэллом и Дэвидом Сесилем о выпуске еженедельного журнала «Срок».

В этом году 11 ноября двухминутным молчанием не отмечалось. Помню почти все Дни перемирия. Первый — когда в школе несколько часов подряд творилось бог знает что и нам по случаю праздника выдали к чаю заливное, которое мы терпеть не могли. Второй — когда двухминутное молчание было еще в новинку, воспринималось благоговейно, и дирижер школьного оркестра исполнил в Верхнем дворе «Последний рубеж». Помню этот день в Оксфорде: мы с Хьюго Лайгоном пьем шампанское в «Клубе новой реформы». В Астон-Клинтоне директор отказался устраивать двухминутное молчание, и некоторые ученики, чьи отцы погибли на войне, попросили меня отметить этот день. А в Абиссинии Стир выставил армянина из посольской часовни.

Далвертон, суббота,18 ноября 1939 года

В девять позвонила Бриджет: «Рожает!» Выехал на машине в Пикстон. Приехал после обеда; Лоре дали морфий: весела и боли почти не испытывает. К вечеру ей стало хуже, и местный доктор обратился за помощью в Тивертон. Вскоре после полуночи у меня родился сын [Оберон Александр. — А. Л.].

Воскресенье, 19 ноября 1939 года

Никогда Лоре не бывать такой счастливой, как сегодня.

Среда, 22 ноября 1939 года

Последние несколько дней Лора пребывает в полном благорастворении духа. Ее клонит ко сну, она радуется жизни. Живу в деревне, в пансионе, где среди женщин распространился слух, будто в пятницу вечером я был навеселе. Из морской пехоты пришла длинная анкета; один из вопросов: страдаю ли я хроническим недержанием. Весьма вероятно, что именно в морскую пехоту меня и зачислят.

Суббота, 25 ноября 1939 года

Пошел на медкомиссию — проходила в квартире в Сент-Джеймсе. В крошечной комнатке ждали своей очереди три-четыре юнца и два красавчика уже в военно-морской форме — они проходили тщательное обследование для зачисления в морскую авиацию. В поношенных белых халатах, с сигаретами в зубах входили и выходили врачи. Начал я с того, что проверил зрение, — итог печальный. Когда меня попросили, закрыв один глаз, прочесть на расстоянии таблицу, я не разобрал не только букв, но и строчек. Ничего не оставалось, как подсмотреть. Потом вошел в соседнюю комнату, где врач мне сказал: «Ну-ка посмотрим, каким вас мама родила. А сутулый-то какой! Зубные протезы носите?» И постучал меня молоточком по разным частям тела. Когда я оделся, мне вручили запечатанный конверт, который я должен был передать в Адмиралтейство. В такси я конверт распечатал, нашел записку, где говорилось, что я обследован и признан к военной службе не годным. После такого вердикта проходить собеседование едва ли стоило. Я, тем не менее, на собеседование явился и обнаружил в приемной тех же самых юнцов. Внутрь они входили порознь, нервной походкой, а наружу вышли все вместе. Наконец, пришел мой черед. Полковник (?) в хаки был со мной крайне любезен, извинился, что заставил ждать, и тут меня осенило: я принят! «Врачи, — изрек он, — не самого высокого мнения о вашем зрении. Можете прочесть?» — И он ткнул пальцем в рекламный щит на противоположной стороне улицы. Я прочел. «А впрочем, задания вы будете большей частью выполнять в темноте». И он предложил мне на выбор либо морскую пехоту, призванную осуществлять внезапное нападение на противника, либо зенитную артиллерию на Шетландских островах. Свой выбор я остановил на морской пехоте и ушел в отличном расположении духа. <…>

Вторник, 28 ноября 1939 года

Лоре полегчало <…>. Новости в основном поступают из Финляндии. «Дейли экспресс» решила опередить события, уже на второй день русско-финской войны газета вышла с огромным заголовком: «Финляндия капитулирует». Этот заголовок, а также заголовок из «Дейли миррор»: «Линия Зигфрида прорвана в двенадцати местах» — идеальные примеры неподцензурной журналистики.

<…> На следующий день — в Чатэм; еду в штатском. В поезде узнал человека, с которым вместе проходил медкомиссию: высокий, лысый адвокат из Плимута по фамилии Беннетт. Такому только и служить в морской пехоте — любит плавать под парусами. Повстречав других кандидатов, мы были потрясены: из 2 000 претендентов нас осталось всего 12, и трудно было представить себе зрелище более жалкое. Тихий, незаметный бухгалтер Сент-Джон: претензия на высокий интеллект; слабый мочевой пузырь. Мертвенно-бледный молодой человек из Северного Уэльса с пышными кавалерийскими усами. Этот Гриффитс потряс подавальщиков в столовой тем, что в любое время суток пил галлонами горячую воду и требовал французскую горчицу; в мирное время был школьным учителем. Виноторговец Хэдли — холерического вида толстяк. И это еще самые лучшие. Остальные — печального вида юнцы в офицерском звании. Странно было видеть эти экземпляры в отборных частях, призванных быть несокрушимыми.

Регулярные же морские пехотинцы — чудесные люди, которые кичатся своей неизвестностью. «Откуда вы про нас услышали?» Приняли нас совсем не так, как написано в книге, которую Бриджет дала мне почитать для поднятия настроения. Старшие офицеры приветствовали нас, как приветствуют гостей смущенные хозяева с массой извинений за неудобства. И с поистине восточной учтивостью: «Не соблаговолит ли почтенный младший лейтенант отведать нашей скромной трапезы в обществе нерадивого бригад-майора». Впрочем, их учтивость, как и всякая восточная учтивость, основана на самоуверенности. Казармы и столовая оставляют очень хорошее впечатление. У меня большая комната с большим камином и одной третью нерадивого вестового. По стенам столовой развешены трофеи, лучшие же картины и серебро на время войны заперты. Еда превосходна. Без развлечений не проходит и дня. В день нашего вступления в морскую пехоту мы не трудились ни минуты; сначала долго гуляли в тумане по Чатему и Рочестеру, а потом сидели в столовой и пили виски, которым угощали нас старшие офицеры. На следующий день к нам обратились с речью командующий и другие официальные лица. «Когда мы садимся за

общий стол, джентльмены, о различии в званиях следует забыть. От вас требуется только одно — уважение к возрасту». Поскольку я старше большинства офицеров, мне эта мысль полюбилась. Над нами взяли шефство некий майор Блендфорд, человек большой души, и славный сержант Фуллер, который строго блюдет честь мундира. По многу часов в день мы возились с военным снаряжением, по многу раз проходили через камеры с ядовитым газом и т. д. В субботу утром нас некоторое время муштровали, а потом повели в казармы. После обеда поехал в Лондон и переночевал в Хайгейте. В воскресенье ходил к мессе на Фарм-стрит, обедал с Хьюбертом и Филлис в «Куальино». Прошло совсем ведь немного времени, а уже странно слышать, как кто-то рассуждает о войне из общих соображений. В «Куальино» полно знакомых — почти все в военной форме. Обратно — в туман и в затемнение, чтобы поспеть к ужину за общим столом и на фильм в гарнизонный кинотеатр.

notes

Примечания

1

В начальной школе Хит-Маунт в Хэмпстеде Во проучился шесть лет. (Здесь и далее — прим. перев.)

2

Написано в семилетнем возрасте.

3

Алек Во (1898–1981) — старший брат Ивлина. Стал популярным романистом, путевым очеркистом и биографом.

4

Отец писателя, Артур Во, — литератор, издатель, с 1902 г. директор-распорядитель в лондонском издательстве «Чепмен-энд-Холл».

5

В Лансинг-колледже, монастырском, средневековом городке Лансинг, графство Суссекс, И. Во учился после окончания Хит-Маунт с мая 1917 по 1921 гг., однако дневник начал вести только с осени 1919 г. Первоначально родители предполагали определить Ивлина в более престижный Шерборн-колледж. Однако после исключения в 1915 г. из Шерборна старшего сына Алека, вызванного его откровениями по поводу гомосексуалистских склонностей некоторых учащихся этой закрытой школы, окончательный выбор пал на Лансинг.

6

У. Шекспир. Король Иоанн. Акт 3, сц. 4. Перевод Н. Рыковой.

7

Имеется в виду незаконченная Кристофером Марло (1564–1593) эротическая поэма «Геро и Леандр» (1598), завершенная Джорджем Чепменом (1559?—1634).

8

В оригинале футбольная команда младшей группы называется «Under Sixteen» — «До шестнадцати».

9

Уильям Темпл (1881–1944) — впоследствии епископ Кентерберийский.

10

Многие соученики И. Во стали известными людьми: Роджер Фулфорд — политиком, историком, автором ряда исторических книг; Хью Молсон — политиком, Дадли Кэрью и Том Драйберг — журналистами, Макс Мэллoвен — археологом.

11

То есть к Дику Харрису, преподавателю Лансинга и воспитателю «Директорского дома», где жил Во. В Лансинге ученики группировались «по домам»; четыре «дома» составляли прямоугольник так называемого нижнего двора.

12

Брент-Смит (прозвище — Брентер Каланча) был органистом и хормейстером колледжа.

13

Сэр Эдвин Генри Лэндсир (1802–1873) — второстепенный английский живописец.

14

Преподаватель литературы, проректор колледжа.

15

11 ноября 1918 г. капитуляцией Германии и подписанием перемирия завершилась Первая мировая война.

16

«На небе и земле — извечное мученье, / И спорит с сердцем мысль и отступает прочь…» (перевод Е. Лебедева) — цитата из сборника «Шропширский парень» (1896) английского поэта и филолога-античника Альфреда Эдварда Хаусмена (1859–1936).

17

«Самым явным свойством отцовской натуры было актерство… Такова была его натура, всякую мысль и чувство он немедленно должен был сыграть», — напишет Во в своей неоконченной автобиографии «A Little Learning» (И. Во. Недоучка. — М.: Вагриус, 2005, с. 92–94. Перевод В. Г. Минушина).

18

Имеется в виду автобиография Артура Во «Путь человеческий» («One Man’s Road»).

19

Джордж Шеррингем (1884–1937) — английский художник и сценограф.

20

Имеется в виду церковь Святого Иуды в Хэмпстед-гарден. Под влиянием настоятеля церкви Бэзила Баургера Во одно время собирался стать священником.

21

«Торжественная месса» (франц.).

22

Вечеринка с танцами (франц.).

23

Имеется в виду лондонский театр «Сент-Джеймс» на Кинг-стрит; открыт в 1835 г.

24

Генри Хинчлифф Эйнли (1879–1945) — английский актер и режиссер; особенно удавались Эйнли роли шекспировских персонажей и прежде всего — в постановках Джорджа Александера (1858–1918).

25

Акт II, сц. 4.

26

У эстета и мистика Фрэнсиса Криза И. Во брал в Лансинге уроки каллиграфии и живописи. Про Криза в дневниковой записи от 28 января Во заметил: «…очень женственный, культурный, манерный и славный; декадент… Я не в восторге от его стиля, но он, безусловно, научить меня может многому».

27

Дж. Ф. Роксберг — преподаватель и старший воспитатель в Лансинге; учитель латыни и греческого; пользовался в школе авторитетом.

28

Эдит Луиза Ситуэлл (1887–1964) — английская поэтесса модернистской ориентации.

29

Будем веселиться, пока мы молоды (лат.).

30

Одна из трех сестер Артура Во; Конни, Трисси и Элси безвыездно жили под Лондоном, в Мидсомер-Нортон, при приходской церкви.

Бестактностей (франц.).

32

«Жан Кристоф» (1904–1912) — роман-эпопея Ромена Роллана (1866–1944).

33

Строки из «Шропширского парня» А. Э. Хаусмена: «Не думай боле: только мысль — дорога в ад прямая».

34

«Новый Макиавелли» (1911) — роман Герберта Уэллса (1866–1946) о политике, оказавшемся в центре сексуального скандала.

35

Тонбридж — мужская привилегированная частная школа в графстве Кент; основана в 1553 г.

36

«Брассо» — фирменное название лака для металлических изделий производства британской компании «Рекитт и Коулмен».

37

Шинфейнеры — члены радикальной ирландской политической организации («Шин Фейн» — букв. «Мы сами»), возглавившей национально-освободительную борьбу против британского колониального господства.

38

Генри Джон Темпл Пальмерстон (1784–1865) — премьер-министр Великобритании (1855–1858); лидер вигов. Бенджамин Дизраэли (1804–1881) — премьер-министр Великобритании в 1868-м и в 1874–1880 гг., лидер тори.

39

Сэвил-Роу — улица в Лондоне, где находятся ателье дорогих мужских портных; название стало нарицательным для обозначения элегантной мужской одежды английского покроя.

40

«Мошенничество» (1920) — пьеса Джона Голсуорси (1867–1933).

41

Барбара Джейкобс, дочь новеллиста Уильяма Джейкобса (1863–1943) — социалистка, феминистка, вышла замуж за Алека Во в июле 1919 г. Барбара посещала лекции по искусству в женском колледже в Риджентс-парке, и Ивлин проводил с ней выходные.

42

В рукописи зачеркнуто.

43

Премьера мистерии Б. Шоу «Кандида» (1894–1895) состоялась в лондонском театре «Ройял-Корт» 25 апреля 1904 г.

44

«Большинство юношеских дневников наивны, банальны и претенциозны» («Недоучка», с. 150).

45

«Король Лир». Акт I, сц. 5. Перевод Б. Пастернака.

И. Во занимался разными видами спорта: входил в команду «дома» по футболу, боксу, плаванию и бегу.

47

Эдмон Дюлак (1882–1953) — французский художник-иллюстратор.

Конфирмация Во состоялась в церкви Святого Иуды.

49

«Столл-тиэтр» — лондонский театр на Кингсвей. Открыт в ноябре 1911 г. как оперный театр; в дальнейшем в нем ставились главным образом ревю и пантомимы. В 1916 г. «Столл» был перекуплен театральным менеджером Освальдом Столлом (1866–1942), который превратил театр в кинотеатр.

50

Речь идет об общенациональной забастовке шахтеров, продолжавшейся с апреля по июль 1921 г.

51

Спектакль по триллеру Германа Сирила Макнила (1887–1937), создавшего под псевдонимом Сапёр образ бывшего армейского офицера, бестолкового силача Бульдога Драммонда, сражающегося с международными террористами.

52

Речь идет о пьесе Во «Обращение» — «трагедии юности в трех бурлесках». Бурлеск I: «Школа, как ее видят тетушки — старые девы». Бурлеск II — «Школа, какой ее видят современные писатели». Бурлеск III — «Школа, как она есть».

53

Нас всех ожидает вечная ночь *(лат.)*.

Во и несколько его друзей получили в колледже за несговорчивость и агрессивность прозвище «большевики».

55

В соответствии с иерархией колледжа, в «скамью» входило восемь ответственных за каждый «дом».

56

Один из лондонских железнодорожных вокзалов.

57

В лондонском театре «Куинз» на Шафтсбери-авеню, открывшемся в октябре 1907 г., поначалу ставились в основном музыкальные пьесы, однако в дальнейшем репертуар театра стал классическим: Шекспир, Шеридан, Шоу.

58

Артур Шницлер (1862–1931) — австрийский драматург и прозаик.

59

«Смуглая леди сонетов» — одноактная пьеса Б. Шоу, написанная в 1910 г. по просьбе Шекспировского общества. Одноактная пьеса «Разоблачение Бланко Поснета», жанр которой Шоу определил как «проповедь в форме жестокой мелодрамы», написана в 1909 г.

60

На оксфордскую стипендию Во планировал сдавать историю.

61

Перси Бейтс — казначей Лансинга.

62

Артур Уильям Саймонс (1865–1945) — английский писатель-символист, поэт и литературный критик. Биографию художника-иллюстратора и писателя Обри Бердслея (1872–1898) Саймонс опубликовал в 1891 г. на страницах издававшегося им декадентского журнала «Савой».

63

Руперт Чонер Брук (1887–1915) — английский поэт, драматург, известен как «национальный военный поэт».

64

Уильям Питт-младший (1759–1806) — премьер-министр Великобритании (1783–1801), лидер так называемых новых тори.

Viva voce — устный экзамен (лат.).

И. Во и его родители долгое время колебались, на стипендию какого оксфордского колледжа подавать — в престижный Нью-колледж или в Хартфорд.

67

Проректором и преподавателем истории Хартфордского колледжа был С. Р. Кратвелл (1887–1941), ставший в 1930 г. ректором. Отношения между Кратвеллом и Во не сложились.

68

Во поступил в Хартфорд-колледж в январе 1922 г. и проучился там до лета 1924-го, однако оксфордский дневник писателя не сохранился.

69

Имеется в виду Бейллиол-колледж, один из старейших в Оксфорде; основан в 1263 г.

70

С приятелем Во по Оксфорду Джоном Сатро (р. 1904), основателем «Оксфордского железнодорожного клуба».

71

Брайен Хауард — знакомый Во по Оксфорду; член Буллингтонского клуба; пьяница, гомосексуалист.

72

Аластер Грэм — ближайший оксфордский друг И. Во; в доме Грэма в Барфорде писался первый роман Во «Упадок и разрушение».

73

Имеется в виду Бартлеттская школа архитектуры, где в это время учился Аластер Грэм.

Так Во называл отца, работавшего в этом издательстве.

75

В лондонском районе Уэмбли, где теперь находится олимпийский стадион, в 20-е гг располагалась Выставка достижений доминионов и колоний Великобритании.

76

Уильям Моррис (1834–1896) — английский художник-прерафаэлит, писатель, теоретик искусства.

77

«Святая Иоанна» — пьеса Б. Шоу о Жанне Д'Арк; впервые поставлена в декабре 1923 г. нью-йоркским театром «Гилд» в помещении лондонского театра «Гаррик».

78

Рональд А. Нокс (1888–1957) — церковный деятель, богослов и писатель; друг И. Во, посвятившего ему книгу «Жизнь преподобного Рональда Нокса» (1959).

79

Джеймс Уистлер (1834–1903) — американский художник, близкий к французским импрессионистам.

То есть в театр «Ройял-Корт».

81

Ричард Артур Хьюз (1900–1976) — английский поэт, драматург, прозаик; автор приключенческой литературы для детей.

82

Киноактриса Элза Ланчестер в 20-е гг. содержала ночной клуб «Пещера гармонии» на Шарлотт-стрит в Лондоне, описанный в романе Олдоса Хаксли (1894–1963) «Шутовской хоровод» (1924).

83

Алек Во жил в Кенсингтоне, на Эрлз-тэррес, 22.

84

Фредерик Беркенхед (1907–1975) — выпускник Оксфорда; политик, общественный деятель, литератор.

85

В дневниковой записи от 21 июля 1924 г. говорится: «Вчера вечером начал ‘Храм под соломенной крышей’ и написал с десяток страниц первой главы».

86

Слейд-скул (школа Слейда) — художественное училище при Лондонском университете; названо в честь филантропа и коллекционера Феликса Слейда.

87

Братья Хью и Элмли Лайгоны были друзьями Во по Оксфорду и прежде всего — по студенческому «Клубу святош». Хьюго Лайгон — прототип лорда Себастьяна Флайта в «Возвращении в Брайдсхед». Уильям Лайгон (лорд Элмли, р. 1903) был президентом оксфордского клуба «Лицемеры».

88

Аллюзия на часто повторяющуюся фразу из «Дневников» Сэмюэля Пипса (1630–1703), где живо и ярко описаны нравы Реставрации.

89

В 20–30 гг. Во близко сошелся с семьей Планкетов-Гринов, живших в Лондоне, в Холланд-парке. Во был влюблен в восемнадцатилетнюю Оливию Планкет-Грин, общался с ее матерью Викторией и с ее старшим братом Ричардом, мотогонщиком, джазистом, литератором, школьным учителем.

90

«Ираис» — анонимный сборник лесбийских стихов; был напечатан частным образом и небольшим тиражом.

91

Накануне, 4 января, Оливия и И. Во встретились сначала в «Кафе Ройял», потом в ночном баре «Элзи», где Во признавался подруге в любви.

92

Хорас Уолпол (1717–1797) — английский писатель, автор готических романов.

93

«Золотая ветвь» (1890–1915) — двенадцатитомный антропологический труд Джеймса Джорджа Фрейзера (1854–1941).

94

Сент-Эдмундс-Холл — колледж оксфордского университета, основан в 1278 г.

95

Джеймс Флекер (1884–1915) — английский поэт, близкий эстетскому движению 80-х гг. XIX в., романист, драматург.

То есть про эпоху Вильгельма III (1650–1702) Оранского, английского короля (1689–1702), и его жены королевы Марии Стюарт, пользовавшейся с мужем равными правами.

97

Генрих VII (1457–1509) — английский король (1485–1509), первый из династии Тюдоров. Генрих VIII Тюдор (1491–1547) — английский король (1509–1547).

98

Яков II Тюдор (1633–1701) — английский король (1685–1688).

99

Силен — в греческой мифологии воспитатель и спутник Диониса — веселый, добродушный, вечно пьяный старик.

100

Майское дерево — украшенный цветами столб, вокруг которого в Англии по традиции танцуют 1 мая.

101

С 13 по 18 апреля Во, вместе с Оливией Планкет-Грин, леди Планкет, Ричардом, его невестой Элизабет и небольшой компанией общих друзей, провел на острове Ланди неподалеку от Барнстепла, в Бристольском заливе, где Грины сняли заброшенный маяк.

102

До тошноты *(лат.)*.

103

«Блэкуэлле» — сеть книжных магазинов.

Об этом времени в автобиографии «Недоучка» Во пишет: «Однажды ночью, вскоре после новостей из Пизы, я в одиночестве спустился к морю, неотступно думая о смерти. Разделся и поплыл от берега. Я действительно хотел утониться? Безусловно, такая мысль меня преследовала».

105

Ричард Планкет-Грин в это время преподавал в школе в Астон-Клинтон, куда будет принят И. Во.

106

Анри Бергсон (1859–1941) — французский философ, представитель «философии жизни» и «интуитивизма»: получил Нобелевскую премию по литературе (1927).

107

Литтон Джайлз Стрэчи (1880–1932) — английский биограф и эссеист; видный участник группы «Блумсбери».

108

Английские художники, члены Прерафаэлитского братства: Холмен Хант (1827–1910), Джон Эверетт Милле (1829–1916), Данте Габриэл Россетти (1828–1882).

109

Филип Бурк Марстон (1850–1887) — английский поэт; автор нескольких сборников сонетов.

«Императорский отель» (франц).

111

Американский омар (франц.).

«Подымайтесь, господа. Маленькие мальчики» (франц.).

113

Шарль Лебрен (1619–1690), Эсташ Лесюэр (1617–1655), Никола Пуссен (1594–1665), Филипп де Шампень (1602–1674) — французские художники-классицисты.

114

«Победоносная мудрость» (франц.). Полное название картины итальянского художника и гравера эпохи Раннего Возрождения Андреа Мантеньи (1431–1506) «Победоносная мудрость, изгоняющая пороки».

115

Сэр Генри Ребёрн (1756–1823) — шотландский художник-портретист.

Лаэрд — шотландский лендлорд.

117

Речь идет о традиционном шотландском спортивном соревновании «метание кейбера» — бревна из ствола молодого дерева.

Замок (франц.).

119

Айвор Армстронг Ричардс (1893–1979) — английский критик, поэт, автор монументального труда «Принципы литературной критики» (1924).

120

Домашний пирог *(франц.)*.

«Великий монарх» (франц.).

122

Двадцатипятистраничное эссе о Прерафаэлитском братстве Во посвятил жене Ричарда Элизабет Планкет-Грин; Аластер Грэм отпечатал его в своей типографии «Шекспир-Хэд-пресс».

123

Фрэнсис Хюффер (1845–1884) — английский музыкальный критик и либреттист немецкого происхождения.

124

Речь идет о рассказе Во «Равновесие. Небылица о старом добром времени широких штанин и джемперов с высоким горлом».

125

Ежегодно 5 ноября в Англии отмечается раскрытие так называемого «Порохового заговора» 1605 г., который был подстроен католиками с целью убийства Якова I (1566–1625) и главой которого был Гай Фокс.

126

Эдгар Уоллес (1875–1932) — английский прозаик; автор популярных в то время триллеров. Герберт Эдвард Рид (1893–1968) — английский поэт-имажист, критик, эссеист, автор биографической и автобиографической прозы.

127

«Многообразие религиозного опыта» (1902) — исследование о психологии религиозного обращения американского философа и психолога Уильяма Джеймса (1842–1910).

«Великобритания» (франц.).

129

Леонард Боуэр — атташе английского посольства в Греции. В феврале 1928 г. в этой должности его сменил Аластер Грэм.

Произведений искусства *(франц.)*.

131

Пирриха — древнегреческий военный танец.

«Железнодорожная гостиница» (франц.).

133

Отель «Россия» (франц.).

«Новый Рим» (итал.).

135

В книге «Оксфорд в двадцатые годы» (1976) Кристофер Эллис пишет, что матери Во сказал, что уволен за пьянство, тогда как на самом деле «его, по его собственным словам, уволили за попытку соблазнить сестру-хозяйку».

136

Гаролд Эктон (р. 1904) — выпускник Оксфорда, одна из наиболее колоритных фигур в среде оксфордцев 30-х гг.; участник Второй мировой войны; литератор, автор стихов (сборник «Аквариум»), двухтомной автобиографии («Мемуары эстета»), художественной и исторической прозы. Близкий друг И. Во, Эктон сыграл немалую роль в становлении идеологических и литературных взглядов писателя. В образе Энтони Бланша Эктон выведен в «Возвращении в Брайдсхед».

137

В Холланд-парке, на Шу-лейн, в Ноттинг-Хилл, находилась школа, где в марте — апреле 1927 г. работал И. Во.

138

Одно время Во собирался написать биографию Россетти.

Издатель; многие «нехудожественные» произведения И. Во (путевые очерки, автобиография) вышли в его издательстве.

140

Ивлин Гарднер (р. 1903) — первая жена Во, на которой он тайно женился 27 июня 1928 г., с которой разошелся в 1929 г. и развелся в 1930-м.

141

В 1928 г. в Англии отмечалось столетие со дня рождения Россетти.

142

Келмскотт Мэнор-хаус в графстве Оксфордшир — дом Уильяма Морриса, купленный им в 1871 г.

143

Мэй Моррис (1862–1938) — дочь Уильяма Морриса.

144

Имеется в виду отделение по изготовлению мебели красного дерева в Центральной школе искусств и ремесел, основанной в 1896 г.

145

Леди Пэнси Пэкенхем — подруга Ивлин Гарднер; снимала вместе с ней квартиру сначала в пансионе на Эбьюри-стрит, потом на Слоун-сквер.

146

То есть с писателем Энтони Пауэллом (1905–2000), оксфордским другом Во, автором многотомного романа «Танец под музыку времени» (1951–1975).

147

Когда Ивлин Во сделал Ивлин Гарднер (чтобы отличить жену от мужа, ее называли «Ивлин-она») предложение, он сказал: «Давай поженимся и посмотрим, как пойдет».

148

На этой записи дневник прерывается на полгода, до конца июня 1928 г. В начале 1928 г. Ивлин Гарднер и Пэнси Пэкенхем уезжают из Лондона в Уимборн, графство Дорсет. Во снимает комнату в Барли-Моу, в двух милях от Уимборна, где начинает писать свой первый роман «Упадок и разрушение».

149

Алетея Фрай — старшая сестра Ивлин Гарднер; жена политика сэра Джеффри Фрая.

150

Дакуорт, который издал эссе Во о Россетти, счел «Упадок и разрушение» романом непристойным и печатать его отказался. В результате Во опубликовал книгу в издательстве «Чепмен-энд-Холл», где работал его отец. В дальнейшем путевые очерки Во печатались у Дакуорта, романы же — в «Чепмен-энд-Холл».

151

Объединенное нью-йоркское издательство Фрэнка Нельсона Даблдея (1862–1934) и Джорджа Генри Дорана (1869–1956) — «Даблдей, Доран и компания».

152

Американский агент Во.

153

Имеется в виду роман О. Хаксли «Контрапункт» (1928).

154

Герои первого романа О. Хаксли «Желтый Кром» (1921).

155

Отец и сын Во были членами престижного столичного литературного клуба «Сэвил» на Пиккадилли.

156

Регги Тернер — прозаик; друг Оскара Уайльда. Реймонд Мортимер — критик.

157

Лорд Альфред Дуглас (Бози) — второстепенный поэт, друг и сожитель О. Уайльда.

158

Леди Бергклир — мать Ивлин Гарднер, теща И. Во.

159

Следующая запись в дневнике датируется лишь 19 мая 1930 г. В феврале 1929-го чета Во отправляется в круиз по Средиземному морю, впоследствии описанный в книге путевых очерков Во «Наклейки на чемодане», однако в пути «Ивлин-она» серьезно заболевает. По возвращении из круиза Во оставляет жену в Лондоне, сам же уезжает из города и начинает писать свой второй роман «Мерзкая плоть», который выходит в начале 1930 г. и сразу же завоевывает всеобщее признание. В июле 1929-го Ивлин Гарднер уходит от Во к редактору отдела новостей Би-би-си Джону Хейгейту. Разводятся супруги спустя полгода, в январе 1930-го.

А. Д. Питерс — литературный агент Во.

161

Джонатан Кейп (1879–1960) — издатель; вместе с Джорджем Реном Ховардом основал издательство, носящее его имя.

162

Сирил Коннолли (1903–1974) — писатель, критик, журналист; в 1939 г. вместе с поэтом Стивеном Спендером основал литературный журнал «Горизонт», где печатались Джордж Оруэлл, И. Во, У. Х. Оден.

163

Леди Элеанор Смит (1902–1945) — журналистка, писательница; в 20—30-е гг. вела светскую колонку в лондонских периодических изданиях.

164

Поль Робсон (1898–1976) — американский певец, актер, общественный деятель. Выступал в различных театральных ролях (в том числе — Отелло), снимался в кино.

165

Нэнси Митфорд (1904–1973) — одна из шести дочерей второго барона Ридсдейла. Близкая приятельница и постоянная корреспондентка Во и его первой жены Ивлин Гарднер, автор многих романов и биографий.

166

Хэмиш Сент-Клэр-Эрскин (1909–1973) — как и Во, выпускник Оксфорда; одно время был помолвлен с Нэнси Митфорд. Типичный представитель «золотой молодежи», описанной в романах Во.

167

Огастес Джон (1878–1961) — английский художник-портретист.

168

Ноэл Коуорд (1899–1973) — актер, драматург, сценарист, композитор, автор стихов, рассказов, романа и двухтомной автобиографии.

169

Мартин Д’Арси (1888–1977) — выпускник Оксфорда, священник-иезуит, автор ряда богословских трудов. В 1930 г. Д’Арси обратил Во в католичество, а в 1937-м совершил обряд бракосочетания Во с его второй женой; двумя годами ранее писатель получил официальное разрешение из Ватикана на развод с Ивлин Гарднер.

170

В конце августа (последняя запись от 23.08) дневник прерывается почти на два месяца. 29 сентября Во принимает католичество. Возобновляется дневник 10 октября во время поездки Во в Эфиопию (тогдашнюю Абиссинию) на коронацию Рас Тафари, провозглашенного императором Эфиопии Хайле Селассие I (1892–1975). Это путешествие послужило материалом и вдохновением для двух книг Во — путевых очерков «Далекий народ» (1931) и романа «Черная напасть» (1932).

171

Кушетка *(франц.)*.

172

Филипп Петен (1856–1951) — французский политик, маршал Франции. Герой Первой мировой войны, коллаборационист — во Второй.

173

Хмурый рассвет (франц.).

Яичница-глазунья *(франц.)*.

175

Унтер-офицер (франц.).

176

То есть Рас Тафари (рас — высший княжеский титул в Эфиопии).

177

Мизер (франц.).

Празднеств… скачки… взаимные пари (франц.).

«Легионеры» (франц.).

«Мой джаз» (франц.).

181

Железная дорога «Джибути — Аддис-Абеба» проходила по территории французского Сомали.

182

Отель «Аркады» (франц.).

183

Ливрейный лакей в гостиницах (франц.).

184

Отель «Франция» (франц.).

185

Иностранное бюро (франц.).

186

Профессор Томас Уиттмор — американский ученый, специалист по церковной архитектуре; реставрировал мозаику в Святой Софии, в Стамбуле.

187

Речь в данном случае идет о соборе Святого Георгия — главной церкви эфиопской столицы.

188

Дебра-Лебанос — самый почитаемый в Эфиопии монастырь, центр религиозной жизни христианской части страны.

189

Имеется в виду императрица Заудита — дочь Менелика II.

190

«Я решил. Мы останавливаемся здесь»… «Это не имеет значения» (франц.).

191

Интрижка (франц.).

192

«Золотая лихорадка» (1925) — фильм Чарли Чаплина (1889–1977).

«Герцог Брабантский» *(франц.)*.

194

На этой, последней, записи путешествия по Африке дневник И. Во опять прерывается — на этот раз почти на два года. Следующая запись — от 4 декабря 1932 г., на пути писателя в Гвиану и Бразилию, откуда Во вернулся в мае 1933-го.

195

Стивен Ван Дайн — псевдоним американского писателя, автора детективов Уилларда Хантингтона Райта (1888–1939).

196

По всей видимости, речь идет о четвертом романе Во «Пригоршня праха» (1934), навеянном путешествием по Южной Америке.

197

Жак Маритен (1882–1973) — французский религиозный философ-неотомист.

198

Тереза (Крошка) Джангмен — светская львица, в начале 30-х гг. близкая подруга И. Во; Беатрис Гиннес — ее мать.

199

Джон Бетджемен (1906–1984) — поэт, эссеист, журналист, искусствовед; поэт-лауреат (1972); приятель И. Во.

200

«Оувалтин» — порошок для приготовления шоколадно-молочного напитка компании «Уондер лимитед».

201

Кристи — прототип мистера Тодда из романа Во «Пригоршня праха».

202

Мистер Хайд — отталкивающий персонаж повести Р. Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекилла и мистера Хайда» (1886).

203

Катберт Кэрри Элвиз (1867–1945) — английский священник-иезуит; основатель миссии в Рупунуни (Южная Гвинея).

204

Накануне, в понедельник 23 января, И. Во прибыл в дом миссионера отца Мейтера в Бон-Саксесс, где пробыл неделю, до 1 февраля, и откуда направился в конечный пункт своего путешествия — бразильский город Боа-Виста.

205

Роберт Бонтайн Каннингем-Грэм (1852–1936) — шотландский писатель, политик и путешественник; долгое время жил в Южной Америке.

Пастух (исп.).

207

Мятный ликер… какао со сливками (франц.).

208

Джон Бойнтон Пристли (1894–1984) — английский писатель, драматург, эссеист и критик.

209

Жак Бенинь Боссюэ (1627–1704) — французский писатель; епископ. Автор проповедей; «О смерти», «О Божьем промысле», «О высшем достоинстве неимущих в церкви Иисуса Христа» и др.

«Райский сад», «В тени моих богов»… «Под знаком тайны», «Смерть, от которой нет спасения», «Богоматерь одиночества» (франц.).

211

«Человек, который любил Диккенса». Впоследствии этот рассказ стал главой «Du Côté de Chez Todd» («В сторону Тодда») в романе «Пригоршня праха».

212

На обратном пути в Джорджтаун И. Во остановился в миссии святого Игнатия, где прожил с 27 февраля по 5 марта.

213

То есть роман Чарльза Диккенса «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита» (1843—1844).

214

На обратном пути в Джорджтаун Во повредил ногу и передвигался с трудом.

215

Здесь дневник прерывается на год с лишним: следующая запись — 5 июля 1934 г. Во возвращается из Южной Америки в Англию в мае 1933 г., в сентябре знакомится в Италии со своей будущей женой Лорой Херберт, дочерью политика, члена Парламента Обри Херберта (1880–1923), на которой женится в апреле 1937 г.

Во, вместе с Хью Лайгоном и Сэнди Гленом, впоследствии председателем правления Шотландского туристического совета, решили в целях подготовки к Арктической экспедиции Оксфордского университета отправиться на Шпицберген.

217

В книге «Роковой дар» (1974) Алек Во называет «43» «наполовину питейным заведением, наполовину борделем».

218

Закуска (франц.).

219

Разрешение (франц.).

220

Олаф II Святой (ок. 995—1030) — король Норвегии (1015–1028); причислен клику святых; считается покровителем Норвегии.

221

Гюстав Доре (1832–1883) — французский график и гравёр; автор иллюстраций к Библии и «Дон Кихоту».

222

Саки — псевдоним английского писателя-юмориста и журналиста Гектора Хью Манро (1870–1916).

223

На этой записи шпицбергенский дневник И. Во обрывается. Писатель возвращается в Англию в конце августа, однако следующая запись появляется только спустя два года, в июле 1936-го, когда Во получает долгожданную телеграмму от архиепископа Годфри, где сообщается, что первый брак писателя Ватиканом аннулирован, и теперь он может сочетаться «законным» церковным браком с Лорой Херберт, как и Во, католичкой. В 1934 г. выходит роман Во «Пригоршня праха», писатель начинает работу над биографией иезуита-мученика Эдмунда Кэмпиона. В *1935* г. Во вновь посещает Абиссинию — на этот раз в качестве военного корреспондента «Дейли мейл», освещающей итало-абиссинскую войну, а летом 1936 г. едет в Абиссинию в третий раз для завершения работы над книгой путевых очерков «Во в Абиссинии».

224

Роман Олдоса Хаксли (1936).

225

То есть в доме Лоры Херберт — с ее матерью Мэри и старшей сестрой Габриэл.

226

Хилер Беллок (1870–1953) — поэт, прозаик, критик, журналист; автор многочисленных романов, биографий, исторических сочинений и путевых очерков.

227

Бандиты (итал.).

«Молодость» (итал.) — песня фашисткой молодежи.

229

Родольфо Грациани (1882–1955) — маршал, главнокомандующий итальянским экспедиционным корпусом в Эфиопии.

230

Элизабет Фрай (1780–1845) — английская квакерша, благотворительница; способствовала реформам в пенитенциарной системе и в здравоохранении.

231

В итало-абиссинской войне 1896 г. Менелик II одержал победу над итальянцами и над аскари — местными племенами, примкнувшими к итальянцам.

232

В 1936–1937 гг. Во часто бывает в Мэллзе, в 15 милях от Бата, где живут его друзья: приятельница Хилера Беллока Кэтрин Хорнер, Роналд Нокс, оксфордский друг Во Кристофер Холлис.

233

Когда леди Виктория (Вера) Херберт, тетка не только Лоры, но и первой жены Во Ивлин Гарднер, узнала, что Во хочет на Лоре жениться, она заметила: «А я уж думала, что этого молодого человека мы видим в последний раз».

234

Пятый роман Во «Сенсация» начинается с визита Джона Бута к миссис Стич; ее прототипом была приятельница Во, актриса Диана Купер.

235

Дуглас Вудраф (1897–1978) — издатель журнала «Тэблет».

«Прославленный» (франц.).

237

Испано-венецианский флот разгромил турецкий флот при Лепанто (Нафпактос, Греция) 7 октября 1571 г.

238

Речь идет о скандале, разразившемся в декабре 1936 г., когда Эдуард VIII (1894–1972) отрекся от престола в пользу своего брата Георга VI из-за связи с американской журналистской Уоллис Симпсон.

239

В этом отеле Во часто останавливался и работал; в 1944 г. он писал здесь «Возвращение в Брайдсхед».

240

Филип Инмен (1892–1979) — исполнительный директор «Чепмен-энд-Холл»; был приглашен акционерами, чтобы вывести издательство из кризиса.

241

Сорт макарон (итал.).

242

Летом 1937 года И. Во с женой переселяются в купленный писателем дом Пирс-Корт в Стинчкоме, графство Глостершир. 12 ноября после полугодового перерыва Во вновь начинает вести дневник (последняя запись — 4 июня).

243

Следующая запись в дневнике появляется только в июне 1939 г., за три месяца до начала Второй мировой войны. В 1938 г., прервав оседлую семейную жизнь, Во едет сначала в Венгрию, а потом, вместе с женой, — в Мексику, чему посвящена его книга путевых очерков «Грабеж по закону: мексиканский наглядный урок» (1939). В послевоенный сборник своих путевых очерков Во «Грабеж по закону» не включил, поскольку «в этой книге больше политики, чем путешествий».

244

В начале 1938 г. в испанском городе Теруэле (провинция Арагон) шли кровопролитные бои между республиканцами и франкистами.

245

Хербертам, Мэри и ее мужу, принадлежал дом Пикстон-Парк в графстве Сомерсет.

Имеется в виду роман «Работа отложена» (1942).

То есть от переговоров Сталина с Гитлером.

С 1938 но 1941 гг. — главный дипломатический советник при министре иностранных дел.

249

Брюс Локарт (1887–1970) — английский дипломат и разведчик.

250

Стэнли Болдуин (1867–1947) — премьер-министр Великобритании в 1923–1924, 1924–1929, 1935–1937 гг.

251

Премьер-министром Великобритании в это время был Невилл Чемберлен (1869–1940); в 1940 г. его сменил Уинстон Черчилль.

252

В 1939 г. лорд Перт занимал место советника по иностранным делам в Министерстве информации.

253

То есть брата Питера Флеминга Яна Ланкастера Флеминга (1908–1964) — прозаика и журналиста, автора серии романов о Джеймсе Бонде.